

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 2 2023 / ТОМ 29

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ /
ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА /

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ /

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ /

ИССЛЕДОВАНИЯ /
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

РЕЦЕНЗИИ /

ISSN 2713-0681

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 2 / 2023

Том 29

DOI: 10.19181/nko.2023.29.2

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.
Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2023

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселтов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Синх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, *Researcher*, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas “Gubkin University”.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPa.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franz E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Малинин А. Ю.

Особенности деятельности российских политических партий
в контексте специальной военной операции в 2022 году. 8

Плотникова М. А.

Формирование новых социально-групповых общностей
на территории муниципального образования с низкой инициативностью
граждан в условиях проведения СВО 18

Филитова В. В.

Цивилизационно-ценностная аналитика как метод государственного
управления и разработки отраслевых политик 28

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Слобожникова В. С.

Любить нельзя ненавидеть (отношение к российской реальности в
политической мысли) 44

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бабченко М. С.

Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного
конфликта с Республикой Молдова 56

Тодорова Б. Й.

Болгарская этническая модель: от этнополитической
к этносоциальной модели 67

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Рязанова С. В.

О религиозной идентификации новых религиозных сообществ: проблема
инструментария 75

Богатова О. А., Голованов С. В.

Деятельность православных блогеров как фактор модернизации
православных религиозных организаций 91

Лютенко И. В.

Социокультурные представления тувинской молодежи
с нетрадиционной религиозностью (социологический опыт) 103

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Баранова Н. С.

Инфраструктурный контекст школы как фактор снижения
академических результатов обучающихся: муниципальный аспект 117

**ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ***Мчедлова Е. М.*Взаимосвязь политического, социокультурного и ценностного
континуумов 129**РЕЦЕНЗИИ***Савинков В. И., Приведенцева О. С.*Кадровая политика в сфере интеллектуального труда
(рецензия на книгу: Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О.
Воспроизводство специалистов интеллектуального труда:
социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 384 с.) 138

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

Malinin, A. Yu.

Peculiarities of the activities of Russian political parties in the context of the special military operation in 2022 8

Plotnikova, M. A.

Formation of new social-group communities on the territory of the municipality with low initiative citizens in conditions of conduction of SMO 18

Filippova, V. V.

Civilizational-value analytics as a method of public administration and sectoral policies. 28

POLITICAL CULTURE

Slobozhnikova, V. S.

Love cannot be hated (attitude to Russian reality in political thought) 44

INTERNATIONAL RELATIONS

Babchenko, M. S.

The evolution of the Pridnestrovian identity in the context of the unresolved conflict with the Republic of Moldova 56

Todorova, B. Y.

Bulgarian ethnic model – from ethnopolitical to ethnosocial model 67

SOCIOLOGY OF RELIGION

Riazanova, S. V.

On the religious identification of new religious communities: instrumentation problem. 75

Bogatova, O. A., Golovanov, S. V.

The activity of Orthodox bloggers as the factor of the Orthodox religious organizations modernization. 91

Lyutenko, I. V.

Sociocultural representations of Tuvan youth with unconventional religiosity (sociological experience) 103

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Baranova, N. S.

The infrastructural context of the school as a factor in lowering students' academic results: municipal aspect 117

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

Mchedlova, E. M.

The relationship of political, socio-cultural and value continuums 129

REVIEWS

Savinkov, V. I., Privedentseva, O. S.

Personnel policy in the sphere of intellectual labor

(review of the book: Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O.

Reproduction of specialists of intellectual labor: a sociological analysis.

Moscow: FNISC RAN, 2023. 384 p.). 138

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.1)
EDN [KLKRHB](https://www.edn.ru/klkrhb)
УДК 329.05

А. Ю. Малинин¹
¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В 2022 ГОДУ

Аннотация. В предлагаемой работе автор анализирует позиционирование российских политических партий в актуальных политических реалиях. Специальная военная операция на Украине рассматривается как значимое внутривнутриполитическое и геополитическое событие, которое в той или иной степени затронуло практически все общественно-политические институты России, включая политические партии. В рамках данной статьи партии классифицируются на новые, то есть, созданные после 2015 года и участвующие в федеральных электоральных кампаниях, и те партии, которые уже сумели занять прочное место в политической системе и сформировать фракции в парламенте. Цель данного исследования – определить, удалось ли новым политическим партиям в 2022 году воспользоваться текущим периодом нестабильности, чтобы усилить и укрепить своё положение в политическом пространстве и насколько успешно. Анализируются законодательную, медийную и общественную деятельность таких партий, как «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, СРЗП, «Новые люди», «Зелёная альтернатива», «Партия Роста» в 2022 году, был сделан вывод, что среди новых политических партий только «Новые люди» ведут относительно активную работу в рамках повестки специальной военной операции. Другие новые политические партии, кроме незначительных акций, проектов и иных видов деятельности, практически не используют спецоперацию в своей деятельности для продвижения своего партийного бренда и привлечения новых сторонников. Вместе с тем почти все рассматриваемые партии интегрировали повестку специальной военной операции в свою деятельность, однако это в очень малой степени отразилось на электоральных симпатиях населения.

Ключевые слова: политические партии, новые партии, парламент, законодательство, специальная военная операция, Украина

Для цитирования: Малинин А. Ю. Особенности деятельности российских политических партий в контексте специальной военной операции в 2022 году // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 8–17. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.1). EDN [KLKRHB](https://www.edn.ru/klkrhb)

Введение. Политические партии занимают важное место в политической системе практически любой страны. Одновременно с этим партии играют значительную роль в гражданском обществе в качестве одного из наиболее институционализованных элементов [1, с. 278]. Политические партии выполняют одновременно несколько функций, связанных как с борьбой за власть, так и с политическим представительством и социальной интеграцией. Вместе с тем в период внутривнутриполитической или внешнеполитической турбулентности и неопределённости партии способны осуществлять функцию политической

мобилизации, прямо и косвенно объединяя граждан для достижения общих целей [2, с. 104–105; 3, с. 146].

В данном исследовании автор классифицирует партии, разделяя их на новые и те, которые закрепились в системе политических партий России до 2015 года. Выделение новых политических партий можно встретить в работах ряда исследователей. Понятие, функции и значение новых партий приводятся в работах Дж. Робертсона, Н. Ситтер, С. Хаг, Р. Хармеля, М. Тэвитс и многих других [4–7]. В частности, Ситтер в своём исследовании партий, появившихся после обрушения коммунистических режимов в странах Восточной Европы, относит к новым партии, возникшие из оппозиционных общественных движений, а также популистские партии [8, с. 425–451]. В то же время, в соответствии с работами М. Тэвитс, новые партии возникают либо в случае раскола существующих, либо «с нуля», а их появление обусловлено изменениями в стратегическом выборе элит и поведении избирателей. Известный отечественный политолог Л. В. Сморгунув выделяет следующие общие признаки новых партий:

- Новая партия отличается от «исторической», ранее уже существовавшей в политическом процессе и появившейся вновь как дань традиции.
- Новая партия возникает в промежутке между двумя последовательными выборами.
- Новая партия пытается занять определённую идеологическую нишу или конкурировать за неё с другими партиями.
- Новая партия имеет новое название и состав политических лидеров [9, с. 195].

Основываясь на работах своих предшественников, в данной статье автор под «новой политической партией» понимает партии, созданные после 2015 года перед двумя всплесками партийного строительства (2016 и 2020 годы) и принимавшие участие в федеральных избирательных кампаниях [10, с. 234]. К таковым партиям относятся «Новые люди», «Зелёная альтернатива» и «Партия Роста». Ввиду наличия большого количества партий, относящихся ко второй категории занимающих прочное место в политической системе страны, в рамках данной статьи автор рассматривает только парламентские партии: «Единую Россию», КПРФ, ЛДПР и СРЗП.

Исследовательская стратегия статьи строится на рассмотрении системы политических партий и её компонентов. В соответствии с классификацией партийных систем Дж. Сартори, систему политических партий России можно определить как многопартийную с одной доминирующей партией, учитывая значительное превосходство «Единой России» в части финансовых, административных и людских ресурсов [11].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что проведение специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 году затронуло все российские политические институты, включая политические партии из обеих категорий, выделенных автором. Учитывая, что кризисные времена открывают новым политическим силам дополнительные возможности для комплексного развития и значительного увеличения собственного влияния в политико-партийной системе [12, с. 61], в исследовании автор ставит перед собой цель определить, смогли ли новые политические партии воспользоваться данным шансом и в какой степени. В связи с этим задача состоит в том, чтобы проанализировать деятельность новых партий, относящуюся к СВО, как в части медиа-активности в виде заявлений, призывов и различных публичных проявлений, так и в части различных общественно-политических проектов

и акций, включающих в себя сборы гуманитарной помощи, поездки в места боевых действий, открытие волонтерских и иных штабов и многое другое. Помимо этого, будет рассмотрена законодательная деятельность политических партий в отношении спецоперации и смежных с ней направлений. Активность новых партий в контексте специальной военной операции будет сопоставлена со аналогичной деятельностью политических партий, входящих во вторую категорию. Таким образом, автор использует методы анализа программных документов, сравнительный и контент-анализ.

Важно подчеркнуть, что в данной статье партии не рассматриваются через призму выполнения одной из главных своих задач политических партий согласно упомянутому ранее Дж. Сартори – борьбы за власть, – поскольку это не является целью исследования.

Роль новых политических партий в контексте СВО. Вскоре после начала СВО только одна из рассматриваемых новых политических партий публично обозначила свою позицию по вопросу целесообразности проведения специальной военной операции. 24 февраля 2022 года председатель партии «Новые люди» Алексей Нечаев заявил, что России не оставили выбора, и украинский вопрос невозможно мирным путём, поэтому он и его партия поддерживают решение Президента РФ о начале специальной военной операции¹. Поскольку партия изначально имеет предпринимательскую направленность, в дальнейшем её руководство, в том числе фракция в Государственной Думе, сделало особый акцент на внесении антикризисных предложений по стабилизации и развитию экономики. Так, был разработан пакет «70+ предложений новых людей по спасению экономики», который, прежде всего, касался малого и среднего бизнеса; помимо этого, партия передала в Правительство РФ ряд предложений по названию «НЭП 2.0», в рамках которого предлагалось обеспечить условия для развития индустриализации силами российских частных компаний².

Так как «Новые люди» относятся к системной оппозиции, несмотря на заявленную поддержку спецоперации и, в дальнейшем, частичной мобилизации, партия периодически высказывает мягкую критику по отношению к отдельным решениям, связанным с СВО. Например, в течение октября-ноября 2022 года был сделан ряд заявлений об ошибках военных комиссариатов при проведении мобилизации³. Также после доклада министра обороны Сергея Шойгу о завершении частичной мобилизации, лидер «Новых людей» резко осудил законопроект «Единой России», предусматривающий уголовное наказание за отказ от мобилизации⁴.

В то же время стоит отметить, что «Новые люди» внесли ряд предложений, направленных не на критику процедуры частичной мобилизации, а на её модернизацию. К таким предложениям можно отнести усиление общественного контроля и поправки в закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», которые призваны закрепить понятие «частичная мобилизация»

¹ Замахина Т. «Новые люди» согласны, что миром проблему с Украиной не решить // Российская Газета: [сайт]. 24 февраля 2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/24/novye-liudi-soglasny-chno-mirom-problemu-s-ukrainoj-ne-reshit.html> (дата обращения: 01.12.2022).

² «Новые люди» предложили ввести в стране НЭП 2.0 // ДУМАТВ: [сайт]. 15 ноября 2022. URL: <https://dumatv.ru/news/novye-lyudi-predlozhili-vvesti-v-strane-nep-2-0> (дата обращения: 02.12.2022).

³ Кукин Ю. Нечаев: проблемы с мобилизацией вызваны желанием военкоматов выслужиться и перевыполнить план // RTVI: [сайт]. 7 октября 2022. URL: <https://rtvi.com/news/nechaev-problemy-s-mobilizacziej-vyvany-zhelaniem-voenkomatov-vysluzhitysya-i-perevypolnit-plan/> (дата обращения: 02.12.2022).

⁴ Нечаев: зачем уголовное наказание за отказ от мобилизации при её завершении // Regnum: [сайт]. 1 ноября 2022. URL: <https://regnum.ru/news/3739888> (дата обращения: 02.12.2022).

и прописать конкретные условия получения отсрочки⁵. К наиболее значимым общественным проектам «Новых людей» можно отнести «Службу депутатской поддержки» для россиян, которые столкнулись с нарушениями при мобилизации, а также открытие пунктов сбора гуманитарной помощи.

Будучи парламентской партией, «Новые люди» продемонстрировали наибольшую активность в контексте специальной военной операции среди новых политических партий [13; 14]. Партия подтвердила свой статус умеренной системной оппозиции, с одной стороны, поддержав решения о проведении СВО и частичной мобилизации, с другой стороны, высказав критику в адрес «перегибов на местах» и отдельных предложений правящей партии «Единая Россия». В то же время «Новые люди» сохранили собственный бизнес-ориентированный имидж, сделав ставку на инициативы, касающиеся торгово-экономического сектора. В этом плане партия также сохранила умеренность, сосредоточившись не на публичной критике власти, а на конструктивных альтернативных предложениях.

На этом фоне в значительной степени отличается активность партии «Зелёная альтернатива», в том числе, по мнению автора, из-за её непарламентского статуса. Представители партии не выступали публично с какими-либо заявлениями или предложениями, касающимися специальной военной операции. «Зелёная альтернатива» запустила лишь один постоянный проект, касающийся СВО, – сбор гуманитарной помощи для животных, находящихся в Донецкой и Луганской народных республиках, Херсонской и Запорожской областях. В остальном партия продолжает фокусироваться на экологической тематике, связанной, прежде всего, с защитой лесных массивов от вырубки, заботой о животных и с мусорной тематикой.

«Партия Роста» также изначально не заявила о поддержке или её отсутствии в адрес спецоперации. Единственное, что было сделано партией в контексте позиции по данному вопросу, – это публикация в начале марта трех заявлений представительниц руководства «Партии Роста», в которых они призывают к обеспечению мира, однако открыто не критикуют СВО⁶. При рассмотрении иной партийной деятельности, имеющей отношение к спецоперации, выяснилось, что «Партия Роста» в целом следует своей ориентации на бизнес и экономику: лидер партии Борис Титов и его сторонники периодически выступают с предложениями по преодолению финансового кризиса и санкционного давления. Также партия разработала комплекс мер и предложений, направленных на всестороннее развитие российской экономики⁷, однако в публичном пространстве нет упоминаний о том, что данный перечень инициатив был передан в Правительство или другие органы государственной власти. Стоит отдельно упомянуть, что во многом имидж «Партии Роста» как бизнес-ориентированной партии поддерживался за счёт должности её лидера, который является уполномоченным по правам предпринимателей при Прези-

⁵ Новые люди предлагают конкретизировать условия частичной мобилизации // Новые люди: [сайт]. 1 октября 2022. URL: <https://newpeople.ru/News/novye-lyudi-predlagayut-konkretizirovat-usloviya-chastichnoj-mobilizacii> (дата обращения: 02.12.2022).

⁶ Ксения Безуглова: Нам всем нужен мир // Партия Роста. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/kseniya-bezuglova-nam-vsem-nuzhen-mir/>; Ирина Миронова: Сила оружия может уничтожить жизнь, но она не может её дать // Партия Роста. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/irina-mironova-sila-oruzhiya-mozhet-unichtozhit-zhizn-no-ona-ne-mozhet-ee-dat/>; Елена Ульянова: Пора остановиться и договориться // Партия Роста. 1.03.2022. URL: <https://rost.ru/presscenter/posts/elena-ulyanova-pora-ostanovitsya-i-dogovoritsya/> (дата обращения: 04.12.2022).

⁷ Требуемый пакет мер поддержки бизнеса // Партия Роста. URL: <https://rost.ru/suggestions/> (дата обращения: 04.12.2022).

денте РФ, однако 16 сентября 2022 года Борис Титов заявил о том, что в скором времени планирует уйти в отставку. Не исключено, что отставка лидера партии с поста бизнес-омбудсмана приведёт к снижению узнаваемости партии.

Актуальные данные об уровне поддержки последних двух политических партий в публичном пространстве отсутствуют.

Деятельность «Единой России», КПРФ, ЛДПР, СРЗП на фоне спецоперации. Четыре парламентские партии, которые закрепились в системе политических партий до 2015 года, во многом благодаря парламентскому статусу и большим ресурсным возможностям значительно активнее работают с повесткой специальной военной операции.

В контексте СВО у деятельности упомянутых партий есть немало схожих черт: все они единодушно поддержали начало спецоперации 24 февраля 2022 года [15]. В дальнейшем каждая из партий старалась предложить как можно больше законопроектов или поправок в существующие законы, которые были бы направлены на социальную поддержку россиян, а также на снижение негативного влияния санкций и ухода иностранных компаний на российскую экономику. Также партии признали необходимость проведения частичной мобилизации и впоследствии заявляли о том, что их представители, – особенно члены «Единой России» и КПРФ, – регулярно отправляются в зону боевых действий в качестве добровольцев⁸. Вполне ожидаемо данные партии запустили собственные сборы гуманитарной помощи.

Тем не менее, у четырёх рассматриваемых партий прослеживаются и существенные различия в подходах к своей работе по тематике специальной военной операции.

«Единая Россия» в качестве крупнейшей партии по числу депутатов различного уровня и членов партии сделала ставку на продвижение и популяризацию ультрапатриотической повестки, подстроив практически всю свою деятельность под поддержку спецоперации. В рамках законотворческой работы депутаты от «Единой России» были главными инициаторами ряда законопроектов по поддержке участников СВО и их семей, включая приравнивание первых к статусу «ветеранов боевых действий», дополнительные выплаты для контрактников (к которым приравниваются и мобилизованные), кредитные каникулы, льготы для ЖКХ и многое другое – всего более 50 мер поддержки⁹. Также на законодательном уровне «Единая Россия» способствовала борьбе с экстремизмом и иноагентами.

Рассматривая общественную деятельность партии, можно с уверенностью заключить, что партия сделала особый акцент на развитии волонтерства, направленного на помощь новым регионам РФ и участникам СВО, а также на постоянных поездках представителей депутатского корпуса в зону боевых действий. Например, секретарь Генерального совета «Единой России» Андрей Турчак регулярно посещает Донбасс и встречается с солдатами, местными властями и жителями.

⁸ Депутат от «Единой России» Бородай стал добровольцем для участия в СВО // Известия. 24.09.2022. URL: <https://iz.ru/1400557/2022-09-24/deputat-ot-edinoy-rossii-borodai-stal-dobrovoltcem-dlia-uchastia-v-svo>; В КПРФ рассказали, что в спецоперации на Украине участвуют более 300 коммунистов в возрасте от 19 до 60 лет // Красная линия. 13.10.2022. URL: <https://www.rline.tv/news/2022-10-13-v-kprf-rasskazali-cto-v-spetsoperatsii-na-ukraine-uchastvuyut-bolee-300-kommunistov-v-vozraste-ot-1/> (дата обращения: 11.12.2022).

⁹ Железняков А. Помощь мобилизованным: по инициативе «Единой России» действуют меры поддержки участников СВО и их семей // МК. 16.11.2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/16/pomoshh-mobilizovannym-po-inicative-edinoy-rossii-deystvuyut-mery-podderzhki-uchastnikov-svo-i-ikh-semey.html> (дата обращения: 11.12.2022).

В отличие от «Единой России» КПРФ, прежде всего, решила использовать специальную военную операцию для своего продвижения через идеологические компоненты, усиливая образ правопреемницы КПСС через постоянные сравнения СВО с Великой Отечественной войной. Подобные сравнения присутствуют в риторике не только коммунистов, но КПРФ акцентирует внимание избирателей на том, что именно она является «партией спецоперации». Более того, руководство Коммунистической партии решило использовать текущий мировой финансовый кризис для популяризации левых социалистических идей, утверждая, что капиталистический миропорядок привёл к существующим экономическим проблемам. Об этом свидетельствует обращение лидера партии Геннадия Зюганова к Пленуму ЦК КПРФ¹⁰.

Отметим, что ещё в феврале 2022 года четыре депутата-коммуниста осудили специальную военную операцию, однако, как утверждает ряд источников, впоследствии данным депутатам запретили публично высказываться¹¹. С публичными призывами против спецоперации выступили и некоторые региональные представители партии. Например, 24 февраля 2022 года депутат Мосгордумы от КПРФ Евгений Ступин провёл круглый стол с представителями КПРФ и других левых сил, на котором участники осудили проведение СВО. Также депутат неоднократно выступал с критикой СВО на своём YouTube-канале и написал открытое письмо председателю Центральной контрольно-ревизионной комиссии (ЦКРК) КПРФ Николаю Иванову с разъяснением своего негативного отношения к спецоперации¹².

Публичных сообщений о визитах депутатского корпуса в зону боевых действий нет, как и информации о высокой волонтерской активности партии в контексте СВО.

Серьёзную часть деятельности партии «Справедливая Россия – За правду» (СРЗП) в рамках тематики спецоперации составляла явная поддержка действий России через различные заявления и выступления. В части законодательной деятельности депутаты СРЗП, в основном, фокусировались на предложениях, которые касаются социальной поддержки населения и участников СВО, поддерживая законопроекты «Единой России» или предлагая собственные альтернативные инициативы. В целом, подобная работа разительно не отличается от того, чем занимается «Единая Россия», кроме явной ориентации на социальную сферу, что соответствует социал-демократической направленности партии. В данном случае расхождение с другими партиями данной категории, в частности, «Единой Россией», минимальны.

Однако СРЗП запустила общественно-политический проект, который достаточно сильно выделяется на фоне деятельности других партий из рассматриваемой категории. Сопредседатель СРЗП Захар Прилепин переориентировал созданные в 2021 году штабы по расследованиям в сферах ЖКХ, здравоохранения, культурного наследия, транспортной доступности, образования и др., сделав из них «центры корректировки региональной политики». На данный момент, основная заявленная цель данных штабов – помощь беженцам, мобилизованным и их семьям, сбор гуманитарной помощи и многое другое. По словам Захара Прилепина, штабы также заняты борьбой с халатностью

¹⁰ Гармоненко Д. КПРФ остаётся партией спецоперации // Независимая газета. 28.06.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-06-28/1_8472_kprf.html (дата обращения: 11.12.2022).

¹¹ Ещё один депутат Госдумы высказался против военной операции на Украине // НаканунеRu. 28.02.2022. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2022/02/28/22644753/> (дата обращения: 11.12.2022).

¹² Руководство КПРФ потребовало от депутата-коммуниста объяснить его антивоенную позицию // НаканунеRu. 28.02.2022. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2022/02/28/22644807/> (дата обращения: 11.12.2022).

региональных чиновников и помощью жителям в оперативном решении проблемных ситуаций. На данный существуют 13 штабов, ещё в 15 регионах они находятся на стадии формирования¹³.

Основное отличие политики ЛДПР в отношении спецоперации – фокус на продвижение её идей, ценностей и целей через различную публичную активность в виде заявлений и выступлений ярко выраженного национал-патриотического характера, а также PR-акций и медиа проектов. Например, 11 декабря ЛДПР анонсировала запуск проекта по популяризации участников СВО¹⁴. Помимо сборов гуманитарной помощи, которые не отличают партию от коллег по парламенту, ЛДПР крайне редко организует офлайн акции, о поездках представителей ЛДПР в зону боевых действий также нет информации.

Стоит упомянуть тот факт, что партия проходит этап внутренней трансформации после смены лидера: председатель комитета Государственной Думы по международным делам Леонид Слуцкий только в мае 2022 года сменил на этом посту умершего Владимира Жириновского, возглавлявшего партию на протяжении более 32 лет. Учитывая моноцентричную систему управления партией, а также тот факт, что до этого назначения Слуцкий занимался преимущественно международной политикой, по мнению автора, понадобится определённое время для подстраивания внутрипартийной организации под нового руководителя.

В то же время новый председатель ЛДПР в конце 2022 года активизировал работу по привлечению новых узнаваемых лиц в партию. В начале декабря Леонид Слуцкий предложил основателю «Группы Вагнера» Евгению Пригожину посетить слёт партии, чтобы, вероятнее всего, пригласить его вступить в ряды ЛДПР. Как отмечают эксперты, Слуцкий рассчитывал, что согласие Евгения Пригожина позволит обеспечить постоянное ассоциирование бойцов «Группы Вагнера» с ЛДПР, однако Пригожин резко отказался от предложения¹⁵. Сразу после этого лидер ЛДПР пригласил на то же мероприятие бывшего предпринимателя Виктора Бута, который 8 декабря вернулся в Россию, отсидев в тюрьме США 12 лет. На слёте ЛДПР Виктор Бут стал членом партии. Возможно, общее целеполагание данного приглашения заключается том, чтобы усилить в восприятии граждан имидж ЛДПР как патриотической антиамериканской партии, учитывая возможности Виктора Бута по объективной критике США.

Заключение. Анализируя данные о разнонаправленной деятельности новых партий и партий, закрепившихся в российской партийной системе до 2015 года, автор приходит к выводу, что вторая категория партий по-прежнему занимает лидирующие позиции в системе политических партий по критериям медийной, законодательной и общественной активности. Исходя из исследования, среди новых партий только «Новые люди» стремятся к тому, чтобы закрепиться в политико-партийном ландшафте России, следуя предпринимательской направленности и позиционированию себя как умеренной оппозиции, с одной стороны, и общей поддержке текущего курса верховной и исполнительной власти в контексте украинского вопроса, с другой. Безусловно, неформальное лидерство «Новых людей» среди трех рассматриваемых новых партии обусловлено, прежде

¹³ Веретенникова К. Штабная мобилизация // Коммерсантъ. № 226 от 06.12.2022. Стр. 3.

¹⁴ Слуцкий анонсировал новый проект ЛДПР, посвящённый популяризации участников СВО // Аргументы недели. 11.12.2022. URL: <https://argumenti.ru/politics/2022/12/803602> (дата обращения: 12.12.2022).

¹⁵ Слуцкий аннулировал приглашение Пригожина на слет ЛДПР // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/3758515.html> (дата обращения: 11.12.2022).

всего, наличием представительства в Государственной Думе, что даёт серьёзные административные рычаги воздействия, а также финансовые возможности, складывающиеся из бюджетных средств и спонсорства со стороны лидера партии Алексея Нечаева. «Зелёная альтернатива» и «Партия Роста» не обладают такой ресурсной базой, однако и без неё есть возможность повышать узнаваемость и рейтинг своих партий, более активно продвигая собственную повестку в рамках актуальной темы специальной военной операции с помощью современных информационно-телекоммуникационных технологий [16, с. 8].

Исходя из проведённого анализа, можно сделать вывод, что новые партии, как минимум на момент подготовки статьи, слабо используют или вовсе не используют период внутривнутриполитической трансформации и определённой нестабильности для получения поддержки более широких слоёв населения и усиления собственных позиций в системе политических партий. Из этого рождается предположение, – уже звучавшее в СМИ по отношению к ряду партий¹⁶, – что данные партии и не стремятся к всестороннему развитию, лишь выполняя функцию технических кандидатов во время избирательных кампаний, в особенности в случае с «Зелёной альтернативой» и «Партией Роста».

Библиографический список

1. Никоенко С. А. Политические партии как институт политической организации гражданского общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 10(102). С. 278–282. EDN OIFQAL.
2. Курочкин А. В. Функции политической партии: политико-правовая природа // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 3. С. 104–106. EDN NBPFDR.
3. Кремень Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 146–149. EDN RPXODR.
4. Harmel R., Robertson J. D. Formation and success of new parties // International political science review. 1985. Vol. 6, No. 4. P. 501–523. DOI 10.1177/019251218500600408. EDN JMQBGF.
5. Hug S. Altering party systems: Strategic behavior and the emergence of new political parties in Western democracies. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2001. 216 p. DOI 10.3998/mpub.16263.
6. Ignazi P. The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe // European journal of political research. 1992. Vol. 22, Issue 1. P. 3–34. DOI 10.1111/j.1475-6765.1992.tb00303.x.
7. Tavits M. The development of stable party support: Electoral dynamics in post-communist Europe // American Journal of Political Science. 2005. Vol. 49, Issue 2. P. 283–298. DOI 10.1111/j.0092-5853.2005.00123.x.
8. Sitter N. Cleavages, party strategy and party system change in Europe, east and west // Perspectives on European politics and society. 2002. Vol. 3, Issue 3. P. 425–451. DOI 10.1080/15705850208438844.
9. Сморгунов Л. В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. № 4. С. 191–211. EDN NAYFGB.
10. Любарев А. Е. Вольхина М. В. Классификация новых политических партий // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 234–240. EDN VRJGHN.
11. Сартори Д. Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы : Хрестоматия / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. М. : ИНИОН, 2004. С. 14–25. EDN NCUNTR.

¹⁶ «Зелёные» предложили «Яблоку» и «Зелёной альтернативе» объединиться // ТАСС. 20.09.2021. URL: <https://tass.ru/politika/12460773>; Штейнерт А., Иванов М. «Единой России» помогут малые партии // Ведомости. 11.04.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/04/11/865476-edinoi-rossii> (дата обращения: 11.12.2022).

12. Уманец В. Д. Репрезентационная активность новых российских политических партий // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. № 4(28). С. 105–121. EDN [TBQIDR](#).
13. Косов Г. В. Галда М. В., Гандалов И. И. Политическое участие в условиях кризиса: теоретические основы и новые эмпирические данные // Философия права. 2022. № 2(101). С. 60–65. EDN [TRLWHQ](#).
14. Великая Н. М., Малинин А. Ю. Медиаактивность новых политических партий в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3(27). С. 84–98. DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-84-98](#). EDN [DDZIDC](#).
15. Великая Н. М. Идеологические и институциональные доминанты консолидации российского общества и государства // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 11(87). С. 3632–3646. DOI [10.35775/PSI.2022.87.11.003](#). EDN [CCWEAV](#).
16. Гаджиев Х. А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 8–20. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](#). EDN [ZQHIYZ](#).

Поступила: 19.12.2022. Доработана: 17.03.2023. Принята к печати: 03.04.2023.

Сведения об авторе:

Малинин Алексей Юрьевич, аспирант, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

malinin.alexey.yu@gmail.com

Author ID РИНЦ: 1142107

A. Yu. Malinin¹

¹ ISPR FCTAS RAS
Moscow, Russia

PECULIARITIES OF THE ACTIVITIES OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES IN THE CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN 2022

Abstract. This article analyzes the positioning of political parties in the current political realities. The special military operation in Ukraine is considered as a significant internal political and geopolitical event, which to one degree or another affected almost all socio-political institutions of Russia, including political parties. In this article the parties are classified into new ones, that are those which created after 2015 and participating in federal election campaigns, and those parties that managed to take a firm place in the political system and form fractions in the Parliament. The purpose of this study is to determine whether new political parties in 2022 were able to take advantage of the current period of instability to strengthen their position in the political space and to which extent. Analyzing the legislative, media and public activities of such parties as “United Russia”, the Communist party, the Liberal-Democratic party, “Just Russia – for the Truth”, “New People”, “Green Alternative” and the “Party of Growth” in 2022 it was concluded that among the new political parties only “New People” are relatively active in the framework of the agenda of a special military operation. Other new political parties, except for minor actions, projects and other activities, almost do not use special operations in their activities to promote their party brand and attract new supporters. At the same time, almost all the parties under consideration integrated the agenda of the special military operation into their activities, but this had a very small impact on the electoral sympathies of the population.

Keywords: political parties, new parties, parliament, lawmaking, special military operation, Ukraine

For citation: Malinin A. Yu. Peculiarities of the activities of Russian political parties in the context of the special military operation in 2022. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):8–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.1>

References

1. Nikonenko S. A. Political parties as institute of political organization of civil society. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki=Tambov University Review. Series: Humanities*. 2011;(10):278–282. (In Russ.).
2. Kurochkin A. V. Function of political parties: political and legal nature. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti=Bulletin of economic security*. 2009;(3):104–106. (In Russ.).
3. Kremen T. V. Political mobilization: objects and subjects. *Istoricheskaâ i social'no-obrazovatel'naâ mysl'=Historical and Socio-Educational Idea*. 2013;(5):146–149. (In Russ.).
4. Harmel R., Robertson J. D. Formation and success of new parties. *International political science review*. 1985;6(4):501–523. DOI [10.1177/019251218500600408](https://doi.org/10.1177/019251218500600408).
5. Hug S. *Altering party systems: Strategic behavior and the emergence of new political parties in Western democracies*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2001. 216 p. DOI [10.3998/mpub.16263](https://doi.org/10.3998/mpub.16263).
6. Ignazi P. The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe. *European journal of political research*. 1992;22(1):3–34. DOI [10.1111/j.1475-6765.1992.tb00303.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1992.tb00303.x).
7. Tavits M. The development of stable party support: Electoral dynamics in post-communist Europe. *American Journal of Political Science*. 2005;49(2):283–298. DOI [10.1111/j.0092-5853.2005.00123.x](https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2005.00123.x).
8. Sitter N. Cleavages, party strategy and party system change in Europe, east and west. *Perspectives on European politics and society*. 2002;3(3):425–451. DOI [10.1080/15705850208438844](https://doi.org/10.1080/15705850208438844).
9. Smorgunov L. V. “New parties”, governability and needs of innovative policy in Russia. *Političeskaâ nauka=Political science (RU)*. 2010;(4):191–211. (In Russ.).
10. Lyubarev A. E., Volkhina M. V. Classification of new political parties. *The Political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2018;(3):234–240. (In Russ.).
11. Sartori J. Parties and party system: A framework for analysis. In: Anokhina H. V., Melshkin E. Y. eds., *Parties and Elections*. Moscow: INION; 2004. P. 14–25. (In Russ.).
12. Umanec V. D. Representational activity of new Russian political parties. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiâ=Bulletin of Perm state university. Political science*. 2014;(4):105–121. (In Russ.).
13. Kosov G. V., Galda M. V., Gandolaev I. I. Political participation in crisis: theoretical foundations and new empirical data. *Filosofiâ prava=Philosophy of Law*. 2022;(2):60–65. (In Russ.).
14. Velikaya N. M., Malinin A. Yu. Media activity of new political parties on the eve of the elections to the State Duma of the VIII convocation: a sociological analysis. *RSUH/RGGU Bulletin, Series “Philosophy. Sociology. Art Studies”*. 2021;(3):84–98. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-84-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-84-98).
15. Velikaya N. M. Ideological and institutional dominants of consolidation of Russian society and state. *Voprosy politologii=Political Science Issues*. 2022;12(11):3632–3646. (In Russ.). DOI [10.35775/PSI.2022.87.11.003](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.87.11.003).
16. Gadzhiev K. A. Political feedback in conditions of social digitalization. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2021;27(1):8–20. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.1).

Received: 19.12.2022. Corrected: 17.03.2023. Accepted: 03.04.2023.

Information about the author:

Alexey Yu. Malinin, postgraduate student, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. malinin.alexey.yu@gmail.com

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2)
EDN [JVXBRB](https://edn.ras.ru/JVXBRB)
УДК 316.4

М. А. Плотникова^{1,2}

¹ Администрация городского округа Краснотурьинск

² Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
Екатеринбург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С НИЗКОЙ ИНИЦИАТИВНОСТЬЮ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СВО

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и трансформации социальных и административно-управленческих проблем муниципальных образований с низкой инициативностью граждан. Эмпирической базой послужили данные социологических исследований (опросов), проведённых автором в городском округе Краснотурьинск (Свердловская область) до и после объявления частичной мобилизации. В ходе исследования рассмотрены социальные проблемы территории, уровень доверия органам местной власти, взаимодействия с ними, а также динамика изменения этих аспектов под влиянием ключевых политических факторов, в частности, специальной военной операции на Украине. Были применены деятельностный, деятельностно-активистский подходы, позволившие как исследовать состояние общества в контексте радикальных изменений, так и изучить формирование и деятельность социально-групповых общностей на территории муниципального образования в условиях спецоперации. Автором проведены экспертные интервью с должностными лицами Администрации Северного Управленческого округа, Администрации городского округа Краснотурьинск, председателями Общественных палат Серовского и Краснотурьинского городских округов, а также с представителями вновь созданных местных сообществ: Комитета солдатских матерей Серовского городского округа и ветеранских организаций городского округа Краснотурьинск об их взаимодействии с органами власти и урегулировании конфликтных ситуаций.

Исследование показало, что даже при низкой инициативности граждан, наличие внешнего фактора (частичная мобилизация) стимулирует жителей к принятию решений по социальным проблемам вне компетенции органов местного самоуправления, формируя при этом новые социальные институты, местные сообщества. Автор приходит к выводу, что в реалиях спецоперации, в дополнение к действующим на территории муниципального образования возникают новые местные сообщества, социальные институты, обеспечивающие условия организационного и стимулирующего характера дальнейших действий, представители которых, как лидеры общественного мнения, могут претендовать на включение в члены Общественной палаты муниципального образования при последующих отборочных процедурах. Это открывает ещё один механизм выявления лидеров общественного мнения на муниципальной территории с низкой инициативностью граждан для эффективной организации взаимодействия граждан и местного самоуправления через Общественную палату муниципального образования, что, в свою очередь, может как способствовать в дальнейшем снятию социальной напряжённости в условиях СВО, так и в целом улучшению качества жизни на муниципальной территории.

Ключевые слова: местные органы власти, лидеры общественного мнения, муниципальное образование, специальная военная операция, гражданская активность, общественная палата, взаимодействие органов власти и населения, социальные проблемы.

Для цитирования: Плотникова М. А. Формирование новых социально-групповых общностей на территории муниципального образования с низкой инициативностью граждан в условиях проведения СВО // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2). EDN [JVXBRB](https://edn.ru/10.19181/nko.2023.29.2.2)

Introduction (Введение). В условиях проведения специальной военной операции (СВО) на Украине на территориях российских муниципальных образований обостряются имеющиеся проблемы и возникают новые, требующие разрешения местными властями во взаимодействии с обществом. С одной стороны, наладить взаимопонимание граждан и властей в вопросах жизнеобеспечения, накопившихся и вновь создаваемых социальных проблем, возникающих на территориях в том числе под влиянием внешнеполитических факторов, призваны Общественные палаты на федеральном, региональном и местном уровнях. Однако при их формировании в муниципальных образованиях с низкой инициативностью граждан местные власти сталкиваются с рядом сложностей, в том числе с выявлением лидеров общественного мнения для работы в таких социальных институтах.

Объектом исследования являются причины и условия формирования новых социально-групповых общностей в условиях СВО на территории муниципального образования, возможность представления их интересов в органах власти и их взаимодействие через социальный институт – Общественную палату муниципального образования.

Ранее автором, с помощью принципов концепции «Good governance» [1, с. 28], была построена модель качественного управления [2, с. 113], выведены и апробированы в процессе эксперимента новые форматы вовлечения граждан в решение социально-значимых проблем на муниципальной территории. Дальнейший интерес для исследований представляла собой реализация полученной дополнительной социально-конструктивистской функции Общественной палаты по формированию общественного мнения и вовлечению населения: выявление лидеров общественного мнения, инициативных групп граждан, сообществ.

Новизна материала в данном исследовании представлена изучением условий возникновения инициативной деятельности граждан в решении новых социально-значимых вопросов на территории муниципального образования на фоне возникших внешних факторов; необходимости своевременного и незамедлительного реагирования местных властей на создание новых сообществ. Проведение своевременного мониторинга ситуации и внедрение в работу социального института Общественной палаты муниципального образования для совместного решения социальных проблем определяет эффективность деятельности такого социального института по взаимодействию граждан и местного самоуправления.

Materials and Methods (Материалы и методы). В ходе рассмотрения различных концептуальных подходов, при проведении исследования использован деятельностный подход [3; 4], лидерами которого в литературе являются Дж. Александер, М. Арчер, П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка и другие, предложившие концепции, в своей основе синтезирующие идеи структурализма, марксизма, феноменологии, конструктивизма и характеризующиеся особой познавательной и аналитической ценностью в изучении обществ, претерпевающих радикальные изменения.

В концепциях деятельностного направления отводится особая роль деятельностным субъектам – людям: лидерам, реформаторам, авторам научных

открытий и обыкновенным представителям различных социальных сообществ [5, с. 295]. «... люди своими действиями создают и воспроизводят контекст собственного существования, то есть те социальные структуры, которые, в свою очередь, становятся исходными условиями организационного или стимулирующего характера дальнейших действий» [6]. Что называется дуальностью структур (Э. Гидденс), характеризует двойственность и определяет средства производства социальной жизни, одновременно как её результат [7].

Признание отсутствия единого вектора и актуализации действий субъектов деятельности при характеристике двойственности или дуальности взаимодействия между таковыми выводят на объяснение социального процесса на каждом промежутке пространства — времени с учётом всех условий, слагаемых, специфика взаимодействия которых на каждый данный момент определяет конфигурацию или протекание процесса далее, что возможно описать с помощью понятия «эмерджентный», или иначе «отвечающий на данную ситуацию, или активно реагирующий на воздействие в каждый данный момент» [8].

Также автором применён деятельностно-активистский подход в исследовании (В. А. Ядов), при описании которого в социологическую теорию включено априорное положение: «Люди сами творят свою судьбу, но при обстоятельствах, которые сами себе не выбирали» [9, с. 423]. Всё это в рамках выбранных подходов позволяет не только исследовать общества в контексте радикальных изменений, но и исследовать формирование и деятельность социально-групповых общностей в условиях СВО на территории муниципального образования, их взаимодействие с органами власти.

Укрепление доверия населения к власти, налаживание диалога на сегодня находит своё отражение в концепции Good governance, основанной на принципах сотрудничества власти и населения [10, с. 529]. Как площадка для диалога вполне может выступать Общественная палата, эффективность работы которой на муниципальном уровне продиктована формированием её из лидеров общественного мнения, новые механизмы выявления которых на сегодняшний день весьма актуальны [11, с. 31].

С целью выяснения проблем, характеризующих повседневную жизнь населения, социального самочувствия [12], участия в жизни города населения на территории муниципального образования городского округа Краснотурьинск автором статьи проведены социологические исследования (в 2017, 2022 годах), в ходе которых рассматривались социальные проблемы муниципальной территории, давалась оценка уровню доверия к власти и её информационной прозрачности.

При проведении сбора информации в 2017 году использовался метод сбора информации: анкетирование на бумажных носителях, в 2022 году опрос был проведён с использованием платформы обратной связи на портале государственных услуг.

Объектом исследования являлось население городского округа Краснотурьинск (в 2017 году — 1675 человек, в 2022 году — 1020 человек). Опрошены пенсионеры, служащие, рабочие, предприниматели, студенты и другие категории граждан [13, с. 5]. Задачей исследования являлось получение информации о социальном самочувствии граждан, удовлетворённость работой органов власти, муниципальных учреждений, условиями проживания на муниципальной территории.

Results (Результаты) и Discussion (Обсуждение). По сравнению с результатами 2017 года жители в 2022 году отметили дополнительные изменения: благоустройство городской набережной, открытие Книжного бульвара, озеленение города, ремонт Тихомировского парка, строительство скейт-парка.

По вопросу обеспечения основными видами товаров и услуг в 2022 году «достаточно хорошо» ответили 60% респондентов (на 6% больше, чем в 2017 году), «плохо» и «скорее плохо» ответили 16% респондентов (на 3% меньше, чем в 2017 году). Остальные затруднились с ответом.

В опросах жители обозначили основные социальные проблемы, решением которых власть должна заняться в первую очередь (см. табл. 1).

Таблица 1

Приоритетные социальные проблемы по мнению жителей города

№ пп	Наименование проблемы	% ответивших от общего количества респондентов в 2017 году	% ответивших от общего количества респондентов в 2022 году	Отклонение (+, -) %
1	Здравоохранение	70	80	10
2	Жилищно-коммунальное хозяйство	56	52	4
3	Состояние дорог	62	62	0
4	Благоустройство города	32	16	-16
5	Транспортное обслуживание	7	11	4
6	Сфера физической культуры и спорта	7	7	0
7	Сфера культуры	9	8	-1
8	Переселение из ветхого и аварийного жилья	12	13	+1
9	Качество и доступность дошкольного (школьного) образования	17	17	0
10	Обеспечение безопасности граждан	11	12	+1

Источники: Составлено автором по результатам проведения опросов 2017, 2022 гг.

Изучение распределения ответов граждан на этот вопрос и динамика изменения ответов за два этапа опросов, позволила местным властям определить, насколько, по мнению граждан, продвинулось решение социальных проблем в положительную или отрицательную сторону, и насколько снизилась общественная потребность в решении таких вопросов.

Уровень удовлетворённости информационной открытостью органов местной власти в 2022 году повысился на 13% по отношению к 2017 году и составил больше половины опрошенных (61%), что стало результатом выполнения рекомендаций по итогам опроса, проведённого в 2017 году.

Уровень доверия граждан к Главе городского округа Краснотурьинск А. Ю. Устинову возрос на 28% по сравнению с 2017 годом и составил в 2022 году 69% от опрошенных респондентов, уровень доверия к депутатам городской Думы возрос на 17% по сравнению с 2017 годом и составил 46% в 2022 году от опрошенных респондентов.

В 2022 году горожане всё чаще за информацией о деятельности органов власти обращаются в интернет. Больше всего жителей городского округа интересует информация в средствах массовой информации про социально-бытовые проблемы (44%), расходование местного бюджета (41%), экологическую ситуацию в городе (34%).

На вопрос о принятии участия в обсуждении и решении городских проблем ответили, что участвуют в собраниях по месту жительства всего лишь 13% (2022 г.) вместо 28% (2017 г.), ещё 25% респондентов участвуют в обсуждении городских проблем на форумах в сети Интернет. Данное снижение гражданской активности населения вызвало ряд вопросов у местной власти.

Работа органов власти устраивает (варианты ответа «удовлетворены» и «скорее удовлетворены» 64% опрошенных (2022 г.), что на 29% больше, чем в 2017 году. Ответы «не удовлетворены» и «скорее не удовлетворены» дали 15% респондентов (34% в 2017 году). Проблем не стало меньше, улучшение данного показателя анализ результата опросов напрямую связывает с информационной открытостью местной власти, о чём было указано выше.

На вопрос о настроении в последнее время 44% (2022 г.) ответивших определяют своё настроение нормальным (в 2017 году – 30%), 20% чувствуют усталость, 10% чувствуют напряжение, 21% испытывают надежду (в основном работники бюджетной сферы), 9% пребывают в прекрасном настроении (студенты).

В сентябре 2022 года, после объявления в России частичной мобилизации, на фоне снижения показателя по участию жителей города в решении городских вопросов (на 15% в 2022 году) автор статьи дополнительно опросила в режиме онлайн 54 жителей городского округа. Полученные результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2

Какие проблемы развития социального пространства города на сегодня актуальны?

№ пп	Вариант ответа	% от опрошенных
1	Транспорт, безработица, жилье	48
2	Зависит от сегодняшней обстановки в стране	33
3	Все зависит от нас самих и нашего участия	22
4	Это проблемы власти	5
5	Свой вариант можно указать в комментариях	5
6	Мне все равно	2

Источники: Составлено автором по результатам опроса, сентябрь 2022 г.

В комментариях и сообщениях люди писали о проблемах отсутствия интересного семейного досуга, достойных точек общественного питания, разнообразного ассортимента в магазинах; проблемной инфраструктуре для пожилых (доступной городской среды, событийной поддержки, современных услуг для такой категории).

33% опрошенных видят зависимость существующих проблем от актуальной обстановки в стране; 22% отметили, что проблемы зависят от самих граждан и их участия в решении этих проблем. Онлайн-опрос проводился по истече-

нии нескольких дней с момента объявления частичной мобилизации в стране. Таким образом, при возникновении внешнего фактора (объявлении частичной мобилизации) жители считают необходимым принимать участие в вопросах вне компетенции вопросов местного значения территории, по решению социальных проблем, формируя при этом местные сообщества. Полученные результаты коррелируют с другими исследованиями, также отражающими в целом тенденции к социальной консолидации и нацеленности на преодоление стоящих перед обществом проблем, в условиях спецоперации [14].

В октябре 2022 года в городе активизировались волонтерские сообщества по сбору помощи участникам спецоперации, стали регистрироваться новые общественные организации ветеранов боевых действий. Представители Народного фронта пишут обращения в органы власти в защиту нарушения прав мобилизованных, клубы патриотического воспитания проводят гуманитарную акцию «Своих не бросаем» «Урал – Донбасс». Органами местной власти создаётся и ведётся работа штаба «#Мы вместе», организована помощь семьям мобилизованных за счёт средств местного бюджета: бесплатное питание детей в школах, содержание детей дошкольного возраста в детских учреждениях, бесплатный проезд в школы и учреждения дополнительного образования для детей из поселков. Семьи мобилизованных, проживающие в частном секторе с печным отоплением, обеспечиваются дровами¹. На базе Уральского инновационного молодежного центра работают волонтеры-психологи. Создан единый пункт отправки гуманитарной помощи, в котором принимают продукты, лекарства, нательное и термобелье, тёплую одежду и одеяла. Помощь в формировании гуманитарного груза оказывают бюджетные учреждения и предприятия города (Богословский кабельный завод, учреждения культуры и образования, детские подростковые клубы, Краснотурьинский политехникум, администрация города, муниципальное учреждение «Управление жилищно-коммунального хозяйства», прихожане храмов Серовской епархии, советы ветеранов Богословского Алюминиевого завода, Богословское рудоуправление, Богословская теплоэнергоцентраль и многие неравнодушные краснотурьинцы. При дефиците бюджета местные власти изыскивают средства на помощь мобилизованным семьям, совместно с депутатами городской думы пересматривают статьи расходов бюджета, перенаправляют бюджетные средства на решение наиболее приоритетных проблем.

В ряде муниципалитетов создаются Комитеты солдатских матерей, которые не всегда находят взаимопонимание с органами местной власти, считая недостаточной работу последних.

Автором статьи были взяты экспертные интервью у должностных лиц Администрации Северного Управленческого округа, Администрации городского округа Краснотурьинск, председателей Общественных палат городского округа Краснотурьинск и Серовского городского округа. На вопрос: «Проводится ли мониторинг вновь создаваемых общественных организаций в Северном управленческом округе в связи с проведением СВО на Украине?», эксперт – государственный гражданский служащий – ответила, что на сегодня не проводится; предполагает, что должен, поскольку возникают конфликтные ситуации по неразрешённым вопросам, по вновь возникшим проблемам семей мобилизованных и военнослужащих с органами местной власти.

¹ Загирова А. Н. Жители Краснотурьинска собрали очередную партию гуманитарной помощи для мобилизованных // Общественно-политическая газета «Заря Урала»: [сайт]. 18 ноября 2022. URL: <https://smizu.ru/zhiteli-krasnoturinska-sobrali-ocherednyu-partiyu-gumanitarnoj-pomoshhi-dlya-mobilizovannyh/> (дата обращения: 10.02.2023).

Эксперты-председатели Общественных палат городского округа Краснотурьинск и Серовского городского округа поясняют, что руководители Комитетов солдатских матерей работают напрямую с территориальными отделами социальной политики, а общественные организации ветеранов боевых действий по сборам гуманитарной помощи, – через Общественные палаты с органами местной власти. Эксперт-муниципальный служащий Администрации городского округа Краснотурьинск, прокомментировала, что в сложившейся ситуации активно проводится работа штаба «#Мы вместе», где рассматриваются предложения и осуществляется взаимодействие с представителями волонтерских движений.

Conclusions (Выводы). Таким образом, в сложившихся новых условиях проведения специальной военной операции на Украине, в дополнение к имеющимся, рождаются новые сообщества, – социальные структуры, которые, в свою очередь, становятся исходными условиями организационного или стимулирующего характера дальнейших действий, осуществляется их взаимодействие с органами власти, в том числе и через Общественную палату как институт организации взаимодействия граждан и местного самоуправления.

Деятельностный и деятельностно-активистский подходы позволили выявить лидеров общественного мнения на определённом промежутке времени в связи с проведением СВО на Украине. Такой метод выявления можно признать одним из механизмов выявления лидеров общественного мнения на муниципальной территории с низкой инициативностью граждан для последующего их включения в члены Общественной палаты муниципального образования в порядке отборочных процедур и прямого назначения из квоты Главы или Думы городского округа для работы по взаимодействию с органами власти для решения социальных проблем.

Эффективное взаимодействие социальных общностей и власти, формирование новых социальных институтов, сообществ, взаимодействие их представителей как лидеров общественного мнения, в свою очередь, приводит к снятию социальной напряжённости в условиях СВО на Украине, улучшению качества жизни на муниципальной территории.

Умение своевременно снять социальную напряжённость в сложившейся ситуации, используя разработанные механизмы взаимодействия органов власти и населения по выявлению лидеров общественного мнения и работы с ними, разработка методик цивилизованного диалога и профессиональной модерации, направление инициативы вновь созданных сообществ в нужное русло, – актуальная и нуждающаяся в дальнейшей проработке задача для органов власти.

Библиографический список

1. Долгих У. О. Good governance – альтернативный путь государственного управления // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. Т. 7, № 6. С. 23–28. EDN [YMHBML](#).
2. Плотникова М. А. Коммуникативные ресурсы Общественной палаты по формированию общественного мнения: на примере муниципальной территории // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 3. С. 103–115. DOI [10.21453/2311-3065-2022-10-3-103-115](#). EDN [GTGDAG](#).
3. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций. 2-е изд., переработанное и дополненное. СПб : Интерсоцис, 2009. 137 с. ISBN 978-5-94348-053-9. EDN [QOKFER](#).
4. Заславская Т. И., Ядов В. А. Учебник В. И. Добренькова А. И. Кравченко «Социология» (в трех томах) : рецензия // Полит.ру: [сайт]. 07.06.2007. URL: https://polit.ru/article/2007/06/07/yadovtiz/#_ftn1 (дата обращения: 10.02.2023).

5. *Тюриня Ю. А.* Деятельностный подход в социологии в исследовании отечественного образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 3. С. 295–306. EDN [KVNKWD](#).
6. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с. ISBN 5-98704-024-8.
7. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с. ISBN 5-8291-0629-9. EDN [TNIRKP](#).
8. *Штомпка П.* Социология социальных изменений : Пер. с англ. М. : Аспект-пресс, 1996. 416 с. ISBN 5-7567-0053-6.
9. *Сидорин А. А.* Социальные механизмы формирования ценности здоровья молодежи: деятельностно-активистский подход // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 423–440. EDN [VHOGKL](#).
10. *Чевтаева Н. Г.* Риски использования имитационных практик в диалоге власти и местного сообщества // I Российско-Иранский социологический форум : Сборник тезисов (Москва, 16–18 ноября 2020). М. : Перспектива, 2020. С. 529–539. EDN [LNLLEP](#).
11. *Плотникова М. А.* Общественная палата как институт гражданского общества на муниципальной территории (на примере городского округа Краснотурьинск) // Вопросы управления. 2019. № 6(61). С. 76–91. DOI [10.22394/2304-3369-2019-6-76-91](#). EDN [YKQRHN](#).
12. Социальное пространство современного города / А. В. Меренков, А. В. Данилова, Г. Б. Кораблева [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. 252 с. ISBN 978-5-7996-1471-3. EDN [VGRXLV](#).
13. *Устинов А. Ю., Плотникова М. А.* Эффективность и организация муниципального управления в городском округе Краснотурьинск // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 2(19). С. 5–13. EDN [ZGWPVZ](#).
14. *Мерзликин Н. В., Иванов А. В.* Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](#). EDN [UAVMUP](#).

Поступила: 16.02.2023. Принята к печати: 03.04.2023.

Сведения об авторе:

Плотникова Мария Анатольевна, начальник отдела кадров и муниципальной службы, Администрация городского округа Краснотурьинск; соискатель, кафедра управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Екатеринбург, Россия.

mari19081977@yandex.ru; PlotnikovaMA@krtadm.ru

Author ID РИНЦ: [1108962](#);

ORCID: [0000-0002-4234-451X](#)

M. A. Plotnikova^{1,2}

¹ Administration of the Krasnoturinsk City District

² Ural Institute of Management, Branch of RANEPA
Ekaterinburg, Russia

FORMATION OF NEW SOCIAL-GROUP COMMUNITIES ON THE TERRITORY OF THE MUNICIPALITY WITH LOW INITIATIVE CITIZENS IN CONDITIONS OF CONDUCTION OF SMO

Abstract. The article is devoted to the consideration and transformation of social and administrative problems of municipalities with low initiative of citizens. The empirical basis was the data of sociological research (surveys), conducted by the author in the urban district of Krasnoturinsk (Sverdlovsk region) before and after the announcement of partial mobilization. In the course of the study the social problems of the territory, the level of trust in the local authorities, interaction with them, as well as the dynamics of changes in these aspects under the influence of key political factors, in particular, the special military operation in Ukraine were considered. Activity and activity-activist approaches were applied, which allowed us to study the state of society in the context of radical changes as well as to study the formation and activity of socio-group communities on the territory of the municipality in the conditions of special operation. The author conducted expert interviews with officials of the Administration of the Northern Administrative District, the Administration of the City District of Krasnoturyinsk, the Chairpersons of the Public Chambers of the Serov and Krasnoturyinsk City Districts, and the representatives of newly-created local communities: Committee of Soldiers' Mothers of Serov urban district and veterans' organizations of Krasnoturinsk urban district on their interaction with the authorities and the settlement of conflicts.

The study showed that even with low citizen initiative, the presence of an external factor (partial mobilization) stimulates residents to make decisions on social problems outside the competence of local government, while forming new social institutions, local communities. The author concludes that in the realities of the special operation, in addition to those existing on the territory of the municipality, new local communities, social institutions emerge, providing conditions of organizational and stimulating nature of further action, whose representatives, as leaders of public opinion, can claim to be included in the Public Chamber of the municipality during the subsequent selection procedures. This opens up another mechanism for identifying leaders of public opinion in a municipal territory with low citizen initiative to effectively organize the interaction between citizens and local government through the Public Chamber of the municipality, which, in turn, can both further contribute to relieving social tensions in the conditions of SSE, and in general improve the quality of life in the municipal territory.

Keywords: local authorities, leaders of public opinion, municipality, special military operation, civic engagement, public chamber, interaction of authorities and the population, social problems

For citation: Plotnikova M. A. Formation of new social-group communities on the territory of the municipality with low initiative citizens in conditions of conduction of SMO. *Science. Culture. Society.* 2023;29(2):18–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2>

References

1. Dolgikh U. O. Good governance – alternative path of state administration. *Nauka, mysl'.* 2017;7(6):23–28. (In Russ.).
2. Plotnikova M. A. Communicative Resources of Public Chambers for the Formation of Public Opinion (on the example of a municipal territory). *Kommunikologija = Communicology.* 2022;10(3):103–115. (In Russ.). DOI [10.21453/2311-3065-2022-10-3-103-115](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-3-103-115).
3. Yadov V. A. *Modern Theoretical Sociology as a Conceptual Basis for Russian Transformation Studies: Course of Lectures.* 2nd ed. St. Petersburg: Intersocis; 2009. 137 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94348-053-9.

4. Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. Textbook by V. I. Dobren'kov and A. I. Kravchenko, Sociology (in three volumes): Review. (In Russ.). Available at: https://polit.ru/article/2007/06/07/yadovtiz/#_ftn1 (accessed: 10.02.2023).
5. Turina Yu. A. The effective orientation in sociology in the research of Russian education. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 12, Psihologiya, sociologiya, pedagogika*. 2008;(3):295–306. (In Russ.).
6. Sztompka P. *Sociologia. Analiza społeczeństwa*. Moscow: Logos; 664 p. (In Russ.). ISBN 5-98704-024-8.
7. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2005. 528 p. (In Russ.). ISBN 5-8291-0629-9.
8. Sztompka P. *The Sociology of social changes*. Moscow: Aspect-press; 1996. 416 p. (In Russ.). ISBN 5-7567-0053-6.
9. Sidorin A. A. Social mechanisms of values young people's health: activity-activist approach. *Peterburgskaa sociologiya segodna=St. Petersburg Sociology Today*. 2015;(6):423–440. (In Russ.).
10. Chevtayeva N. G. The risks of using imitation practices in the dialogue between the authorities and the local community. In: *First Russian-Iranian sociological forum: Coll. of abstracts*. Moscow: Perspektiva; 2020. P. 529–539. (In Russ.).
11. Plotnikova M. A. Public chamber as an institution of civil society on the municipal territory (by the example of the city district of Krasnoturinsk). *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2019;(6):76–91. (In Russ.). DOI [10.22394/2304-3369-2019-6-76-91](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-6-76-91).
12. Merenkov A. V., Danilova A. V., Korableva G. B. [et al.]. *The social space of the modern city*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta; 2015. 252 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-1471-3.
13. Ustinov A. Yu., Plotnikova M. A. Efficiency and organization of municipal government in the city of Krasnoturinsk. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie=Municipality: Economics and Management*. 2017;(2):5–13. (In Russ.).
14. Merzlikin N. V., Ivanov A. V. Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2022;28(4):85–96. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7).

Received: 16.02.2023. Accepted: 03.04.2023.

Information about the author:

Maria A. Plotnikova, Head of the Personnel and Municipal Service Department, Administration of the Krasnoturinsk City District; Applicant of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa.

Ekaterinburg, Russia.

mari19081977@yandex.ru; PlotnikovaMA@krtadm.ru

ORCID: 0000-0002-4234-451X

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.3)
EDN [UFCIVR](https://edn.ufcivr.ru/)
УДК 323

В. В. Филиппова^{1,2}

¹ Клуб политологов «Сфера». Москва, Россия

² ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, Россия

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЦЕННОСТНАЯ АНАЛИТИКА КАК МЕТОД ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И РАЗРАБОТКИ ОТРАСЛЕВЫХ ПОЛИТИК

Аннотация. Автор ставит вопрос об инструментализации культурного кода страны для обеспечения прагматичности её государственного управления и отраслевых политик и предлагает методологию, основанную на методе онтологической дедукции. Приводится текущее состояние с объективизацией ценностных констант в России, отмечен прогресс и однозначная логика законодателя по использованию культурной политики для реализации целей и задач не только культурного блока, но и национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации.

Вводится понятие прагматики государственного управления, вводится и обосновывается тезис об обусловленности эффективности государственного управления использованием соответствующего критериального обеспечения, приведён генезис ценностей от индивидуальных мотивов через согласовательные предценности до общественных императивов в качестве подтверждения гипотезы прямого влияния ценностной основы управленческой деятельности на адекватное восприятие народом страны стратегии государственного управления. Приведена онтологическая иерархия ценностей, основанная на философско-методологической конкретизации механизмов воспроизводства человеческого общества от цивилизации до страны, что позволяет инструментализировать ценности. Произведена конкретизация отраслевых ценностей на примере ценностей экономического блока страны для осуществления конкретного целеполагания и целедостижения в этой отрасли. Воспроизведена логика неслучайного целеполагания и целедостижения в цивилизационно-ценностном подходе. Проблематизирована текущая ситуация с реализацией Указа № 809 от 09.11.2022 в части цивилизационно-ценностной экспертизы законодательства, поставлен запрос на необходимость запуска федеральной программы цивилизационно-ценностной аналитики.

Методика апробирована в ряде регионов РФ, готовы обучающие программы для экспертов, на её основе разрабатываются в соответствии с требованиями Указа № 809 от 09.11.2022 методические указания для сотрудников органов государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: государственное управление, отраслевые политики, цивилизационно-ценностная аналитика, система ценностей, философия политики, целеполагание, традиционные духовные ценности

Для цитирования: Филиппова В. В. Цивилизационно-ценностная аналитика как метод государственного управления и разработки отраслевых политик // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 28–43. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.3). EDN [UFCIVR](https://edn.ufcivr.ru/)

Введение. Вопрос ценностной идентичности России в настоящее время уже вопросом не является. В общественном дискурсе совершенно однозначно сформирован цивилизационный подход к Российскому государственному

строительству, где Россия, являясь страной-цивилизацией, в качестве своего культурного кода, сущностно отличающего её от стран иных цивилизаций, имеет определённый набор ценностей, онтологически характерный для именно нашего цивилизационного типа и исторически обусловленный именно нашим историческим процессом.

В стране закреплена номенклатура ценностей в рамках Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022¹, ведутся фундаментальные научные разработки структуры ценностной матрицы, её исторического генезиса [1], сформирована иерархичная система ценностей в методе онтологической дедукции [2].

Запрос настоящего момента выражен законодателем в Основах культурной политики, где функция государственной политики определена как обеспечение конституционных прав граждан в сфере культуры, а также достижение целей и выполнение задач в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации², т. о. важно сделать следующий шаг – разработать прозрачные механизмы целеполагания и целедостижения на государственном уровне, что есть собственно государственное управление вообще, и механизмы его конкретизации в специфику отраслевого подхода без подмены профессиональных отраслевых механизмов: создание цивилизационно-ценностных (идеологических) стратегий для каждого блока страны.

Открытым для общественного дискурса является вопрос логической связки между культурным кодом и идеологическими стратегиями, т.е. встаёт вопрос праксеологии государственного управления, принципов его эффективности, почему управление в качестве критериального обеспечения должно использовать ценности конкретного цивилизационного типа для обеспечения реализации своей стратегии гражданами страны. Вспомним присказку: «Что хорошо русскому, то немцу – смерть». Как обычно, народная мудрость оперирует глубочайшими смыслами, не зря Президент России В. В. Путин зачастую использует в своих выступлениях пословицы и поговорки народов России, которые, кстати, являются нематериальным культурным достоянием нашей страны.

Генезис ценностей. Ответить на поставленный выше вопрос нельзя без понимания генезиса ценностей от индивидуальных мотивов до общественных ценностей.

Первым этапом будет выявление неслучайной формулировки личностного мотива (см. рис. 1).

Психологическим предпосылками ценностей являются механизмы психики человека. В чем специфика этих механизмов? Представим цикл воспроизводства органического бытия человека:

- 1) Человек находится в состоянии покоя и равновесия.
- 2) В результате внутренних процессов возникает чувство неудовлетворённости.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 10.05.2023).

² О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004> (дата обращения: 10.05.2023).

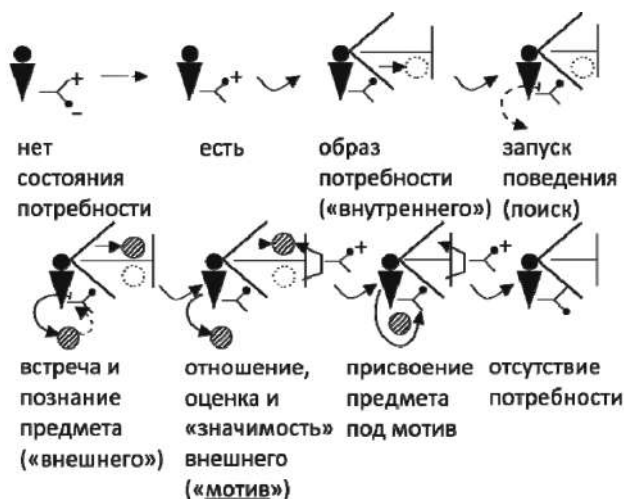

Рисунок 1. Процесс формирования личного мотива
 Figure 1. The process of forming a personal motive

Источник: здесь и далее приведены авторские схемы, разработанные специально для этого материала.

- 3) Нарастание чувства неудовлетворённости отражается в сознании человека в виде образа потребности, достаточного для активизации поиска предмета потребности.
- 4) Запускаются механизмы поиска предмета потребности, потенциально необходимого для её удовлетворения.
- 5) Происходит встреча с предметами внешнего мира.
- 6) Воздействие предметов внешнего мира запускает познавательные механизмы психики человека.
- 7) В результате работы познавательных механизмов формируется образ предмета, достаточный для оценки.
- 8) Запускаются механизмы оценки образа предмета на соответствие образу потребности.
- 9) В случае положительной оценки образ предмета приобретает потребностную значимость и становится мотивом или образом, который побуждает поведение человека.
- 10) Запускаются механизмы потребления, в результате работы которых внутреннее чувство неудовлетворённости исчезает.
- 11) Исчезновение чувства неудовлетворённости приводит к исчезновению образа потребности и мотива.
- 12) Человек возвращается в состояние органического покоя и равновесия.

Подчеркну значимое в нашей конструкции для будущего построения. Механизмы психики формируют три типа образов: образ потребности; образ познания внешних предметов, или знания; образ мотива как потребностно-значимое знание. Именно мотив как потребностно-значимый образ является предпосылкой ценностного.

Разберёмся далее с причинами возникновения общественного мотива (см. рис. 2).

Рисунок 2. Процесс формирования общественного мотива
Figure 2. The Process of Social Motivation

Жизнь человека воспроизводится в обществе. Цикл социальной (или общественной) жизни человека является предметом отдельного рассмотрения. Важно отметить, что совместное бытие придаёт жизни человека новое качество, недоступное в форме индивидуальной жизнедеятельности.

В фокусе нашего внимания человеческая общность точно так же может находиться:

- 1) В состоянии общественного спокойствия. Это означает, что общество прошло период конфликтов и согласовало приемлемую форму реализации общих интересов.
- 2) Вновь возникшие обстоятельства или изменение отношений у отдельных членов общества могут вызвать общественное напряжение, конфликт или даже кризис.
- 3) Напряжение у отдельных членов общества перерастает в общественное напряжение. Общество постепенно осознает потребность в чем-то.
- 4) Лидерами общественного мнения активизируются механизмы поиска возможных вариантов удовлетворения потребности и преодоления напряжения в обществе.
- 5) При нахождении приемлемого согласованного варианта осуществляется его экспертная оценка, исходящая из образа потребности. В случае соответствия возникает «общественный мотив», или общественная значимость, также доводимая до членов общества лидерами общественного мнения.
- 6) Общество совместно осваивает новую определённую бытия, при которой преодолевается общественное напряжение.
- 7) Возникает новая определённая в жизни общества. Общественное спокойствие восстанавливается.

Конкретное содержание форм общественного блага, обеспечивающих согласие общества, зависит от конкретной области существования общества, в которой существуют согласовательные процессы.

Важно отметить, что возникающее в обществе напряжение вначале осознается в виде индивидуальных обнаружений отдельных членов общества. Общественная значимость общественной потребности, идеи преодоления напряжения, мотива и исчезновения потребности осуществляется в ходе согласовательных процессов внутри общества.

В ходе согласовательных процессов происходит трансформация индивидуальных потребностей, представлений и мотивов. Возникают образы обще-

ственной значимости, определяющие общественный характер поведения человека. В бесконфликтном обществе воспроизводство человека становится более устойчивым. Бытие общества само по себе становится благом для отдельного человека. Проявляется приоритет общественного блага над личными интересами участников общественной жизни.

Рассмотрим механизм отчуждения культурных моделей как готовых вариантов общественного реагирования – предценностей (см. рис. 3).

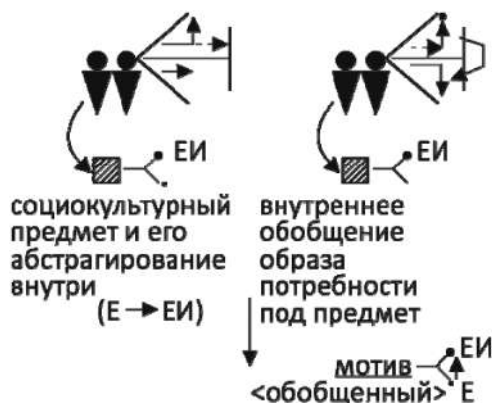

Рисунок 3. Формирование предценностей
Figure 3. Formation of Pre-values

Общество заинтересовано в воспроизводстве форм и механизмов обеспечения общественного блага, что создаёт необходимость в организации процессов адаптации новых членов общества к существующим механизмам общественной жизни и поддержания в состоянии понимания и вовлеченности уже действующих членов. Это обстоятельство приводит к необходимости отчуждения формы общественного бытия от конкретных сюжетов, за счёт процедуры обобщения, или выделения существенного. Актуализируется значимость языка, с помощью которого формулируются нормы общественной жизни. Для организации воспитательного процесса порождаются модели.

Изначально модели адаптируются к актуальным потребностям и интересам молодёжи для её вовлечения в воспитательный процесс. В начале модель познаётся в опоре на природные механизмы познания человека. Например, путём уподобления. В ходе освоения происходит не только осознание внешних характеристик, но и познание сути нормативных оснований модели, что требует развития абстрактных механизмов познания и соответствующей коррекции природных потребностей в сторону общественно значимых. Благодаря воспитательному процессу формируются предпосылки для формирования общественно значимых потребностей, необходимых для формирования общественных мотивов в практике.

Сами по себе отчуждённые модели составляют содержание культурного наследия общества. Наличие культурного наследия принципиально повышает эффективность и стабильность общественной жизни за счёт практики предварительной адаптации членов общества.

Но природа этих значимостей остаётся согласовательной. Их ещё нельзя назвать предельными значимостями. Ценности должны соответствовать пре-

дельной значимости, приступим к формулированию их неслучайной формулировки.

Мы определили форму индивидуальных и социокультурных значимостей или «предценностей». Дальнейшее уточнение понятия ценности (см. рис. 4) осуществляется за счёт уточнения характера общественных процессов в форме общественного бытия типа «Страна» – полноценной социотехнической единицы, обеспечивающей своё воспроизводство и качественное развитие, что и является задачей идеологов и политиков.

Рисунок 4. Выявление понятия «ценность» в Стране
Figure 4. Identifying the concept of “value” in the Country

Воспроизводство бытия страны требует от общества реализации следующей формы бытия общества:

- 1) Сфера государственного управления, реализуя заказ от общества в целом на воспроизводство и развитие страны, формулирует стратегическое видение. Стратегия оформляется, как реакция сферы управления на внутреннее, включая политическую онтологию, и внешние факторы в рамках реализации идеи страны.
- 2) Стратегия предполагает наличие общей идеи целого, которая конкретизируется в социальной, управленческой, культурно-духовной, индустриальной и экономической сферах жизни страны, опосредуя внутреннюю политику.
- 3) Для включения в реализацию стратегии методами политического управления в обществе формируется потребность, соответствующая заявленной стратегии. В результате оформляется общественный мотив, как значимость, подлежащая воплощению с вовлечением всех механизмов и ресурсов общества, а также политических институтов. Согласовательные процессы общества становятся подчинёнными необходимости и возможности целодостижения в рамках идеологической стратегии.
- 4) Процесс разработки и конкретизации стратегии вовлекает арбитражные или методологические группы при высшем политическом руководстве страны, которые обеспечивают:
 - построение согласованных версий идеи страны в целом;
 - версий бытия отдельных сфер жизни в соответствии с идеей страны в целом.

Методологические основания реализуют идею предельной неслучайности понимания сути бытия, позволяющие взять ответственность за судьбу страны и народа в целом и обеспечить полноценное воспроизводство бытия страны.

- 5) Согласие в обществе обеспечивается сферой культуры, которая реализует арбитражную функцию, опосредуя собственно политическую деятельность в обществе с опорой на критерии или понятия предельного типа, которые опираются на онтологическое мировоззрение. При этих условиях в обществе могут быть сформированы соответствующие потребности и активизированы мотивы предельной значимости в отношении бытия человека, народа и страны в целом. Что по содержанию соответствует понятию предельных значимостей или ценностей.
 - 6) Исходя из содержания предельных ценностей, формируются более конкретные системы ценностей в ключевых сферах жизни общества, становящиеся основой идеологических стратегий.
 - 7) Адаптация к содержанию ценностей становится ключевой функцией сферы государственного управления и общественной работы в стране в отношении всех отраслей народного хозяйства и видов общественной деятельности.
- Процессы формирования базовых ценностей в стране не могут быть быстрыми, согласовательными процессами, заявленными выше, не являются проектными, т.е. не имеют конкретного заказчика и руководителя проекта по проведению согласования. Внутренним заказчиком этих процессов выступает само общество, таким образом, процесс самоопределения, формирования и отчуждения традиционных духовных ценностей конкретного социума длится столетиями или тысячелетиями, в зависимости от длительности конкретного исторического процесса и, чем дольше ценности формировались, тем большую значимость они имеют для всех представителей общества, тем важнее их сохранение и защита, так как при временном сокрытии силами недружественных государств,

Ценности (генезис)

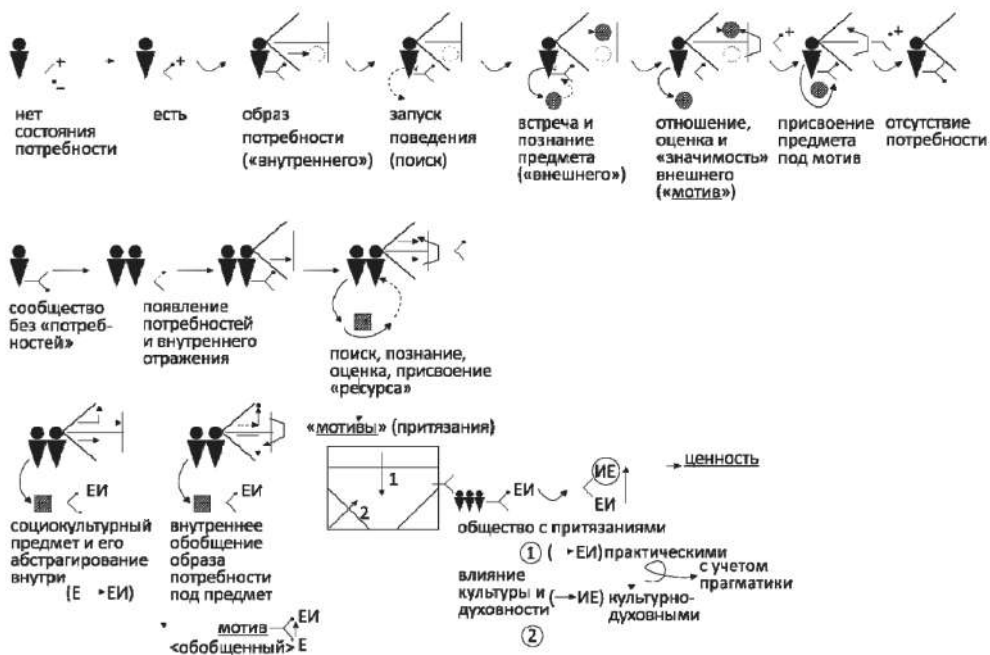

Рисунок 5. Генезис ценностей [3]
Figure 5. Genesis of Values [3]

общество, лишившись возможности использования отчуждённых моделей поведения становится объектом для манипуляции. Справедлив и обратный процесс: корректная мобилизация традиционных духовных ценностей, формировавшихся тысячелетиями, способна вернуть обманутое общество в русло неслучайной логики его развития, обусловленной историческим процессом.

Итого, ценности – индивидуально значимые мотивы, имеющие общественную значимость в рамках стратегии страны и вытекающие из всеобщих представлений об основаниях бытия (см. рис. 5.).

Инструментализация ценностей. Таким образом, мы понимаем, что ценности – мироотношенческий язык народа, позволяющий ему на подсознательном уровне оценивать любые инициативы как родные, от слова «Родина», понятные и служащие его личным интересам на уровне, где последние тесно зависят от общественных. Идеалом мировоззрения становится страна, где управление реализовано в стратегиях, основанных на ценностях конкретного, соответствующего цивилизационного типа.

Для построения же механизмов целеполагания и целедостижения ценностям необходимо придать инструментальный характер, т.е., перевести их из рядоположенного перечня в неслучайную иерархичную структуру, что поможет индустриализировать работу с ними.

Для этих целей для построения иерархии ценностей предложен цивилизационный подход, где уровень цивилизации более абстрактен как механизм воспроизведения человеческого общества, присутствуют необходимые и обоснованные неслучайным образом цивилизационные принципы: народ, управление и культура, диалектически конкретизированные из базовой онтологемы.

Цивилизация – первый уровень конкретизации, где появляется человек, общество и его воспроизводство. Поэтому для целей иерархизации ценностей реализован следующий алгоритм:

1. Цивилизационный уровень как самый абстрактный уровень воспроизводства общества.
2. Страновой уровень.
 - 2.1. Ценности блока культуры.
 - 2.2. Ценности блока управления.
 - 2.3. Ценности блока народа.
 - 2.4. Ценности блока промышленности.
 - 2.5. Ценности блока экономики.

Появляется вот такая иерархичная система ценностей. Необходимо отметить, что номенклатура ценностей каждого цивилизационного типа может быть конкретизирована и сформирована исходя из этой типологии и иерархии.

Конкретизация ценностей отрасли как объекта управления. Следующей итерацией является собственно целеполагание, где стратегической целью является объект управления, наделённый ценностями, конкретизированными из базовых, для соответствующей отрасли, к примеру, экономики.

Образ будущего экономики ниже разработан в методологическом подходе, который служит основанием неслучайности построенной системы. Подход является дальнейшим продолжением линии мирового философского наследия, с учётом отечественных наработок в 20-м веке в области теории деятельности, коммуникации, языкознания и технологии игрового моделирования рефлексивных процессов.

Методологический подход предполагает, что содержательные разработки должны обеспечить поиск существенных причин затруднений в рефлексии конкретной практики, совершенствование и развитие практики.

В отличие от других разработок на данную тему, настоящая работа опирается на метод, соответствующий природе деятельности по разработке критериев самоорганизации в рефлексии. Образ будущего выведен методом систематического уточнения (или диалектической дедукции) из определения всеобщего первоначала, являющегося основанием явленного мира (исходной клеточки, по Гегелю). Сама идея исходного первоначала является результатом философского обобщения идеи «исходной клетки», из которой логически вытекают все определённости явлений бытия (см. рис. 6).

Рисунок 6. Идея метода
Figure 6. The idea behind the method

Экономическое бытие присуще социальной природе жизни человека и проявляется в активности человека по обеспечению предложения продуктов потребления для осуществления обмена на другие продукты потребления. Механизмы надёжного обеспечения баланса интересов (исходная идея и ценность экономического) в процедуре обмена в различных формах бытия общества являются предметом экономической сферы жизни общества.

Исходным механизмом, обеспечивающим обмен, является согласование. Надёжность согласовательным процедурам придают психические механизмы идентификации или природная способность человека к познанию внутреннего мира другого человека.

Наряду со свободным обменом существуют и другие формы взаимодействия по поводу предметов потребления. Так принуждение к обмену приводит к вырождению экономического бытия в сторону управления.

Если в ходе обмена одна из сторон использует скрытое воздействие на другую с целью получения преимущества в согласовании, обмен приобретает спекулятивные формы и вырождается.

Какие принципиальные формы приобретает экономическое бытие? Расширенное воспроизводство согласовательных процессов в практике обмена приводит к необходимости внедрения критериев эквивалентности обмена. Критериально-обеспеченный обмен возможен при воспроизводстве цивилизационной формы бытия общества.

Цивилизационная форма бытия предполагает согласованное воспроизводство трех общественных сил:

Сила народа в способности к совместному действию (солидарность или единство) на основе согласия в семье, в роду, общине и в целом народа. В следовании традициям и в самоотверженности во имя общего блага. В здоровых, жизнерадостных и воспитанных детях, стремящихся посвятить себя служению общим целям и культурно-духовным ценностям.

Сила власти в способности организовать благополучие бытия общества, сплотить и сосредоточить волю народа в противодействии внутренним и внешним угрозам, гарантируя успешность с опорой на силу народа и культурно-духовные силы.

Сила духовности и культуры в способности воспроизводить мировоззрение и ценности народа, сохраняющие единство общества. В готовности развивать мировоззрение и ценности с учётом новых обстоятельств и применять их в случае возникновения общественных тревог и разногласий.

Согласованное воспроизводство этих трех сил гарантирует единство и развитие общества против внутренних и внешних сил разрушения и хаоса (см. рис. 7).

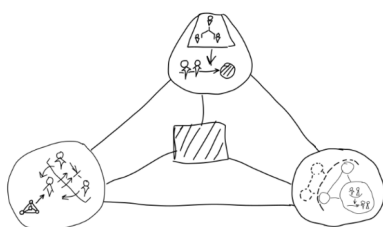

Рисунок 7. Цивилизационная форма бытия общества
Figure 7. The civilizational form of being a society

Типология цивилизаций обусловлена типологией созидающего и разрушительного полюсов всеобщего начала. А также степенью проявленности идеи созидательности и хаотичности в цивилизационной форме общества. Таким образом, проявленности идее созидания исходного первоначала в наибольшей степени соответствует цивилизация культурно-духовного типа. Цивилизация народного типа в большей степени соответствует проявленности природных свойств человека. Цивилизация управленческого типа акцентирует внимание на обеспечении порядка в жизни общества, как условия выживания. Аналогичным образом образуются цивилизации, оформляющие разрушительное начало, несущие угрозу цивилизациям созидательного типа (см. рис. 8).

Рисунок 8. Типология цивилизаций
Figure 8. Typology of civilizations

Цивилизационная форма бытия общества позволяет увеличить степень надёжности воспроизводства баланса спроса и предложения (ценности экономического), за счёт внедрения в практику согласования критериев справедливости обмена, опирающихся на силу власти. Это обстоятельство способствует развитию предпринимательской деятельности, как частной формы реагирования на спрос, направленной на обеспечение стабильного предложения на рынок и критериально обеспеченного распределения прибыли.

Полный цикл предпринимательской деятельности состоит из реализации типовых функций, начиная с фиксации спроса и заканчивая распределением прибыли (см. рис. 9).

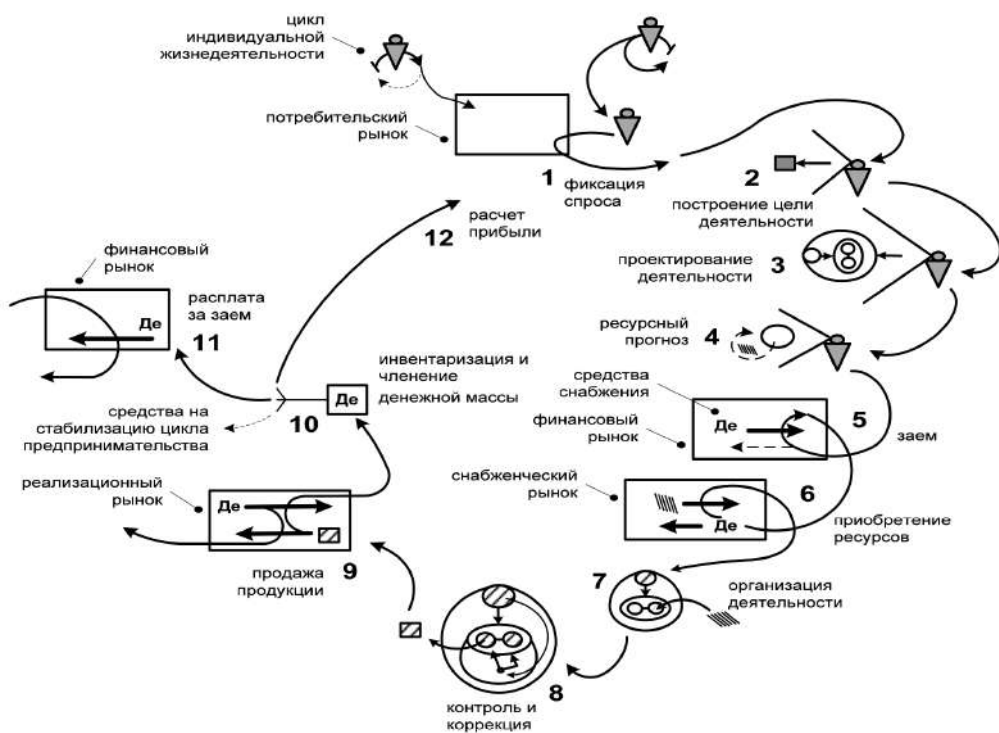

Рисунок 9. Предпринимательская деятельность
Figure 9. Entrepreneurial activity

Специализация в рамках единого предпринимательского цикла позволяет выделить типовые производные предпринимательские циклы:

- цикл торгового предпринимательства направлен на извлечение прибыли за счёт учёта особенностей потребителей;
- цикл производственного предпринимательства реализует спрос на гарантированные поставки продукции и направлен на извлечение прибыли за счёт эффективной организации производственных процессов;
- цикл финансового предпринимательства реализует спрос на финансирование и направлен на извлечение прибыли из процессов привлечения финансирования в торговые и производственные предпринимательские циклы.

Ключевым элементом социальной культуры экономических процессов является критериальное обеспечение согласованного воспроизводства частных предпринимательских циклов различных типов с целью максимальной сбалансированности спроса и предложения.

Ненадёжность предпринимательского способа обеспечения баланса спроса и предложения в силу автономности, слабой организованности частных предпринимателей, изменчивости спроса, приводит к необходимости более надёжных механизмов экономики, реализующих базисную ценность экономики – идеи баланса.

Дальнейшая конкретизация цивилизационной формы общества образуется за счёт акцентировки и оформления производственной сферы жизни общества. Предпосылкой для этого служит необходимость гарантированного воспроизводства деятельности, которая является условием воспроизводства общества как целого и не может зависеть от частного характера реагирования на спрос. Устойчивое воспроизводство производящей сферы общества трансформирует существование социальной, управленческой и культурно-духовной сферы в сторону большей технологичности, сохраняя при этом исходные цивилизационные функции каждой сферы. Управленческое отношение к обеспечению баланса спроса и предложения порождает экономическую сферу.

Оформившиеся производственная и экономическая сферы придают обществу форму страны (см. рис. 10).

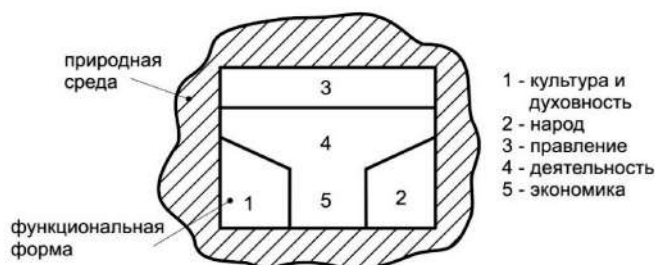

Рисунок 10. Ключевые функциональные сферы страны
Figure 10. Key functional areas of the country

Согласно изложенному выше, в стране могут воспроизводиться 3 типа экономических систем, реализующих базовую ценность экономики – воспроизводимость баланса спроса и предложения:

1. Удовлетворение общественно значимого спроса осуществляется за счёт механизмов предпринимательства (ценность – сохранения бизнеса). В основе регулирования рыночных механизмов лежат критерии социокультурного характера (обмен по договорённости, обеспеченный средством измерения эквивалентности обмена).
2. Удовлетворение общественно значимого спроса в интересах целого страны осуществляется по законам управления (ценность – реализация управленческих целей). Управление балансом спроса и предложения осуществляется путём реализации функции управления, начиная с функции согласования спроса и заканчивая функцией реализации предложения, привлекая ключевые функциональные сферы страны.
3. Удовлетворение общественно значимого спроса в интересах целого страны путём гармоничного сочетания управленческих и рыночных механизмов

обеспечения баланса спроса и предложения (ценность – **динамическое обеспечение баланса общественного-значимого спроса и предложения** для воспроизводства здорового функционирования (с учётом обеспечения безопасности) и развития страны). Гармоничное сочетание обеспечивается на основании цивилизационно значимых критериев справедливости, где справедливость состоит в соответствии оснований и значимостей бытия отдельных сфер общественной практики и областей деятельности ценностным установкам общества в целом.

Тем самым воспроизводство сферы экономики в стране подчинено циклу бытия страны, как целого.

1. Сфера власти, реализуя стратегию страны, уточняет заказ общества, учитывая текущие обстоятельства.
2. Сама стратегия является результатом воплощения в образ идеала идеи страны. Идея страны является результатом цивилизационного согласия сил народа, власти и культурно-духовной, производственно-технологической и экономической сил. Идеал страны является интегральной ценностью, мотивирующей всех членов общества.
3. Реагируя на заказ, сфера управления осуществляет стратегическое целеполагание и планирование деятельности для всех сфер жизни общества на текущий период.
4. В рамках плана фиксируется спрос от всех сфер жизни общества. В сфере обеспечения интересов целого спрос оформляется в заказ. В сфере обеспечения интересов социума спрос носит более индикативный характер.
5. В сфере экономики осуществляется управление балансом спроса и предложения в интересах общества в целом в различных секторах экономики.
6. Сфера управления осуществляет корректировку баланса спроса и предложения по ходу осуществления плана страны.

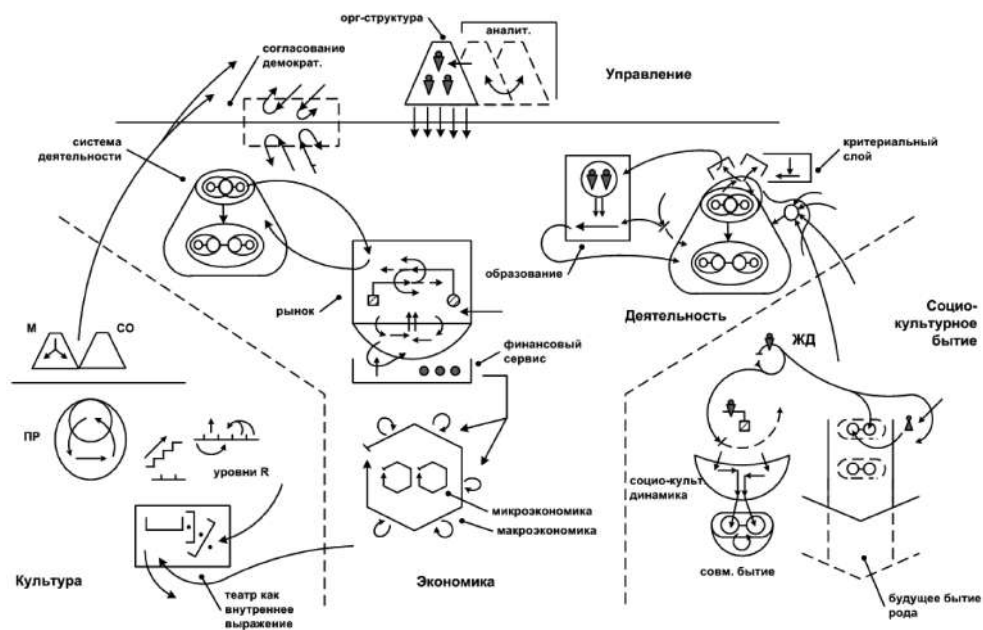

Рисунок 11. Цивилизационный образ страны
 Figure 11. The civilizational image of the country

7. После завершения очередного этапа осуществления стратегии либо проявления вновь возникшего заказа общества цикл бытия страны повторяется (см. рис. 11).

Тип экономики, существующей в стране, зависит от акцента ценностных установок сферы стратегического управления.

Экономика частного реагирования на спрос обеспечивает баланс с акцентом на возможность **сохранения бизнеса (базовая ценность)**. В случае длительной стабильности внешних и внутренних процессов в стране взаимодействие экономических субъектов постепенно гармонизируется при минимальном участии управления. Власть оставляет за собой функцию предотвращения злоупотребления в определении эквивалентности обмена. Так как предпринимательство существует на принципах самоорганизации и нацелено на максимизацию прибыльности, достаточности платёжеспособного спроса, то реализация баланса в экономике частного реагирования на спрос вызывают определённые искажения в реагировании на спрос. Таким образом в экономике возникают периодические кризисы.

Экономика управляемой балансировки спроса и предложения гарантирует обеспечения баланса с акцентом на **механизмы управления (базовая ценность)**. Наиболее эффективно такой механизм работает при наличии в стране критических внутренних и внешних угроз. Но возникает критическая зависимость от качества управления, качества самих управленческих целей и стратегий, от чего зависит степень искажения и дисгармонии в деятельности страны. Эта форма предшествует экономической системе общественно-значимого реагирования на спрос (экономической системе общественной ориентации).

Экономика гармоничного сочетания различных механизмов балансировки для общественно-значимого реагирования на спрос реализует ценность использования как частной инициативы, так и силы государства, с целью **обеспечения требований реализации стратегии страны (базовая ценность)**. Такая форма экономики – **обеспечение баланса спроса и предложения в стране в целом** с акцентом на **воспроизводство здорового функционирования** (с учётом обеспечения безопасности) и развития страны.

Таким образом, мы получаем «отраслевые» ценности, которые должны быть использованы при построении стратегических целей соответствующего блока страны. Аналогичным способом ценности могут быть конкретизированы для любой отрасли и сферы общественной жизни.

Для целей стратегического проектирования проводится эмпирическая реконструкция объекта управления в его текущем состоянии, реконструируется его система ценностей и производится портретирование согласно методу цивилизационно-ценностной экспертизы [4], что позволяет сформировать неслучайную стратегию по трансформации реконструированного объекта до объекта, соответствующего идеальному образу страны, соответствующего цивилизационного типа.

Заключение, предложения и выводы. В настоящее время в стране остро стоит вопрос по выполнению поручений Президента РФ, связанных с реализацией на федеральном уровне и в регионах требований Указа № 809 от 09.11.2022, где прямо стоит вопрос о приведении документов стратегического планирования и локальных нормативных актов в соответствие с системой ценностей народа России.

Во временное отсутствие федеральной программы по экспертизе всего законодательства России на предмет соответствия традиционным духовно-нравственным ценностям и его доработке, регионы вынуждены создавать эксперт-

ные советы для проведения экспертизы отдельных управленческих актов и культурных событий, где культура как транслятор критериев – блок страны, подлежащий стратегической корректировке в первую очередь. В силу большого объёма объектов для экспертизы, остро стоит вопрос обучения экспертов и разработки методических указаний по применению требования Указа № 809 от 09.11.2022 для сотрудников органов федерального, регионального и муниципального управления. Востребованность методики отмечают представители общественных партий и конфессий [5].

Крайне важно создание на уровне РАН структуры, занимающейся фундаментальными разработками в сфере влияния идей на общество для обеспечения философско-методологическими основаниями столь актуального сейчас к созданию органа государственной власти, подведомственного Президенту Российской Федерации, в функции которого входили бы межведомственная координация государственной культурно-образовательной политики и охрана традиционных духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В. [и др.] Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19). EDN EGEABU.
2. Луполенко С. П., Филиппова В. В. Система ценностей народа России (предложение) // Журнал «Сфера политики». 2023. № 2. С. 25–29.
3. Луполенко С. П., Филиппова В. В., Анисимов О. С. К вопросу о праксеологии идеологии // Журнал «Сфера политики». 2023. № 2. С. 11–18.
4. Филиппова В. В., Экспертиза законодательства на предмет соответствия традиционным духовным ценностям в рамках поручения Президента РФ от 15.10.2022 и её актуальность // Местное право. 2023. № 2. С. 115–124. EDN WITHNP.
5. Цивилизационно-ценностная аналитика : секция Конгресса весенней сессии международного научного конгресса «Глобалистика-2023». URL: <https://youtu.be/2tk6sgYFsQM> (дата обращения: 10.05.2023).

Поступила: 12.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторе:

Филиппова Валерия Владимировна, руководитель Комитета по институализации идеологии Межрегиональной общественной организации «Клуб политологов «Сфера», Москва, Россия; соискатель, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, Россия
vfilippova@bankostrah.ru

V. V. Filippova^{1,2}

¹ KP "Sphere". Moscow, Russia

² YarSU. Yaroslavl, Russia

CIVILIZATIONAL-VALUE ANALYTICS AS A METHOD OF PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Abstract. The author raises the question of the instrumentalization of the cultural code of the country to ensure the praxeology of its public administration and sectoral policies and suggests a methodology based on the method of ontological deduction. The current state with the objectification

of value constants in Russia is given, progress and unambiguous logic of the legislator on the use of cultural policy for the implementation of the goals and objectives of not only the cultural block, but also national security and socio-economic development of the Russian Federation are noted.

The concept of the praxeology of public administration is introduced, the thesis of the conditionality of the effectiveness of public administration by the use of appropriate criteria is introduced and substantiated, the genesis of values from individual motives through consistent pre-values to social imperatives is given as confirmation of the hypothesis of the direct influence of the value basis of managerial activity on the adequate perception of the country by the people strategies of public administration. The ontological hierarchy of values based on the philosophical and methodological concretization of the mechanisms of reproduction of human society from civilization to the country is given, which makes it possible to instrumentalize values. The concretization of industry values is made on the example of the values of the economic block of the country for the implementation of specific goal-setting and goal-achievement in this industry. The logic of non-random goal-setting and goal-attainment in the civilization-value approach is reproduced. The current situation with the implementation of Decree No. 809 of 09.11.2022 regarding the civilizational and value expertise of legislation is problematized, a request is made for the need to launch a federal program of civilizational and value analytics.

The methodology has been tested in a number of regions of the Russian Federation, training programs for experts are ready, based on it, methodological instructions for employees of state and municipal authorities are being developed in accordance with the requirements of Decree No. 809 of 09.11.2022.

Keywords: public administration, sectoral policies, civilizational value analysis, value system, philosophy of politics, goal setting, traditional spiritual values

For citation: Filippova V. V. Civilizational-value analytics as a method of public administration and sectoral policies. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):28–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.3>

References

1. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V. [et al]. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Žurnal političeskikh issledovanij=Journal of politic research*. 2022;6(3):9–19. (In Russ). DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19).
2. Lupolenko S. P., Filippova V. V. The system of values of the people of Russia (proposal). *Zhurnal "Sfera politiki"*. 2023;(2):25–29. (In Russ).
3. Lupolenko S. P., Filippova V. V., Anisimov O. S. On the question of the praxeology of ideology. *Zhurnal "Sfera politiki"*. 2023;(2):11–18. (In Russ).
4. Filippova V. V. Examination of legislation for compliance with traditional spiritual values within the framework of the assignment The President of the Russian Federation from 1015/2022 and its relevance. *Local law*. 2023;(2):115–124. (In Russ).
5. Civilizational and value analytics. Congress Section of the Spring Session of the International Scientific Congress "Globalistics-2023". (In Russ.). Available at: <https://youtu.be/2tk6sgYFsQM> (accessed: 10.05.2023).

Received: 12.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the author:

Valeria V. Filippova, Head of the Committee for the Institutionalization of Ideology, Interregional Public Organization "Club of Political Scientists "Sphere". Moscow, Russia;
Applicant, P. G. Demidov Yaroslavl State University. Yaroslavl, Russia.
vfilippova@bankostrah.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.4)
EDN [RBVNPI](https://edn.rbnpi.ru)
УДК 323.2

В. С. Слобожникова^{1,2}

¹ ГАУГН

² РГГУ

Москва, Россия

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ НЕНАВИДЕТЬ (ОТНОШЕНИЕ К РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения к российской реальности, которая приобрела особую значимость и стала фактором общественно-политической жизни в современной России. Варианты возможного отношения выявлены на основе отечественной политической мысли. Автором раскрыты особенности обращения к теоретическому наследию мыслителей прошлого: актуализация из теоретического наследия того, что соответствует «злобе дня»; «выхватное цитирование»; анализ наследия прошлого без учёта контекста современного состояния науки, в частности разработок социопсихологии и герменевтики. Обращение в конкретизации отношения к российской реальности к периодам 30–40-х гг. XIX в. и 20–30-х гг. XX в. фиксирует отношение автора к ним как самым сложным с позиции самоопределения мыслителей. Более подробно в статье представлен широкий спектр возможного отношения к реальности в России в 30–40-е гг. XIX в. Официальная власть настаивала на бессознательно доверительном понимании патриотизма. Этой позиции было противопоставлено уничтожение/ненависть к России (П. Я. Чаадаев, В. С. Печерин). Широкое распространение в прогрессивной среде получила позиция, наиболее ярко выраженная, по мнению автора, А. И. Герценом и В. Г. Белинским (люблю, но не животно, по привычке, а сознательно, разумно, и многое в России безмерно ненавижу). Анализируя отношение к современной российской реальности, автор полагает необходимым обратиться к теоретическим разработкам солидаризма и агонизма, учитывать социально-политические изменения, произошедшие в России, и современную иерархию противоречий в контексте глобализационных процессов в мире и место и роль в них нашей страны.

Ключевые слова: политическая мысль России, российская реальность, патриотизм, Герцен, Белинский, русское зарубежье

Для цитирования: Слобожникова В. С. Любить нельзя ненавидеть (отношение к российской реальности в политической мысли) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 44–55. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.4). EDN [RBVNPI](https://edn.rbnpi.ru)

Введение. 2022 год перед каждым россиянином, вне зависимости от социального статуса, должности, образования и многого другого поставил вопрос об отношении к России. Именно сегодня как никогда чувствуется связь времён и вписанность современников в многовековую историю страны. Россия всегда, но точно последние два века, вызывала и вызывает разные чувства у её народа и отдельных его представителей. И сейчас можно встретить всю гамму чувств: от восторгов, обожания и слепого оправдания всего и вся до ненависти. Каждое новое поколение для себя отвечает на вопрос: как относиться к российской реальности, своей Родине, что такое патриотизм, любовь

к ней. Особую остроту эта проблема приобретает в кризисных ситуациях, в периоды радикальных перемен. Ответы на эти вопросы особенно важны для российского самосознания и нашей ментальности, так как в духовной сфере нашего народа они всегда находились на одном из важнейших мест, поэтому их можно выявить, как на бессознательном уровне в рамках массового сознания, так и на глубоко теоретически обоснованном, что находит выражение в общественно-политической мысли. В рамках данной статьи мы обратимся к теоретическому уровню разработки проблемы отношения к российской реальности.

Особенности подходов обращения с теоретическим наследием. Оценки политической мысли России, как и самой реальности вмещаются в амплитуду от уничтожения до восхищения. В. Г. Белинский в 1840-е годы высказывал веру в то, что наступят времена, когда на весах мировых достижений поместят русскую мысль, а в начале 1990-х годов её смысл оценивался, как невротическая реакция на Запад [1, с. 57]. Вопрос о том, как относиться к российской реальности, стал частью интеллектуального интереса с «Повести Временных лет» и «Слова о Законе и Благодати» Иллариона и существует до сих пор. По сути, с бегства А. М. Курбского в Речь Посполитую и трех оправдательно/объяснительных писем к Ивану Грозному, который ответил двумя письменными обличениями/объяснениями, эта проблема с XVIв. персонально актуализировалась. Линия отношения к российской реальности в истории отдельными эпизодами включена в различные социо-гуманитарные науки и их субдисциплины. Например, политологи обращаются к этим сюжетам в рамках Истории политических учений. Для социологов и культурологов значима, например, судьба П. Сорокина. За последние 30 лет чрезвычайно продуктивным стало обращение к проблематике «русского зарубежья».

Полагаем, что многолетнее изучение истории политической мысли России и преподавание этой учебной дисциплины политологам позволяет высказать несколько наблюдений об особенностях подходов в обращении с теоретическим наследием прошлого и в анализе рассматриваемой проблематики. Во-первых, это актуализация из теоретического наследия того, что соответствует «злобе дня». Ярчайшим примером могут служить оценки мыслителей СССР. Позитивно оценивались только представители радикального направления; например, петрашевцы были однозначно записаны в революционеры, а В. Г. Белинский попал в предтечи российской социал-демократии и революционеры. В тоже время консерваторы наделялись крайне негативными характеристиками. Пренебрежительное и уничижительное отношение к радикальному и либеральному направлениям общественно-политической мысли широко распространено в общественно-политическом дискурсе современной России. Необходимо отдавать себе отчёт, что у каждого времени свои вызовы, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Но, с другой стороны, такой подход лишает понимания вариативности развития, его прогностики, использования отдельных находок, к какому бы идеологическому направлению они не относились, опыта анализа конкретно-исторической реальности с разных позиций.

Во-вторых, этот подход можно определить, как «выхватное цитирование». Особенно это широко распространено для выделения бед России, её характеристики в негативном плане и выходе на широкий уровень обобщения в этом русле рассуждений. Как иначе объяснить завидную периодичность актуализации уничижительной части отношения к России, изложенной в первом

Философическом письме, в наследии П. Я. Чаадаева? Именно этот подход использовался и используется в «борьбе за мыслителей», в отнесении того или иного мыслителя к конкретному политико-идеологическому направлению. Особенно активно эта борьба на теоретическом фронте разворачивалась на рубеже XIX–XX вв., времени ожесточённого противостояния консервативной, либеральной и радикальной политических идеологий [1, с. 11].

В-третьих, незнание контекста современного состояния науки или намеренное ускользание от него. Иногда складывается впечатление, что не было исследований З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма и других социопсихологических исследований, которые призывают обращать внимание на роль субъективного фактора, психологической детерминанты в отношении мыслителей к реальности с позиции, например, жизни/созидания и смерти/разрушения. Не говоря уже о таком направлении в философии, как герменевтика, настаивающей на внимании к контексту, в котором создавались сочинения, и личности автора, так как только такой подход позволяет разобраться в истинных смыслах, заложенных в сочинениях.

В России проблематика отношения к реальности и её оценки тесно связаны с патриотизмом. Непосредственно с выходом на конкретные личности и расширение круга тех, которые должны определиться, история патриотизма и теоретическое осмысление его разновидностей в России продолжается уже третий век (с начала XIX века). С позиции общественно-политической актуализации проблемы отношения к российской действительности, на наш взгляд, в политической мысли России можно выделить два самых ярких периода: 30–40-е гг. XIX в. и 20–30-е гг. XX в.

Отношение к российской реальности в 30–40-е гг. XIX в. и 20–30-е гг. XX в. Обращение к первому из названных периодов объясняется несколькими причинами. Во-первых, это действительно был один из самых критических периодов в истории России, так как страна переживала системный кризис, требовались структурные реформы. Во-вторых, Запад с его «открытия» Петром I стал объектом притяжения для российского общества. Период правления Николая I (1825–1855 гг.) не являлся исключением, даже наоборот, Европа в его царствование частью образованного общества воспринималась как глоток свежего воздуха, центр науки и культуры, и не только западниками, но и славянофилами. В-третьих, в эти годы впервые тема отношения к России, её прошлому, настоящему и будущему разрабатывалась на теоретическом уровне, стала предметом споров, серьёзного столкновения различных позиций, составной частью интеллектуальной жизни страны. Трудность анализа избранной темы связана с тем, что многие, любя Отечество, не писали об этом. Например, для славянофилов любовь к своей стране была основополагающим чувством в отношении к России, не требующим объяснений и доказательств.

Восстание декабристов проблему отношения к России превратило в важнейший фактор общественно-политической жизни. Представив свой вариант любви-самопожертвования ради процветания Отечества, они буквально заставили общество заняться ею. Каждый, так или иначе, должен был ответить на вопрос: что значит любить Россию. Поставленный в практическую плоскость ответ на него оказался не так прост, как казалось на первый взгляд, тем более что антиабсолютистское и антикрепостническое движение дворян расширило спектр понятия служения Отечеству. В 1830–40-е гг. ещё два наиболее ярких события актуализировали тему отношения к внутреннему положению в России: появление на страницах журнала «Телескоп» в 1836 г. первого «Философи-

ческого письма» П. Я. Чаадаева и выход в свет книги маркиза Кюстена «La Russie en 1839».

Отношение к Отчизне в России 30–40-е гг. XIX в. понималась по-разному, вменяясь в амплитуду от полного приятия российской действительности до ненависти. Официальная власть настаивала на бессознательно доверительном отношении. Понимая шаткость своего положения в глазах образованной части общества, одним из первых определила свою позицию именно она. Сформулированная С. С. Уваровым (1786–1855 гг.) и получившая статус государственной идеологии «теория официальной народности» в ответе на этот вопрос была чётка, однозначна и прямолинейна. Наиболее ярко выразил позицию власти начальник III отделения Канцелярии его Императорского Величества А. Х. Бенкендорф (1783–1844 гг.). Его выражение – «Прошедшее России было удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» – сегодня приводится даже как крылатое выражение¹. Патриот России должен был быть православным, почитать царя как отца родного. Только так российскому образованному, ищущему ответы на сложные вопросы, думающему обществу предписывалось любить Отечество, относиться к его настоящему, прошлому и будущему и в таком духе о нем писать, и не иначе. Не допускалось даже малейшее критическое отношение к деятельности правительства. Народ должен был безоглядно доверять власти и не мешать ей вести Россию к светлому, процветающему будущему. Следует признать, что большая часть общества разделяла эту позицию. Однако часть образованного общества не устроила официальная трактовка любви к Отечеству, которая получила определение «квасного патриотизма» (выражение принадлежит П. А. Вяземскому (1792–1878 гг.)²) [2, с. 629].

В 1830-е гг. обществу была представлена позиция П. Я. Чаадаева (1794–1856 гг.) – «желчного» отношения к России³. С точки зрения отношения к российской реальности и стране в целом, обращают на себя внимание ряд утверждений, приведённых в Философическом письме. Страна живёт «лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя», она «все ещё» открывает «истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых». Россия миру ничего не дала, ничего у мира не взяла. Но, пожалуй, самое главное то, что «в крови у нас есть нечто, отвергающее всякий прогресс. ...мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» [3, с. 321–330]. Даже эти приведённые короткие выдержки из письма, на наш взгляд, дают представление об общей направленности оценок России, данных Чаадаевым. Завершается письмо словами: «Я должен был показаться вам желчным в отзывах о родине: однако же я сказал только правду и даже ещё не всю правду» [3, с. 338]. Словари русского языка к определению «жёлчный» относят множество синонимов, в том числе «язвительно-злойный» «раздражительный», «озлобленный», «саркастичный»⁴. Полагаем, что есть основания охарактеризовать отношение к России Чаадаева в 1830-е гг., как уничтожительное⁵.

¹ Цит. по: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2289/Прошедшее (дата обращения 13.12.2022).

² Впервые это выражение употреблено П. А. Вяземским в 1827 г. в «Письме из Парижа», напечатанном в «Московском телеграфе». 1827 г., ч. XY, № 11, отд. 1, с. 232.

³ Первое Философическое письмо было написано в 1829 г. и опубликовано на страницах журнала «Телескоп» в 1936 г.

⁴ Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56046> (дата обращения 25.01.2023).

⁵ При этом автор не умаляет достоинств этого мыслителя, его вклада в интеллектуальную историю России.

На наш взгляд, мысли, высказанные Чаадаевым, были навеяны не только интеллектуальными размышлениями и результатом глубоких теоретических обобщений. К этим выводам нас привело несколько факторов. Изучение последующих его работ и их оправдательный характер. Написано письмо было в 1829 г., когда Чаадаев переживал глубокий внутренний психологический кризис из-за невозможности уехать в Европу, из-за неопределённости дальнейшей судьбы, материальных проблем. На мироощущении в определённой мере отразилось и плохое самочувствие. Не последнюю роль, с нашей точки зрения, сыграли и тогдашнее состояние исторической науки (она проходила период становления), и уровень образования автора, знания прошлого страны.

Наиболее ярко, по нашему мнению, даже гипертрофированно, в 1830-40-е гг. чаадаевская линия в отношении к России нашла отражение во взглядах В. С. Печерина (1807–1885 гг.), выходца из дворян Рязанской губернии, который блистательно в 1831 г. окончил Петербургский университет и был его доцентом и профессором, публиковал в столичных журналах статьи, стихотворения и переводы. Именно на эти десятилетия приходились драматические события в его жизни, которые были описаны в автобиографическом труде с характерным названием «Замогильные записки». Он признавался, что определённых политических убеждений до поездки в Европу, которую «совершил без всякой разумной цели», у него не было, но вернулся в Россию с ужасной тоской и глубоким отчаянием, так как «невозможно было ни говорить, ни писать, ни мыслить», «даже высшего разряда умы чахнули и неминуемо гибли под нестерпимым гнетом». Участь жизни для Печерина стала зависеть «от последней книжки, вышедшей из парижских салонов», но тем не менее, несмотря на неустойчивость и переменчивость взглядов, он хотел безотлагательного практического осуществления каждой новой мысли. Душевные муки для Печерина, по его признанию, начались с момента, когда душа наполнилась всепоглощающей ненавистью, которую он называл «подругой» и «супругой», когда он «покаялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему ...окужавшему», когда он стал лелеять «это чувство, как любимую супругу», когда ненависть стала его «насушным хлебом», «божественным нектаром», которым он «ежеминутно упивался». Для Печерина стало «сладоотно отчизну ненавидеть! И жадно ждать её уничтожения». Уход, в буквальном смысле слова, из России он объяснял чувством самосохранения, стремлением убежать из России, как «из зачумлённого города». С 1836 г. четыре года он скитался по Западной Европе, принял католичество и стал монахом, а потом священником в Англии [4, с. 148–311]. На наш взгляд, выбор Печерина лежал вне сферы глубокого теоретического обоснования, он был сделан из-за психологического неприятия ситуации в России, идеалистического, наивного представления о возможности реализации собственных желаний в общественно-политической сфере и стремления обеспечить своё существование в Европе.

Знакомство с Европой, сравнение её с Россией не только обогащало интеллектуально, но и было серьёзным испытанием для психики и вероисповедания некоторых представителей российского образованного общества. Так, на протяжении 30 лет после возвращения в Россию в 1826 г. мечтал уехать в Европу П. Я. Чаадаев, останавливало только отсутствие средств на поездку. «Русским» городом в то время была Вена, в ней состоятельные покупали дома, селились, поменявшие вероисповедание на католичество. Учитывая имеющиеся материалы, можно предположить, что религиозный выбор Печерина

и апологетика католицизма Чаадаева в «Философических письмах» лежали более в психологической плоскости, нежели в интеллектуальной.

На фоне мировоззренческой позиции В. С. Печерина яснее ощущается гражданское мужество мыслителей России, которые выступали с критикой святая святых официальной системы и церковной организации страны, оставаясь жить в России. Напечатанное письмо Чаадаева стало поводом для обсуждения обществом прошлого, настоящего и будущего России, в целом, и проблемы патриотизма, в частности. Вокруг этих вопросов развернулись ожесточённые споры. Следует отметить, что абсолютное большинство российского образованного общества в оценках России не согласилось с Чаадаевым. Ему, например, резко ответил А. С. Пушкин (1799–1937 гг.): «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории её, ни славы её. Но не похвально ему за русскую ласку мараить грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцов» [5, с. 182]. Обращает на себя внимание, что самое резкое неприятие Пушкина вызвало неуважение Чаадаева к истории страны, её прошлому. По мнению поэта, уважение к минувшему отличает образованность от дикости. Многие современников оскорбила не только хлёсткая характеристика России, но и идеализация Запада, католицизма, его цивилизующей роли.

В 1840-е гг. обсуждение проблемы отношения к реальности вновь актуализировалось в связи с выходом в свет в 1843 г. книги маркиза Кюстена, к которой давались крайне негативные характеристики России. По свидетельству Отчёта III отделения и корпуса жандармов она «произвела всеобщее негодование и самое лучшее впечатление на тех, которые имели случай читать эту дерзкую клевету». Император, прочитав книгу, бросил её об пол со словами: «Моя вина, зачем я говорил с этим негодяем» [6, с. 96]. В отличие от Николая I, А. И. Герцен (1812–1870 гг.) назвал эту книгу «самой значительной и умной книгой, написанной о России иностранцем» [6, с. 118].

Герценовские чувства отличались от чаадаевского отношения к Родине, о чем красноречиво свидетельствуют следующие его слова: «Да, я люблю Россию. ... Но моя любовь – не животное чувство привычки; это не тот природный инстинкт, который превратили в добродетель патриотизма; я люблю Россию, потому что я её знаю, сознательно, разумно. Есть также многое в России, что я безмерно ненавижу, всей силой первой ненависти» [7, с. 221]. Эта позиция (люблю, но не животным, по привычке, а сознательно, разумно, и многое в России безмерно ненавижу) получила широкое распространение в обществе, особенно среди разночинцев.

Наиболее глубокие теоретические рассуждения об отношении к Родине, с этой точки зрения, и, пожалуй, самые несовпадающие взгляды в разные периоды жизни представлены в наследии В. Г. Белинского (1811–1848 гг.), блестящего литературного критика, писателя, публициста. Для него Россия – это, во-первых, единство языка, единство характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать их, во-вторых, единство религии и образа правления, в-третьих, родовое сходство в образе внешней жизни, и, наконец, семейное сходство физиономии. «Это сходство, это единство, это родство», – писал он, – «священны, потому что основание их плоть и кровь, как первосущные (субстанциальные) формы духа». Поэтому, с его точки зрения, «космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление». Человек, для которого где хорошо, там и родина, «существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека». Измена своему отечеству, предательство родины, по мнению Белинского, – «самое

страшное преступление, потому идея государства священна», а «Предательство отечества – преступление против нравственности» [2, с. 331, 332].

На рубеже 1830-40-х гг. Белинский переживал глубокий теоретический кризис, преодолевал «примирение с действительностью», источником которого стало оригинальное толкование философии Гегеля [8, с. 56–57]. На наш взгляд, именно чувство любви к Родине стало толчком, помогло преодолеть кризис, выработать новый взгляд на Россию, новую теоретическую и жизненную позицию. В 1840 г. в его письме другу В. П. Боткину можно прочесть: «Любовь моя к родному, к русскому стала грустнее: это уже не прекраснотушный энтузиазм, но страдальческое чувство. Все субстанциональное в нашем народе велико, необъятно, но определение гнусно, грязно, подло» [9, с. 529].

Белинский выделял национальные пороки двух родов. «Субстанциональные» – «выходящие из субстанционального духа, с ними нация рождается, их отвержение иногда может нации стоить жизни». «Прививные» – «являются следствием несчастного исторического развития и разных внешних и случайных обстоятельств, это нарост, их преодоление освобождает нацию от безобразия и страдания». Исходя из этих теоретических рассуждений, Белинский выработал новое отношение к российской действительности: «Мы далеки от того, чтобы думать, что наша национальность была верх совершенства: под солнцем нет ничего совершенного; ...» [10, с. 128]. Какие же пороки существуют в России? Полагаем, что Белинский считал, что «субстанциональных» пороков в нашем отечестве нет, так как писал: «...наши национальные недостатки не могут нас унижить перед благороднейшими нациями в человечестве». Вот чего в России с избытком так это «прививных» пороков. О них, по его мнению, «необходимо говорить громко» [10, с. 128]. Именно в этом он видел смысл истинного патриотизма, искренней любви к родине: «...Патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному...» [11, с. 46]. «Указать же на истинный недостаток общества», с точки зрения Белинского, – «значит оказать ему услугу, значит избавить его от недостатка» [11, с. 87]. Принципиальное значение для его понимания отношения к реальности имеет вывод об отсутствии в нашей стране «субстанциональных» пороков. Свой долг перед Россией он видел в вскрытии недостатков – «прививных» пороков.

С конца 1830-х гг. Белинский однозначно выступил против официальной позиции. «Квасных патриотов» не устраивало расставание со стариной, принятие нового. Мнение, широко распространённое в России, что «все иностранцы невежи, а мы образованнейшие люди», он назвал «нелепым, квасным патриотизмом», присоединившись к характеристике, данной П. А. Вяземским [2, с. 290]. Камнем преткновения в споре с официальной властью стало отношение к Европе, её достижениям. По наблюдениям Белинского, обвинения в подражательности иностранному, под разными формами, повторяются в России уже более пятидесяти лет [12, с. 47]. В этом споре у Белинского сложилась вполне определённая точка зрения. «Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, – писал он, – что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания страны... национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми»

[12, с. 45]. В умении перенимать достижения других народов Белинский видел «хорошую черту нашей национальности» и даже «залог нашего будущего величия и уж, разумеется, не унижения, а превосходства над англичанами» [10, с. 127]. «Мнимые патриоты до того простирают невежественный фанатизм свой, – писал критик, – что в образованной части русского общества видят чуть не ренегатов, чуть не вырожденков, в которых нет ничего русского, и выставляют им, как достойный подражания образец неиспорченной русской национальности, неопрятную и грязную чернь» [12, с. 46]. Критик в противовес официальной позиции на страницах печати в статьях, рецензиях отстаивал своё право вскрывать недостатки, говорить о пороках современной России, это, с его точки зрения, не противоречит любви к родине.

В наследии В. Г. Белинского мы находим развёрнутое понимание национальной гордости. Он различал понятия «оскорблять» и «гордиться, говоря правду», объясняя их смысл следующим образом: «Отрицание или унижение субстанции народа, национальности в истинном значении этого слова, есть оскорбление народа..., но нападки ...на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм»; «Что я люблю всем сердцем, всею душой, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушным, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и сильнее ненавижу дурное» [10, с. 127]. Чувство национальной гордости критик считал «высоким и благородным, залогом истинного достоинства», оно не имеет ничего общего с «национальным хвастовством и щекотливостью» [10, с. 127].

К числу «ложных патриотов», на наш взгляд абсолютно несправедливо, Белинский относил славянофилов, не принимая того, что они связывали историю древних славян с настоящим и будущим России. Должно было пройти лет 15 напряженной интеллектуальной работы, прежде чем западник К. Д. Кавелин признал некоторые положения славянофилов, а в исторической науке почти 150 лет, прежде чем между официальной позицией и славянофилами некоторые учёные перестали ставить знак равенства [8, с. 14–16]. В 1840-е же годы отношения между западниками и славянофилами были, мягко говоря, напряженными. У западников, в целом, и у Белинского, в частности, было в определённой мере предвзятое отношение к прошлому России и неприятие её настоящего. Они принимали только её светлое будущее.

В целом, любовь к родине в России 30–40-е гг. XIX в. понималась по-разному, вмещаясь в амплитуду от полного прития российской действительности до ненависти. Как свидетельствуют изученные первоисточники, интеллектуалы напряженно работали над определением позиции по отношению к российским реалиям в контексте обсуждения прошлого, настоящего и будущего России. Правительство настаивало на бессознательно доверительном понимании патриотизма. Часть образованного общества отличалась степенью ненависти к недостаткам, существовавшим в стране. Чувство полной всепоглощающей ненависти наиболее ярко представлено во взглядах В. С. Печерина. С точки зрения ретроспективы, патриотизм интеллектуалов этого времени оказался действенным, подготовив реформы 60–70-х гг. XIX в. и прежде всего отмену крепостного права.

Следующий пик актуализации проблемы отношения к России пришёлся на 20–30-е гг. XX в. «Русское зарубежье» раскололось в этом вопросе и представляло широкий спектр мнений, так как определялись по отношению к Советской России и большевикам/коммунистам, как её творцам. И опять ненависть к большевикам веховцев, вера в будущее России сменовеховцев и евразийцев. Сменовеховцы акцентировали внимание на реалистическом госу-

дарственном строительстве, укреплении власти. Они пытались преодолеть противостояние правых и левых, признали власть большевиков, часть из них идеализировала Советскую власть. Диктатура большевиков оправдана, так как власть, использовавшая стихию массы, на втором этапе неизбежно должна навести жёсткий порядок. Заслуги большевиков перед Россией сменовеховцы видели в том, что они покончили с экономическим и политическим хаосом, укрепили государственность, защитили страну от интервенции. Советы – действительно народная власть, учитывающая и выполняющая требования народа. С победой большевизма с революционным экстремизмом в России покончено, открывается перспектива быстрого и мощного эволюционного процесса. Советская власть самотрансформируется, так как вынуждена опираться на пролетариат и крестьянство. НЭП они рассматривали как эволюцию революции. Главное избавить Советы от коммунистического элемента. Трансформация будет осуществляться путём «обволакивания эволюционирующего ядра власти», движущей силой которого станут советские, профсоюзные, хозяйственные работники и Красная Армия. Некоторые теоретические положения сменовеховцев стали в СССР составной частью национал-большевизма [13, с. 82-89].

Заключение. Вынесенные в заголовок статьи смыслы, с точки зрения филологии, предполагают 2 ответа: или «любить, нельзя ненавидеть», или «любить нельзя, ненавидеть». Эти ответы запрограммированы восприятием характера общественно-политических противоречий, рассмотрение их в амплитуде антагонистические/неантагонистические. Ответы на многие вопросы можно найти в интеллектуальном наследии прежних времён. XIX–XX вв. дали огромное количество теоретических наработок. В условиях нарастающего обострения социальных противоречий востребованными в истории России оказались прежде всего крайние позиции: радикализм в его социалистически-коммунистическом варианте и консерватизм в имперско-патриотически-монархическом. Провалился проект реализации социализма-коммунизма, и в нашей стране потеряно массовое доверие к марксизму-ленинизму-сталинизму. С 1991 г. произошли серьёзные изменения в социальной структуре общества. Сегодня очевидны успехи реализации идеи правового и социального государства. Но по-прежнему, живо радикальное неприятие власти. Это вполне вписывается в контекст слабости в России «срединной культуры» [14].

В первой половине XIX в., когда интеллектуальное общество России стало анализировать процессы, происходящие в Западной Европе, столкнувшись с классическим капитализмом и его негативными социальными последствиями, появился не только «крестьянский общинный социализм» А. И. Герцена, но и идея солидаризма. И М. М. Сперанский, и славянофилы стремились найти основы развития, которые бы не углубляли противоречия, а сглаживали, не раскалывали общество, а объединяли. Изучению солидарности посвящены работы Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса, В. Парето, П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и других исследователей. Современные российские учёные также осознают ценность и необходимость для современной России солидаризма (А. Н. Неклесса, А. Н. Окара, С. Г. Кара-Мурза, Б. В. Межуев, А. В. Шубин). К анализу проблемы солидаризма и отдельных её составляющих обратились прежде всего философы, социологи, юристы. В научном сообществе возрастает интерес к теме социальной солидарности, о чем красноречиво свидетельствует увеличение количества работ по данной проблематике, что

можно проследить, обратившись к научной электронной библиотеке eLibrary.ru. На запрос «социальная солидарность» за 2005 г. система находила 7 публикаций, 2010 – 38, 2014 – 108, 2017 – 1074, 2022 – 2680.

Полагаем, что обществу следует задуматься над проблемой антагонистичности общественных противоречий, обратив внимание, в частности, на исследования Э. Лаклау и Ш. Муффа, которые в рамках постмарксистского отрицания марксизма разработали плюралистическую теорию создания значений и агонистическую теорию демократии. При определении отношения к российской реальности важно учитывать и иерархию противоречий в контексте глобализационных процессов в мире. Необходимо осознать как данность современное цивилизационное противостояние и место и роль в нем нашей страны.

В научной литературе по-разному оценивается уровень развития политической мысли России, но в чем ей со всей очевидностью нельзя отказать, так это в озабоченности судьбой Родины. У каждого интеллектуала формируются идеальные представления, но редко кому представляется возможность их реализации. Российская действительность их корректирует, подправляет. 2022 г. ознаменовался 250-летием со дня рождения М. М. Сперанского, 100-летием со дня рождения А. А. Зиновьева. При разности времён и характера российской реальности этих мыслителей объединяет любовь к России и служение ей, а им достались далеко не лёгкие времена.

Библиографический список

1. Слобожникова В. С. Научно-теоретические проблемы исследования политической мысли России 30-40-х годов XIX века / Под ред. проф. В. М. Долгова. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2001. 100 с. ISBN 5-292-02646-8.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 3: Статьи и рецензии; Пятидесятилетний дядюшка : 1839–1840 / ред. Б. И. Бурсов. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 682 с.
3. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1991. 768 с. ISBN 5-02-008075-6.
4. Печерин В. С. Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М. : МГУ, 1989. С. 148–311.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 7: История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники / Под общ. ред. Д. Д. Благого [и др.]. М. : Гослитиздат, 1962. 463 с.
6. Россия под надзором: Отчёты III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов // Свободная мысль. 2002. № 12. С. 96–121.
7. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 6: С того берега; Статьи; Долг прежде всего; 1847-1851 / ред. Я. Е. Эльсберг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 549 с.
8. Слобожникова В. С. Политические идеалы мыслителей России 30-40-х годов XIX века / Под ред. проф. В. М. Долгова. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2000. 163 с. ISBN 5-292-02487-2.
9. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 11: Письма. 1829-1840 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 718 с.
10. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 5: Статьи и рецензии. 1841-1844 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 863 с.
11. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 8: Статьи и рецензии. 1843-1845 / ред. А. Г. Дементьев. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 728 с.
12. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843; Статьи о Пушкине. 1843-1846 / ред. Д. Благой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 740 с.

13. Слобожникова В. С. Эволюция политической мысли России (XI – первая половина XX веков). Саратов : Изд-во «КУБиК», 2016. 112 с. ISBN 978-5-91818-463-9.
14. Давыдов А. П. Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX в.) : дис. ... доктора культурол. наук : 24.00.01 / Давыдов Алексей Платонович. Москва, 2002. 561 с. EDN [QDQBHL](#).

Поступила: 31.01.2023. Принята к печати: 03.03.2023.

Сведения об авторе:

Слобожникова Валентина Сергеевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории политических учений, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет.

Москва, Россия.

slvase@mail.ru

Author ID РИНЦ: [438055](#); ORCID: [0000-0002-6952-991X](#)

V. S. Slobozhnikova^{1,2}

¹ SAUH

² RSUH

Moscow, Russia

LOVE CANNOT BE HATED (ATTITUDE TO RUSSIAN REALITY IN POLITICAL THOUGHT)

Abstract. The problem of attitude to the Russian reality has acquired special significance and has become a factor of socio-political life in modern Russia. Variants of a possible relationship are identified on the basis of domestic political thought. The author reveals the features of the appeal to the theoretical heritage of thinkers of the past: actualization of the theoretical heritage of what corresponds to the “malice of the day”; “snatching citation”; analysis of the heritage of the past without taking into account the context of the current state of science, in particular the developments of sociopsychology and hermeneutics. The appeal in concretization of the attitude to the Russian reality to the periods of the 30 – 40s of the XIX century and the 20 - 30s of the XX century fixes the author’s attitude to them as the most difficult, from the position of defining thinkers. In more detail, the article presents a wide range of possible attitudes to reality in Russia in the 30–40s of the XIX century. The official authorities insisted on an unconsciously trusting understanding of patriotism. This position was opposed by humiliation/hatred of Russia (P. Ya. Chaadaev, V. S. Pecherin). The position, most pronounced, according to the author, by A. I. Herzen and V. G. Belinsky, has become widespread in the progressive environment (I love, but not animalistically, out of habit, but consciously and I hate a lot of things in Russia immensely). Analyzing the attitude to modern Russian reality, the author considers it necessary to turn to the theoretical developments of solidarity and agonism, to take into account the socio-political changes that have occurred in Russia and the modern hierarchy of contradictions in the context of globalization processes in the world and the place and role of our country in them.

Keywords: political thought of Russia, Russian reality, patriotism, Herzen, Belinsky, Russian abroad

For citation: Slobozhnikova V. S. Love cannot be hated (attitude to Russian reality in political thought). *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):44–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.4>

References

1. Slobozhnikova V. S. Scientific and theoretical problems of the study of political thought in Russia in the 30-40s of the XIX century. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta; 2001. 100 p. (In Russ.). ISBN 5-292-02646-8.
2. Belinsky V. G. Articles and Reviews; Fifty-Year-Old Uncle : 1839-1840. In: Bursov B. I.,

- ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1953. 682 p. (In Russ.).
3. Chaadaev P. Ya. Complete works and selected letters: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1991. 768 p. (In Russ.). ISBN 5-02-008075-6.
 4. Pecherin V. S. Sepulchral notes. In: Fedosov I. A. (ed) Russian society of the 30s of the XIX century. People and ideas: memoirs of contemporaries. Moscow: MGU; 1989. P. 148–311. (In Russ.).
 5. Pushkin A. S. History of Pugachev. Historical articles and materials. Memories and diaries. In: Blagoy D. D. [et al.], eds. Complete works in 10 volumes. Vol. 7. Moscow: Goslitizdat; 1962. 462 p. (In Russ.).
 6. Russia is under surveillance. Reports of the III branch of His Imperial Majesty's own Chancellery and the Corps of Gendarmes. Moral and political report for 1844. *Svobodnaya mysl'*. 2002;(12):96–121. (In Russ.).
 7. Herzen A. I. From the Other Side; Articles; Duty First; 1847-1851. In: Elsbeg Ya. E., ed. Collected works in 30 volumes. Vol. 6. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1955. 549 p. (In Russ.).
 8. Slobozhnikova V. S. Political ideals of Russian thinkers of the 30-40s of the XIX century. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta; 2000. 163 p. (In Russ.). ISBN 5-292-02487-2.
 9. Belinsky V. G. Letters. 1829-1840. In: Belchikov H. F., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 11. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1956. 718 p. (In Russ.).
 10. Belinsky V. G. Articles and Reviews. 1841-1844. In: Belchikov H. F., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 5. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1954. 863 p. (In Russ.).
 11. Belinsky V. G. Articles and Reviews. 1843-1845. In: Dementiev A. G., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 8. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1955. 726 p. (In Russ.).
 12. Belinsky V. G. Articles and Reviews. 1843; Articles on Pushkin. 1843-1846. In: Blagoy D. D., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 7. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1955. 740 p. (In Russ.).
 13. Slobozhnikova V. S. Evolution of political thought in Russia (XI – first half of XX centuries). Saratov: Izd-vo "KUBiK"; 2016. 112 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91818-463-9.
 14. Davydov A. P. The formation of "middle culture" in Russia: On the material of Russian literature of the first half of the XIX century: Doctor Degree Thesis. Moscow; 2002. 561 p. (In Russ.).

Received: 31.01.2023. Accepted: 03.03.2023.

Information about the author:

Valentina S. Slobozhnikova, Doctor of Political Science, Professor, Professor in Department of History of Political Science, State Academic University for the Humanities; Professor in Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. slvase@mail.ru
ORCID: [0000-0002-6952-991X](https://orcid.org/0000-0002-6952-991X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.5)
EDN [ODYORC](https://edn.odyorc.org/)
УДК 327; 323.1

М. С. Бабченко¹

¹ ПГУ им. Т. Г. Шевченко
Тирасполь

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕУРЕГУЛИРОВАННОГО КОНФЛИКТА С РЕСПУБЛИКОЙ МОЛДОВА

Аннотация. Строительство приднестровской политической нации осуществляется как естественным образом, так и посредством целенаправленной государственной политики по нациестроительству. Если изначально идентичность современного Приднестровского государства сформировалась на антинационалистических началах (в противовес идентичности Республики Молдова), на базе позднесоветского интернационализма, а также как республики–преемницы МАССР, то со временем она стала трансформироваться, произошёл отход от советских принципов в пользу самодостаточности и несводимости к каким-либо моделям. Этому способствовала позиция приднестровских политических и научных элит, ищущих основания собственной государственности в идентичности приднестровского народа. На сегодняшний день в Приднестровье создана система, которая обеспечивает ретрансляцию ценностей и смыслов среди населения, в неё включено общество и институты власти, а также институты гражданского общества.

Вместе с тем развитие гражданской, политической идентичности ведёт к осложнению диалога между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова. В условиях разнонаправленного геополитического выбора, применение приднестровской модели для Молдовы оказывается невозможным, поскольку последняя не отказалась от национальной модели государства. Распространение приднестровской мультиэтничной модели в молдавском социуме и политикуме может быть воспринято как вмешательство во внутренние дела и принудительная русификация. Автор предлагает не смешивать понятия говоря об идентичности населения, – не путать политический дискурс и идеологию государства с естественно сформировавшейся на протяжении столетий идентичностью, основанной на мультиэтничности, миролюбии и тяготению к Русскому миру. Политическая идеология современного Приднестровского государства направлена в будущее и имеет политическую цель – независимость, идентичность связывает народ с его истоками, в данном случае – с прошлым, в котором заметна особенная роль России.

Ключевые слова: молдово-приднестровский конфликт, приднестровская идентичность, приднестровский народ, Приднестровская Молдавская Республика

Для цитирования: Бабченко М. С. Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 56–66. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.5). EDN [ODYORC](https://edn.odyorc.org/)

Введение. На тему приднестровской идентичности написаны десятки статей, немало научных работ посвящены молдово-приднестровскому конфликту, по приднестровской тематике регулярно защищаются диссертации¹. Все это го-

© Бабченко М. С., 2023

¹ В базах научной электронной библиотеки eLIBRARY по состоянию на май 2023 года по запросу «приднестровская идентичность» индексируется 1418 публикаций; по запросу «приднестровский конфликт» индексируется 268 публикаций; 67 диссертаций содержат в названии слово «Приднестровье» и 19 диссертаций содержат название «Приднестровская Молдавская Республика».

ворит о том, что к приднестровской тематике сохраняется и даже растёт исследовательский интерес: так по запросу «приднестровская идентичность» в базах научной электронной библиотеки eLIBRARY индексируется 237 статей в период с 2000 по 2010 гг. и 1058 – в следующее десятилетие. В ряде работ исследователи Д. В. Басова [1, с. 66–68], И. А. Войт [2, с. 32–36], Н. А. Голубь [3, с. 448–467], В. А. Колосов и Д. В. Заяц [4, с. 88–122], Н. И. Харитоновна [5, с. 142–151], В. Е. Журавлев [6] задаются вопросом о соотношении приднестровской идентичности и перспективах урегулирования конфликта или касаются его. Однако, несмотря на популярность темы, наиболее близкие авторскому восприятию публикации с тем же фокусом внимания написаны более 20 лет назад (см., например [4, с. 88–122]). Постараемся актуализировать выбранную тематику, раскрыть особенности приднестровской идентичности, используя метод синтеза экспертных и научных оценок к феномену Приднестровья.

Наличие на левом берегу Днестра «особой идентичности» («Transdnestrian identity») признавалось Миссией СБСЕ (ныне – ОБСЕ) уже в 1994 году. «По оценке Миссии ОБСЕ, существует отчётливое ощущение «приднестровской» идентичности, выходящей за рамки этнических границ, что оправдывает особый статус этого района. Многие этнические молдаване, проживающие на левом берегу, испытывают отвращение к прямому управлению из центра, предпочитают говорить по-русски и не считают себя “бессарабцами”. «...» следует отметить, что к западу от Днестра – там, где проживает большинство этнических украинцев и русских, – славяне и автохтонные молдаване мирно сосуществовали с момента распада Советского Союза, даже во времена насилия и ожесточённых боев в Приднестровье. Распространения насилия на другие районы Молдовы не произошло», – говорилось в заключении справочного материала, подготовленного на основе документа «Приднестровский конфликт в Молдове: истоки и основные проблемы» Центром по предотвращению конфликтов СБСЕ в июне 1994 года² (перевод цитаты – авторский).

Большинство исследователей называют среди имманентных особенностей Приднестровья многоэтничность, принадлежность к русскому миру, миролюбивый характер живущего здесь на протяжении столетий населения, противопоставление своей идентичности современной Молдове. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Принадлежность к русскому миру. То, что приднестровцы относят себя к русскому миру, подтверждают многочисленные социологические опросы [1, с. 160], исследование «Геополитический выбор Приднестровья», проведённое в ноябре 2013 г. Центром социальных и политических исследований «Перспектива» и НИЛ «Социология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко [7; с. 41–43], результаты референдума 2006 года. Однако, помимо этого, демонстрация единства с Россией приднестровскими политиками выступает залогом соблюдения так называемого общественного договора между властью и населением республики, которое является русскоязычным, наследником советской Молдавии. «Население Приднестровья выступает носителем цивилизационной идентичности (идентитета), где ядром цивилизации выступает Россия с её историей, политическими, религиозными, идеологическими, социальными и культурными практиками и вполне определённой зоной цивилизационного влияния, куда всегда входило и в настоящий момент входит Приднестровье», – пишет российский историк, уроженка

² Transdnestrian conflict: origins and main issues / CSCE Conflict Prevention Centre. Vienna, 1994. URL <https://www.osce.org/files/f/documents/4/3/42308.pdf> (last request: 10.05.2023)

Приднестровья Н. И. Харитоновой [5, с. 148]. В сущности, разнообразие интерпретаций пророссийскости Приднестровья сводится к тому, является ли Приднестровье периферией русского мира, или же хранителем его ценностей и духа, т.е. сохранившимся ядром.

Приднестровская идентичность на первых порах существования молодой республики воспроизводила советские образы и символы, которые в свете распада Советского Союза и возрождения националистических движений в постсоветских республиках, стали приобретать сакральный характер, примером чему могут служить героизация Г. Котовского, сравнение боёв в городе Бендеры со Сталинградской битвой 1942–1943 гг., прославление генерала А. Лебеда и образ российской армии как единственного гаранта безопасности [1, с. 63]. Однако с 2000-х годов наблюдается трансформация приднестровской идентичности: частичный отход от советского прошлого и создание качественно новой модели самоидентификации, которая включает в себя одновременно экстраполяцию духовных символов России (в частности, Российской империи) и соединение мультикультурной традиции на данной территории. Подобное положение подтверждается героизацией русских полководцев, особенно культивированием подвига А. Суворова, выставлением на зданиях в Тирасполе и Бендерах флагов Российской империи, а также установкой памятника на трех языках (украинском, молдавском и русском) конституции Орлика [1, с. 63].

1992 год, отмеченный вооружённой агрессией Республики Молдова (РМ) против Приднестровья, продемонстрировал готовность населения республики с оружием в руках отстаивать свой суверенитет. Это говорит о том, что население Приднестровья уже проявило себя на этом этапе как гражданская нация. По словам приднестровского политолога А. Чорбы, «вооружённая агрессия мобилизовала жителей Приднестровья всех национальностей на защиту своей земли. Именно в это время впервые, весьма наглядно проявила себя приднестровская региональная идентичность» [8, с. 191].

К очевидным маркерам наличия особой идентичности следует отнести голосование на референдумах 1989–1991 гг., когда приднестровцы выступили за создание собственной государственности в рамках Советского Союза и за сохранение СССР. Итоги референдума 2006 года, к которым часто апеллируют как политики, так и учёные, – также маркер высокой гражданской активности и политической сознательности граждан: более 97% жителей Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), принявших участие в голосовании, высказались за независимость с последующим свободным вхождением в состав России. Впоследствии неоднократно высказывались идеи провести ещё один референдум, чтобы актуализировать сведения о предпочтениях населения, однако, это не было сделано в силу дороговизны мероприятия и отсутствия необходимости дублировать проведение плебисцита. Социологические опросы подтверждают, что мнение населения с годами меняется незначительно. В 2016 году в Приднестровском государственном университете был проведён опрос, в ходе которого порядка 90% опрошенных назвали восточный вектор развития, включающий евразийское пространство и Россию, наиболее предпочтительным³. Однако на вопрос, который дублировал вопрос, вынесенный в 2006 году на референдум, ответило утвердительно лишь 70% опрошенных.

После прихода к власти президента Шевчука в 2012 году делаются попытки сформулировать и закрепить в документах (в частности, в Концепции внешней

³ Опрос: более 70% жителей Приднестровья выступают за присоединение к России // РИА Новости: [сайт]. 13 мая 2016. URL: <https://ria.ru/20160513/1432704153.html> (дата обращения: 10.05.2023).

политики ПМР) национальную идею республики. Сам факт подобной государственной работы безотносительно её содержания говорит о публичном конструировании приднестровской идентичности. Ровно об этом же говорит и определение государственной идеологии в Стратегии развития ПМР.

В 2012-2014 годах в Приднестровье проводилась активная политика по популяризации евразийского вектора развития. Однако после кризиса на Украине и признания Крыма частью Российской Федерации, реализация евразийского вектора пошла на спад. После 2016 года, с приходом к власти представителей приднестровского крупного бизнеса, экономические интересы которого преимущественно связаны с Европой и иными странами, кроме России и СНГ, термин «евразийская интеграция» практически перестал использоваться властью. Опрос, о котором выше упоминалось, проведённый в государственном университете республики, показал, что идея вхождения ПМР в ЕАЭС, пользуется поддержкой не более, чем 20% опрошенных.

Миролюбивый характер населения и миролюбивые межэтнические отношения. Активное заселение территории Приднестровья началось после того, как российский полководец А. В. Суворов по указанию Екатерины II основал город-крепость Тирасполь. «В течение считанных лет освобождённые земли Приднестровья были заселены украинцами, русскими, молдаванами, армянами, болгарами, евреями, немцами и другими народностями. В течение двух веков здесь шли интенсивные процессы ассимиляции, взаимовлияния разнообразных культур, традиций, менталитета, исторического опыта. Двести тридцать лет на этой территории из разных этнических сред формировалась единая общность людей со своим особым психологическим типом. Этот архетип вырабатывал и особый приднестровский характер людей веротерпимых, открытых, дружелюбных, лишённых национальной замкнутости, этнической исключительности, чванства и косности. Между этими людьми стала невозможной религиозная рознь или этническая нетерпимость», – писал в одной из своих работ выдающийся приднестровский и молдавский историк Н. В. Бабилунга (1952–2021), один из основателей приднестровской исторической школы [9, с. 38].

Впрочем, задолго до него, историк Н. П. Батюшков иначе характеризовал предков приднестровцев: «...забужане и поднестряне, самый бойкий и отважный народ Южной Руси, отличались расположением к буйству и неповиновению...»⁴. В событиях 1989, 1990, 1992 годов мы как раз и наблюдаем это самое неповиновение и стремление строить свою судьбу самостоятельно.

Противопоставление приднестровской идентичности молдавской. На протяжении трёх десятков лет приднестровское научное сообщество доказывало себе и миру инаковость, непохожесть приднестровской идентичности на молдавскую. В ход шли и идут всевозможные линии сравнения, подчёркивающие антагонизм: этнический состав территорий, историческая принадлежность к разным цивилизационным проектам, правовая неправомерность создания общего государства, vox populi, традиции экономических укладов, геополитический выбор и др. Эти ограничения не мешают приднестровцам обучаться в молдавских вузах, пользоваться при необходимости услугами молдавского здравоохранения, скрываться в Молдове от уголовного и политического преследования Тираспо-

⁴ Цит. по: Есть такая нация – приднестровцы // ИА Новости Приднестровья: [сайт]. 16 июля 2015. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/15-07-16/est-takaya-naciya-pridnestrovcy> (дата обращения: 10.05.2023).

ля, а также пользоваться возможностями молдавского заграничного паспорта, позволяющего с лёгкостью посещать территорию ЕС, посещать территорию Молдовы с целью отоваривания или рекреации. Но, что ещё важнее на определённом этапе развития, – убеждать себя и других в возможности и желательности построения общего государства, как это было в период обсуждения плана урегулирования Козака.

Фактом создания собственной государственности, альтернативной той, в которой интересы Приднестровья не были артикулированы и соблюдены, приднестровцы выразили свой протест Молдове. В дальнейшем на политическом уровне этот протест сохранится, хотя он и не связан с сугубо этническим компонентом. Идея приднестровской идентичности как способа сохранить молдавскую культуру, испытывающую агрессивное влияние румынской политики, ярко отражена в школе молдавенистов – кишиневских историков-интернационалистов, выступающих на протяжении многих лет против национализма в Молдове. К сожалению, эта школа теряет своих лидеров и фактически из ныне живущих остался только П. М. Шорников. В РМ это направление исторической мысли, по известным причинам, не пользуется популярностью. В Приднестровье к нему зачастую относятся со скепсисом, поскольку молдавенисты выступают за единое государство под протекторатом России, в возможность которого приднестровцы не верят.

Приднестровье, действительно, идеологически противостоит Молдове. Но чему именно? Русофобии? Моноэтничности? Стремлению войти в ЕС и присоединиться к НАТО? Вероятно, правильный ответ будет звучать так: всему, что противоречит принципу приднестровской государственности как наследницы лучшего в советской модели социально-политического общежития. Между современным Приднестровьем и МАССР/МССР нельзя проводить прямых аналогий, поскольку Приднестровье не является социалистическим государством по своей модели, в Приднестровье не проводится политика коренизации титульной нации, как это было в советской Молдавии. В этом они кардинально разнятся.

Можно ли говорить, что в действительности сложилось несколько уровней идентичности Приднестровья? На наш взгляд, базовой идентичностью приднестровцев является именно смешанная идентичность, которая позволяет человеку, находящемуся в агрессивной среде, находить гибкие решения – на практике это отражается в возможности применить в той или иной ситуации один из своих паспортов, как свидетельство наличия гражданства – правовой связи с конкретным государством (в зависимости от ситуации и субъективно понимаемых выгод такой связи). Проблема возникает тогда, когда официальный политический дискурс и идеологию путают с идентичностью, хотя, в случае с Приднестровьем, между ними и нет принципиальных противоречий. Разница между ними, в сущности, заключается в механизме их формирования и целеориентированности.

У идентичности, формируемой естественным путём, исторически, снизу, никакой цели нет – это узор, складывающийся десятилетиями и даже столетиями под влиянием множества факторов. Подлинная идентичность не зависит от политической воли отдельно взятого лидера, равно как и не могут её разрушить негативные внешние обстоятельства, если только это не тотальный геноцид. У конструируемой идентичности, а точнее – идеологии – всегда есть политическая цель, которая может меняться и формулироваться по-разному: независимость и признание ПМР, дружба с Россией, или вообще многовекторность. Идеология элит и государства и есть попытка сформировать идентичность «сверху», в то время как идентичность бытовая (а в случае Приднестровья – это именно смешанная идентичность, зачастую размытая, которую нельзя определить, как

механическую сумму трех этносов – молдавского, русского, украинского, тем более как сумму более чем 70 этносов, представители которых проживают в ПМР) формируется естественным путём, носит более устойчивый характер, а её роль сродни функциям, которыми обладает так называемый «рептильный мозг», т.е. сложно объяснима в строгих или даже описательных политологических терминах, но интуитивно понятна.

Исследователь Д. В. Басова выделила три уровня приднестровской идентичности (по её носителям): индивидуальный, групповой (этносы – русские, украинцы, молдаване, евреи) и государственный. Причём индивидуальный и групповой уровни внутренне не противоречат государственному, а органично вписаны в него. Также, по её мнению, просматривается ещё один – общеславянский, который носит пока скорее трансцендентный характер. Тем не менее, в рамках приднестровской идентичности он выражен в идее восстановления «Русского мира» [1, с. 64, 65].

Российский историк Н. И. Харитоновна выделяет цивилизационную и ситуационную идентичности Приднестровья. Цивилизационная идентичность, по словам автора, «определяется через соотнесение себя с Россией и евразийским цивилизационным пространством». Цивилизационная идентичность населения Приднестровья как один из ключевых факторов может сыграть существенную роль в политическом разрешении приднестровского конфликта. Также исследователь отмечает, что отличительной чертой является то, что «население Приднестровья чётко осознает себя отличным от населения соседних Молдовы и Украины» [5, с. 142, 148].

В наиболее узком смысле эксперты рассматривают приднестровскую идентичность как средство сохранения русской культуры, что является верным, если смотреть только на формальные критерии конфликта (формально он начался из-за выдавливания русского языка, а в риторике Кишинёва преобладали антироссийские лозунги), и не замечать того факта, что национализм в Молдове был направлен не только против русских, но и против других этносов (украинцев, гагаузов, болгар, евреев и др.).

Наш взгляд отличается от всего, ранее сказанного на эту тему. Мы выделяем идентичность, как базовую константу, и идеологию (в значении государственной идеологии) как надстройку над ней. Первая представляет собой аморфную почву, «рептильный мозг» народа, место, где живёт подсознание, генетическая память, идеология же – это артикулированная идентичность, выраженная в терминах и метафорах и содержащая в себе целеполагание. Можно сказать, что идентичность народа как форма самосознания проистекает из прошлого, в то время как идеология всегда обращена в будущее. Место их «встречи» – сегодняшний день, реальная политика, соотношение деклараций и реального поведения. Чем теснее их связь, тем выше доверие народа к власти, выше легитимность, потому что народ как бы «узнаёт» «свою» власть, находя в ней подтверждение тем образам, которые в его коллективном бессознательном существуют.

Как соотносится приднестровская идентичность, основанная на многоэтничности, миролюбии и тяге к Русскому миру с проблемой урегулирования конфликта? Помогает ли развитие политической нации «Приднестровский народ» конфликто разрешению или задерживает его?

Первый, наиболее очевидный и как бы напрашивающийся ответ – отрицательный. Действительно, чем больше Приднестровье подчёркивает свою независимость, тем больше напряжения это вызывает в соседней Молдове. Подобная ситуация является типичной для большинства стран мира с неурегулированными внутренними спорами, особенно прошедшими этап интернационализации

конфликта: чем выше стремление к сепаратизму, к политическому обособлению спорных территорий, тем выше конфликтный потенциал между центром и регионом. И, напротив, чем менее осмыслена собственная идентичность, тем проще отношения. Осмысленная идентичность – это идентичность, выраженная в политических терминах и овеществлённая в политических актах. В случае с Приднестровьем, и идентичность народа, и идеология Приднестровского государства идут вразрез с идентичностью и идеологией в Молдове.

Некоторые исследователи полагают, что сама модель Приднестровского государства, основанная на внутригражданском согласии, на полиэтничности, могла бы быть моделью для многосоставного общества, которым является Молдова, включающая помимо молдавского этноса румынский, болгарский, украинский, русский и др. Надо сказать, что такие мысли звучат часто именно от российских экспертов и эта мысль связана с тем, что они экстраполируют свой собственный жизненный опыт, жизнь в многонациональной России на Молдову, памятуя ещё о советской Молдавии. Так, по мнению Д. В. Басовой, модель приднестровской идентичности могла бы послужить инструментом разрешения «конфликтов идентичности» для руководства Молдавии, которую в современных реалиях раздирают этнополитические противоречия» [1, с. 62].

Приднестровские эксперты считают эту идею малореализуемой и дело не только в Молдове. По мнению приднестровского, молдавского и российского историка В. П. Степанова, несмотря на полиэтничность, провозглашение трех официальных и равноправных языков, доминирующим в ПМР является русский этнос, влияние которого прослеживается в образовании, делопроизводстве органов законодательной, судебной и исполнительной власти. «При равном статусе с русским языком – другие обречены на статус «семейных» языков, не имеющих силы конкурировать с русским, хотя изучаются во всей вертикали образования» [10, с. 127].

Этот факт, эта особенность приднестровской идентичности, вопреки мысли об универсальности приднестровской модели, служит фактором, препятствующим реализации совместного государства на приднестровских началах. Для молдаван Кишинёва реализация подобной модели привела бы к равенству в их отношениях с другими этносами, что было бы воспринято ими как политическая несправедливость, как ущемление. Ровно по этой же причине не может быть решён и молдово-приднестровский конфликт, хотя многие политики в Молдове изредка бравируют идеей, что конфликт может быть решён за пару дней или даже часов: молдавская модель не устраивает Приднестровье. К этой принципиальной разнице в устройстве систем добавляются «отягчающие факторы» – рост влияния Запада в этом регионе Европы, СВО и др.

Проблема урегулирования видится в том, что за три десятилетия, прошедших с войны 1992 года, Молдова так и не отказалась от курса строительства национального государства, модель которого неприемлема для многосоставных обществ. Ситуация отягощается прорумынским натовским вектором Молдовы, которая, стремясь интегрироваться в Европу, готова поступиться собственным суверенитетом. Отмена молдавского языка в Молдове в 2023 году – ещё одна реперная точка в процессе отмены молдавской культуры. В Приднестровье и Молдове оценка периода румынского присутствия на этой территории диаметрально разнится: для Приднестровья это период фашистской оккупации [11; 12; 13; 14], для Молдовы – период восстановления городской и сельской экономики и инфраструктуры. Приходится констатировать, что именно проблемы, связанные с идентичностью двух народов, лежат в основе долгоиграющего конфликта, определяют неуспех в переговорном процессе, который не может сво-

даться только к отсутствию политической воли в его решении. Это также является основанием утверждать, что решение конфликта рано или поздно состоится под влиянием множества факторов, некоторые из которых могут выглядеть как случайные. На деле же, медленное вызревание идентичностей по обоим берегам Днестра – есть микрошаги к его естественному разрешению по любому из сценариев. Из тех процессов, которые мы по совокупности наблюдаем сегодня, весьма вероятно, что этим естественным процессом станет дальнейшее размежевание между сторонами, прокладывание более выразительных разделительных линий, однако, не стоит исключать фактор участия третьих сторон в конфликте, которыми сегодня могут выступить Россия, Украина, Румыния – т.е. ближайшие заинтересованные государства.

Заключение.

1) Строительство приднестровской политической нации идёт как естественным путём, так и посредством целенаправленной государственной политики в ПМР.

2) Идентичность современного Приднестровского государства формировалась на антинационалистических началах, в противовес идентичности Республики Молдова, на базе позднесоветского интернационализма, а также как республики-преемницы МАССР, однако со временем она стала трансформироваться, происходит отход от советских принципов в пользу самодостаточности и несводимости ни к каким моделям. Во многом этому способствует позиция приднестровских политических и научных элит.

3) В Приднестровье создана система, которая обеспечивает развитие собственной идентичности населения, в неё включено общество и институты власти, институты гражданского общества. Формирование идентичности приднестровцев происходит в процессе социализации – интериоризации норм и ценностей общества, начиная с детского сада и заканчивая деятельностью правоохранительной системы.

4) Чем выше степень самостоятельности ПМР в вопросах конструирования идентичности, тем сложнее осуществляется диалог между ПМР и РМ.

Важной особенностью приднестровской идентичности является комплементарное отношение ко всем этапам приднестровской истории, без деления на плохие и хорошие этапы, без редуцирования исторических сюжетов. Исключением является война 1992 года, восприятие которой у носителей приднестровской идентичности является однозначно отрицательным. Память о конфликте, по словам Н. И. Харитоновой, руководство республики активно использует как основное средство социальной мобилизации населения республики [5, с. 147, 148].

Библиографический список

1. Басова Д. В. Многоуровневая идентичность Приднестровья как модель построения государства для современной Молдавии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 4. С. 62–66. EDN [UHWPVJ](#).
2. Войт И. А. Формирование приднестровского народа как процесс формирования приднестровской идентичности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4(93). С. 32–36. EDN [PONGAI](#).
3. Голубь Н. А. Проблемы сохранения национально-культурной идентичности в контексте культурной политики Приднестровья // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3-2. С. 448–467. DOI [10.17212/2075-0862-2022-14.3.2-448-467](#). EDN [XDMNMM](#).
4. Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122. EDN [HYYWLB](#).

5. Харитонова Н. И. Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 142–151. EDN [ZDQCGL](#).
6. Журавлев В. Е. Легитимация Приднестровского государства: структурно-функциональный подход. Тирасполь : Центр социал. и полит. исслед. «Перспектива», 2005. 160 с. ISBN 9975-9967-2-8. EDN [QOEKWX](#).
7. Татаров Р. А. Приднестровская развилка: к вопросу об основании и реализации выбора приднестровского народа // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 2. С. 39–47. DOI [10.19181/nko.2021.27.2.4](#). EDN [WUVOXD](#).
8. Чорба А. А. Приднестровье на пути от региональной к государственной идентичности: оценки экспертов // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. статей (Нижний Новгород, 18–19 ноября 2015) / Под ред. А. А. Корнилова. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2016. С. 190–195. EDN [WDRVYR](#).
9. Бабилунга Н. В. Приднестровье: шаги истории. Тирасполь, 2015. 72 с.
10. Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва ; Тирасполь : [б. и.], 2015. 222 с. ISBN 978-5-7893-0229-3.
11. Шорников И. П. Зондеркоманда в Дубоссарах: Очерк истории и документация о героиче и патриотической борьбе в годы фашистской оккупации. 2-е изд., доп. Тирасполь : Полиграфист, 2016. 208 с.
12. Перстинёв В. И. Бендерская оборона 1918 года: взгляд через столетие : 100-летию героической обороны г. Бендеры от румынских захватчиков посвящается. Бендеры : Контур, 2018. 43 с. URL: <https://bendery-fortress.com/bendery-defense-romanian-occupation-1918-one-century-ago> (дата обращения: 10.05.2023).
13. «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время : сборник статей, документов и воспоминаний / Под ред. Н. В. Бабилунги. Бендеры : Полиграфист, 2011. 608 с.
14. Лебедев А. С. Историческая политика в Приднестровской Молдавской Республике // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10, № 6. С. 179–187. EDN [BNGJSW](#).

Поступила: 18.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторе:

Бабченко Марина Сергеевна, старший преподаватель кафедры политологии и политического анализа, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь).
ssbck@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1160028](#);

ORCID: [0000-0003-2831-2287](#)

M. S. Babchenko¹

¹ Pridnestrovian State University
Tiraspol

THE EVOLUTION OF THE PRIDNESTROVIAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE UNRESOLVED CONFLICT WITH THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract. The construction of the Pridnestrovian political nation is carried out both naturally and through a purposeful state policy on nation-building. The identity of the modern Pridnestrovian state was formed initially on anti-nationalist principles, in contrast to the identity of the Republic of Moldova, on the basis of late Soviet internationalism, as well as a successor republic of the MASSR, but over time it began to transform, there was a departure from Soviet principles in favor of

self-sufficiency and irreducibility to any models. In many ways, this was facilitated by the position of Pridnestrovian political and scientific elites looking for sources of their own statehood in the identity of the Pridnestrovian people. To date, a system has been created in Pridnestrovie that ensures the retransmission of values and meanings among the population, it includes society and government institutions, as well as civil society institutions.

At the same time, the development of civil and political identity leads to a complication of the dialogue between the PMR and the RM. In the conditions of a multidirectional geopolitical choice, the application of the Pridnestrovian model for Moldova turns out to be impossible, since the Republic of Moldova has not abandoned the national model of the state. The spread of the Pridnestrovian multiethnic model in Moldovan society and politics can be perceived as interference in internal affairs and forced Russification. The author suggests not to confuse concepts when talking about the identity of the population – not to confuse the political discourse and ideology of the state with the identity that has naturally formed over the centuries, based on multiethnicity, peacefulness and attraction to the Russian world. The political ideology of the modern Pridnestrovian state is directed towards the future and has a political goal – independence, identity connects the people with its origins, in this case with the past, in which Russia's special role in the development of the region is noticeable.

Keywords: Moldo-Pridnestrovian conflict, Pridnestrovian identity, Pridnestrovian people, Pridnestrovian Moldavian Republic

For citation: Babchenko M. S. The evolution of the Pridnestrovian identity in the context of the unresolved conflict with the Republic of Moldova. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2): 56–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.5>

References

1. Basova D. V. Multilevel identity of Transnistria as a model of statebuilding for modern Moldova. *Sravnitel'naâ politika=Comparative Politics Russia*. 2015;6(4):62–66. (In Russ.).
2. Voit I. A. The formation of the Pridnestrovian people as a formation process of the Pridnestrovian identity. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;(4):32–36. (In Russ.).
3. Golub N. A. Problems of preservation of national and cultural identity in the context of cultural policy of Transnistria. *Idei i ideally=Ideas and ideals*. 2022;14(3-2):448–467. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2022-14.3.2-448-467](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.3.2-448-467).
4. Kolosov V. A., Zayats D. V. Moldova and Transnistria: national construction, territorial identities, prospects for conflict resolution. *Vestnik Evrazii*. 2001;(1):88–122. (In Russ.).
5. Kharitonova N. I. The factor of civilizational identity of the population of Transnistria in the resolution of the Transnistrian conflict. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law=Izvestiâ Úgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ Istoriâ i pravo*. 2019;9(1):142–151. (In Russ.).
6. Zhuravlev V. E. Legitimation of Pridnestrovian State: Structure-functional Approach. Tiraspol: Center for Social and Political Research «Perspektiva»; 2005. 160 p. (In Russ.). ISBN 9975-9967-2-8.
7. Tatarov R. A. Pridnestrovian fork: on the question of the basis and implementation of the choice of the Pridnestrovian people. *Nauka. Kultura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2021;27(2):39–47. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.2.4..](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.2.4..)
8. Chorba A. A. Pridnestrovie on the way from regional to state identity: expert assessments. In: Kornilov A. A., ed. *Regions of the world: problems of history, culture and politics: coll. of articles*. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo; 2016. S. 190–195. (In Russ.).
9. Babilunga N. V. Transnistria: steps of history. Tiraspol; 2015. 72 p. (In Russ.).
10. Stepanov V P. Ethnopolitical construction of civic identity on the two banks of the Dniester (1989–2014). Moscow–Tiraspol: [b. i.]; 2015. 222 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7893-0229-3.
11. Shornikov I. P. *Sonderkommando in Dubossary: Essay on the history and documentation of the genocide and patriotic struggle during the fascist years*. 2nd ed., add. Tiraspol: Polygraphist; 2016. 208 p. (In Russ.).
12. Perstnev V. I. Defense of Bender in 1918: a look back over a century: 100th anniversary of the heroic defense of Bender from the Romanian invaders. Bender: Kontur; 2018. 43 p. (In Russ.). Available at: <https://bendery-fortress.com/bendery-defense-romanian-occupation-1918-one-century-ago> (accessed: 10.05.2023).

13. Babilunga N. V., ed. "Onslaught to the East": Aggressive Romanianism from the beginning of the 20th century to the present: coll. of articles, documents and memoirs. Bender: Polygraphist; 2011. 608 p. (In Russ.).
14. Lebedev A. S. Historical politics in the Transnistrian Moldavian Republic. *Original'nye issledovaniya*. 2020;10(6):179–186. (In Russ.).

Received: 18.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the author:

Marina S. Babchenko, senior lecturer, Department of political science and political analysis, Pridnestrovian State University (Tiraspol). ssbck@mail.ru
ORCID: [0000-0003-2831-2287](https://orcid.org/0000-0003-2831-2287)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.6)
EDN [AYNECI](https://edn.aynesi.org/)
УДК 323.1; 327

Б. Й. Тодорова¹

¹ Институт философии и социологии БАН
София, Болгария

БОЛГАРСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: ОТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ К ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. Современные тенденции глобализации информационных потоков, глобальные обязательства между правительствами и народами, сложный симбиоз между традициями и культурами крайне затрудняют сохранение самобытного наследия. В связи с этим необходимо сохранить существующую в Болгарии связанность социальных, культурных, этнических и религиозных компонентов, поскольку именно они создают уникальную специфику нашей модели. От уровня их развития зависит степень общего прогресса болгарского общества. Любая попытка игнорировать эту систему сожительства приведёт к оппозиции на почве этнической принадлежности и религии.

Болгарская этническая модель – это не только духовное достижение взаимопонимания и мирного сосуществования разных этнических общностей, но и особая социальная онтология. Модель будет исследована в двух ипостасях – этнополитической и этносоциальной. В связи с этим применяется исторический подход и глубокие междисциплинарные эмпирические исследования.

В заключение, на базе нарративной логики, которая создаёт модель для своей сущности, для своих исторических и культурных целей, необходима этническая феноменология, которая переосмыслит и провозгласит по-новому то, что эта модель является глубоко гуманной, что модель является конкретно-историческим творением болгарского народа в процессе его национального становления, которое органично связано со строительством болгарской нации, её неповторимой национальной, культурной и иной самобытности.

Ключевые слова: Болгария, этническая модель, социальная онтология, этническая феноменология, болгарская нация

Для цитирования: Тодорова Б. Й. Болгарская этническая модель: от этнополитической к этносоциальной модели // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 67–74. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.6). EDN [AYNECI](https://edn.aynesi.org/)

Введение. Будучи расположена в Православном Византийском пространстве, Болгария развивается в сторону толерантности. В рамках Оттоманской (Османской) империи, христианской культуре, вере и языку удается сохранить, разделяя территорию с новой исламской культурой, чтобы остаться в общем сожительстве, продлившемся до сегодняшнего дня. Между Православными и мусульманами на этой территории в последние века не возникало противоречий на чисто религиозной основе, потому что здесь лучше всего развился симбиоз христианского мировоззрения и арабского принципа толерантности, создавая единую уникальную Балканскую исламскую культуру, отличную от мусульманских культур других оттоманских территорий. Можно сказать, что именно традиция болгарской толерантности, заложенная в бол-

гарской национальной идее до XIX века, задает уникальность этой модели, явно являющейся конкретно-исторической концепцией [1, с. 11], предполагает и продвигает особый тип этнической, этнокультурной и этнорелигиозной открытости между этническими идентичностями, при которой становится возможной специфическая общность в их существовании.

Несмотря на многовековое османское иго, болгарский народ сумел создать и сохранить в своем духовном бытии особый вид социальных связей и отношений с другими этносами, проживавшими в границах тогдашних болгарских земель. Эта самобытная модель человеческих и межэтнических отношений предполагала глубокий гуманизм, нашедший выражение в отношениях добрососедства, взаимности, сострадания и сопереживания радостям и проблемам этнически разных и «чужих». Помещённые в его ценностно-нормативную призму, они не воспринимаются как этнически неприемлемые и чуждые общности и личности. В них видят не опасных «чужеземцев», а соседей, которые волею истории/судьбы населяют болгарские земли, с которыми неизбежно и совместно должны разрешаться экзистенциально-жизненные ситуации индивидуальной и общественной жизни. Именно в этом качестве болгарская этническая модель является исторически и социокультурно сложившейся формой социальной солидарности.

Этот исторический конструктор формирует специфическую социальную среду приемлемости, уважения и соответствия ценностям и нормам этнической инаковости. Он предполагает особый тип этнической, этнокультурной и этнорелигиозной открытости между этническими идентичностями, при котором становится возможным реальное единение в жизни. Эти специфические этнокультурные коды совместимости гарантируют отсутствие неразрешимых конфликтов между разными этносами, религиями и культурами. На бытовом уровне модель не создает провокаций в сторону этнических различий, они возникают только по линии правящих элит. Речь идет о сегодняшнем пост-модернистском времени, когда реверансы делаются перед элитой¹. В чем на практике состоит вклад народа в создание этнической модели?

Модель может рассматриваться в двух ипостасях – как политическая и как социальная проблема, каждая со своей спецификой.

Этнополитическая модель. В смутные времена радикального перехода к демократическому устройству общественной и государственной жизни, политики непрестанно и даже навязчиво говорят о болгарской этнической модели, этнический фактор приобретает всё большее значение в политике.

Термин «болгарская этническая модель» (БЭМ) был использован как антитеза конфронтационной этнорелигиозной модели в бывшей Югославии, которая привела к большому кровопролитию и распаду. Болгарские политики хотели продемонстрировать, что Болгария является единственным стабильным местом на Балканском полуострове, гарантирующим мир, и политику признания и поощрения прав и свобод меньшинств. Меньшинства имели своё политическое представительство в государственном управлении в лице партии «Движение прав и свобод» (ДПС). По словам её лидера Ахмеда Догана, модель является плодом и средством в контексте нового мирового порядка, новой модели Балкан. Его формула стабилизации региона включает два направления: инвестиции в инфраструктурные проекты на Балканах для создания условий для связи и интеграции региона с

¹ Кристофер Лаш [2] анализирует этот современный феномен – «переход от бунта масс», символически раскрытого Хосе Ортегой-и-Гассетом в его одноименной работе [3], к бунту элит.

европейскими инфраструктурами и инвестиционные проекты в этнически смешанных регионах, где Балканы рассматриваются как единое целое и как часть Европы [4, с. 52]. Там, где Фукуяма видит конец истории, по мнению Догана, активный либеральный субъект должен видеть начало своей действительной истории.

Итак, на протяжении переходного периода, болгарская этническая модель служила двоякой цели: 1) как реклама для создания хорошего имиджа болгарской политики перед международной общественностью (рекламным инструментом, помогающим придавать ценность различным символам, выделяющимся из угасающих традиционных культур) и 2) как средство политического шантажа (создавалось впечатление, что ДПС является единственным гарантом межэтнического мира). Большим заблуждением является утверждение, что отсутствие развала в Болгарии по образцу Косово, – это заслуга политиков [5, с. 52]. Это касается вопроса о вкладе социального субъекта в построение, нормальное существование и развитие данной этнической модели. Это важно, потому что раскрывает нам некоторые скрытые стороны демократического этноса в условиях перехода, которые политический класс пытается публично навязать.

Существующий этнический плюрализм представляет собой скорее проблематизирующую проекцию существующей ситуации. Речь идет о политическом участии во власти очень небольшой части сформировавшейся элиты национального меньшинства, которая не помогает людям в повседневной жизни и не улучшает их условий жизни. Существует политический интерес в воспроизводстве муниципалитетов как этнических сообществ. Партийные механизмы обеспечивают привилегированный доступ к общественным ресурсам турецкого этноса и за счет включения этнического фактора в демократические процедуры гарантируют материальное воспроизводство этого политически сконструированного этноса.

В Европе можем определить два типа проблемных этнических ситуаций. Сегодня мы свидетели тому, как рождаются новые этносы, у которых собственные претензии и собственное прочтение истории. Образуются новые государственные формирования, без утверждённой идентичности. В то время, как в странах Европейского союза (мультикультурные государства, интегрирующие новые меньшинства) проблемы исходят от иммигрантов, от третирования внутренних мигрантов как иммигрантов, у бывших социалистических стран, в свою очередь, этнические проблемы совершенно иные. Если в первом случае надо предпринять меры по защите иммигрантов и недопущению расизма и дискриминации, то на Балканах речь идёт о строительстве гражданского общества и эффективной политической демократии.

Различные формы государства предполагают различные виды политической культуры и политических элит. В своей книге «Демократия в Европе», Зидентоп рассматривает три основные модели – французскую, немецкую и британскую [6].

Для **французской модели** характерна высокая степень бюрократичности и сильная доминирующая централизованная власть. Это предполагает столкновение интересов и групп. Из-за преобладающего бюрократического элемента следует, что процесс принятия решений сильно формализован и минимально ограничен, что делает французскую модель легко применимой в других странах. Распространено насаждение власти посредством силы.

Немецкая модель является полной противоположностью французской. Усилия в этом случае направлены на создание различных сфер власти, независимых друг от друга. Федерализм представляет строгий контроль над раз-

витиём центральной власти и формирование верховенства права в государстве, где управление должно соответствовать законам страны. Идея здесь о власти, осуществляемой посредством авторитета.

Английская модель выходит за рамки чисто экономической ассоциации, но и слишком далека от федерализма. Её отличительной особенностью является неформальность, а руководящим принципом является принцип субсидиарности – союза между центральными и местными органами власти, воплощённого в распределении обязанностей между центром и периферией. Это есть модель управления на основе взаимного согласия, которая руководствуется здравым смыслом. Из-за этой специфики, можно утверждать, что такая модель не применима к другим политическим реалиям, так как она развивается в определённом социальном контексте.

Французская модель централизованного государства не воспринимается как возможность государства ограничить состояние прав и свобод личности. Такое восприятие происходит из-за массового политического сознания, через которое человек отождествляет себя с народом как с сувереном власти. Равенство обеспечивается институтами государства, но само по себе оно является и идеей свободного человека. Эти действия определяются как культура постоянного гражданского интереса.

Болгария, как равноправная страна-член ЕС, заимствует многие элементы из французской модели. Дело в том, что в Болгарии и Франции число протестующих растёт, но в отличие от Франции, где протесты являются частью специфики французской модели, в качестве условий для выживания государства, и как своего рода корректива власти, в Болгарии эти протесты являются выражением недовольства, разочарования управлением страны, выражением нарушения прав человека или гражданских прав и интересов. В Болгарии не хватает доверия к институтам в частности и к государству в целом. Во французской модели государство и люди работают вместе для общего блага, а роль протестов состоит в том, чтобы показать направление этой работы. В Болгарии частный интерес смещает общественный. Исполнительная власть функционирует на основе партийных интересов, в силу чего наблюдаются злоупотребления различного рода. Поэтому государство через свои институты является препятствием, а не средством защиты интересов граждан.

К сожалению, ни годы перехода, ни пропаганда болгарской этнической модели, не смогли сформировать механизм для предотвращения проникновения догматических истин в умы людей. Политические и социально-экономические кризисы, в которые погружены Балканы, будут и дальше заставлять людей отчаянно искать прихода Спасителя, как в образе «мессии» ведущей политической партии, так и в образе лидера националиста, или в очередном эксперт-экономисте.

Сейчас в Болгарии царствует озадачивающая экономия политической воли, усердия и единства правящих элит чтобы конструировать и легитимировать национальную доктрину с помощью четкого стратегического замысла, публично обоснованными и мотивирующими людей национальным идеалом и национальной моделью исторического и национально-культурного развития Родины, гармонирующими с историческими вызовами и реалиями мира в начале XXI века.

Поразительно, что амбивалентная сущность и особенность каждой модели, в том числе, и этнических корреляций или структур, не рассматривается с необходимой серьезностью и глубиной. Вероятно, под давлением всеобщего и длительного сверх-политизированного и сверх-идеологизированного отрицания любого планирования различных социальных и жизненных сфер совре-

менных болгарских граждан, родные политические элиты довольно упрямо дистанцируются и не принимают своей ответственности и обязательств (исторических и государственных) по отношению одних или других возможностей, вариантов или профилей этно-моделирования.

Как раз этническое моделирование инвестирует в различия. И при этом считается, что признание различий следует вознаградить правами, свободами и выгодами, без учета фактического и потенциального ущерба и опасности для общего и универсального в национальной идентичности, для её нормального и даже прогрессивного (общественно-исторического и социально-культурного) пути к преобразению и развитию с течением времени.

Таким образом, кажется, совсем забыты или намеренно игнорированы все идеи, послания и интерпретации великих французских философов, которые по-разному напоминают и показывают, что куда важнее собственно человеческое, человеческая природа, а не её этническая форма. Хотя именно через соответствующие национальные модели и идеалы можно дать достойные и гуманные социально-исторические и гражданские ответы на прошлое. Потому что именно и только через такую модель болгарская нация может и должна найти и постигнуть национальное согласие и единство, публичную и высоко историческую мобилизацию, несгибаемую волю и силу осуществить свои гражданские и политические проекты и свои социокультурные послания.

Этносоциальная модель. Политические спекуляции с болгарской этнической моделью посягнули на святое: на данное природой достоинство болгар, на простую и естественную жизнь, несущую множество нравственных истин, о которых не следует забывать. Не случайно в последние годы исследователи обратились к этническим проблемам, в поисках того, что было утеряно в процессе глобализации в годы экономического перехода.

В своем социальном контексте модель является источником исключительно благоприятного социального климата по отношению к меньшинствам. Она превращает этнические противоречия и конфликты в политический процесс, нейтрализующий их и позволяющий восстановить добрососедские отношения между христианами и мусульманами, являющийся уникальным, со следующими элементами:

- Декапсуляция и эволюция этнического формирования «Движение прав и свобод» (ДПС) в нормальную политическую партию либеральной направленности (в ходе этого процесса она получила международное признание и принимает конструктивное участие в управлении).
- Отделение этнической партии от этнонационализма меньшинства, от линии реваншизма.
- Отказ основных политических сил от этнонационализма большинства.
- Маргинализация радикальных этнонационалистических формирований [1, с. 9–10].

Параллельно с этим в социальной практике и повседневной жизни происходят изменения в общественном восприятии этнически разнообразного субъекта – как отдельной личности и как образа этноса. Двойственность возникает в отношении восприятия и реакции другого как субъекта меньшинства. Что мыслится и оценивается как потенциально опасный фактор для нормальной общественной жизни и гражданского мира [1, с. 21].

Болгарская этническая модель – это не только духовное достижение взаимопонимания и мирного сосуществования различных этнических общностей, но и особая *социальная онтология*. Потому что это сложный, динамичный и про-

тиворечивый историко-социокультурный комплекс множества разнородных социальных, политических, экономических и культурных механизмов и реалий [7, с. 163]. Эта онтология еще недостаточно освоена государственными учреждениями. Особенно ярко это проявляется в условиях коренных исторических или социальных изменений, затрагивающих все стороны общества. Поэтому институционально-инструментальные формы незаменимы для освоения этой специфической онтологии.

Развитие этнической модели в каузальной зависимости от этого. Нужно вывести вперед замену этнополитического этносоциальным, обратив внимание на:

- 1) ломку доминирующей этнически детерминированной модели социальных взаимодействий;
- 2) снятие предубеждений об этнических различиях, стереотипов по отношению к нему, ожиданий от его действий;
- 3) преодоление этнически детерминированного неравенства в возможностях получения образования, трудоустройства, проживания, здравоохранения, участия во властных структурах и т.д.

Предоставление определенных прав на основе этнической принадлежности может в определенный момент оказаться опасным, и необходима защита большинства от меньшинства. Отсутствие устойчивых социально-экономических связей определяет этнический и иной тип общностей как единственно возможного интегрирующего центра. Отсутствие управленческого моделирования несет в себе риски и опасности. Необходимо стремление избегать крайних проявлений экстремизма и этнизации социальных проблем.

Заключение. Человеческие общества, в особенности многоконфессиональные, многонациональные и многоэтничные, содержат множество различий и проблем на пути мирного сосуществования. В эпоху постмодернизма углубляются различия, поощряется разделение, а не сближение, поощряются попытки гегемонии одного над другим. Большим вызовом сегодня является то, как научиться жить вместе, сохраняя единство в нашем многообразии. Свобода от любых этнических стереотипов, развитие религиозной и этнической толерантности является условием достижения культуры мира.

Болгарская этническая модель – конкретно-историческое творение болгарского народа в процессе его исторического и национального становления. Это органично связано со строительством болгарской нации, её неповторимой национальной, культурной и иной самобытности. Национальное самосознание раскрывает неповторимый исторический путь сближения, сосуществования различных этнических общностей и личностей в границах единого болгарского народа. Эта своеобразная модель человеческих и этнических связей проникнута гуманизмом. Она вырабатывает конкретные социо- и этнокультурные коды совместимости и отсутствия неразрешимых конфликтов между отдельными этническими общностями, их религиями, культурами. На бытовом уровне эта модель не создает провокаций в сторону «этнической инаковости», такие провокации возникают только по линии правящих элит.

БЭМ создает определенную нарративную логику для своей сущности, для своих исторических и культурных целей. Вот почему необходима этническая феноменология, чтобы переосмыслить и провозгласить по-новому то, что в этой модели является глубоким и гуманным. Болгарская этническая модель была и должна быть особым историческим и социокультурным вкладом для включения болгарского народа и государства в русло мирового исторического развития.

Библиографический список

1. *Митев П. Е.* Българският етнически модел – проблематизирано достижение в обединена Европа // Етническото разнообразие в обединяваща се Европа / съст. М. Мизов. София : Център за ист. и политологически изследвания, 2005. 319 с. ISBN 954-90816-6-4.
2. *Лаш К.* Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. Дж. Смити [и др.]. М. : Логос & Прогресс, 2002. 224 с. ISBN 5-8163-0031-8.
3. *Ортега-и-Гассет. Х.* Восстание масс : пер. с исп. М. : АСТ, 2001. 509 с. ISBN 5-17-007796-3.
4. *Доган А.* България и новият световен ред. София : Институт за либерални изследвания, 1996. 94 с.
5. *Проданов В. К.* Световният опит и българският модел на междуетнически отношения. Национално-етнически отношения в 20-21 век. Българският модел. София : Захарий Стоянов, 2012. 760 с. ISBN 978-9540906935.
6. *Зидентоп Л.* Демократия в Европе : Пер. с англ. М. : Логос, 2004. 310 с. ISBN 5-94010-094-5. EDN [QOCTWV](#).
7. *Тодорова Б. Й., Мизов М. Н.* Българският етнически модел – мит или реалност. София : Авангард прима, 2010. 379 с. ISBN 978-954-323-668-8.

Поступила: 23.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторе:

Тодорова Богдана Йордановна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой «Социальные теории, стратегии и прогнозы», заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук. София, Болгария.

bonytodorova@gmail.com
ORCID [0000-0003-1948-2292](https://orcid.org/0000-0003-1948-2292)

B. Y. Todorova¹

¹Institute of Philosophy and Sociology at BAS
Sofia, Bulgaria

BULGARIAN ETHNIC MODEL – FROM ETHNOPOLITICAL TO ETHNOSOCIAL MODEL

Abstract. Modern trends of globalization of information flows, global obligations between governments and peoples, complex symbiosis between traditions and cultures make it extremely difficult to preserve the original heritage. In this regard, it is necessary to preserve the connection of social, cultural, ethnic and religious components that exist in Bulgaria, because they create the unique specificity of our model. The degree of general progress of our society depends on the level of their development. Any attempt to ignore this system of cohabitation will lead to opposition on the basis of ethnicity and religion.

The Bulgarian ethnic model is not only a spiritual achievement of mutual understanding and peaceful coexistence of different ethnic communities, but also a special social ontology. The model will be studied in two guises - both an ethno-political and an ethno-social model. In connection with the applied methodology a historical approach and in-depth interdisciplinary empirical research is applied.

In conclusion, on the basis of narrative logic, which model creates for its essence, for its historical and cultural purposes, ethnic phenomenology is necessary, which rethinks and proclaims in a new way that this model is deep and humane. что модель is a concrete-historical creation of the Bulgarian

people in the process of its national formation, which is organically connected with the construction of the Bulgarian nation, its unique national, cultural and other identity.

Keywords: Bulgaria, ethnic model, social ontology, ethnical phenomenology, Bulgarian nation

For citation: Todorova B. Y. Bulgarian ethnic model – from ethnopolitical to ethnosocial model. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2): 67–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.6>

References

1. Mitev P. E. Bulgarian ethnic model – a problematic achievement in a unifying Europe. In: Mizov M., comp. Ethnic diversity in a unifying Europe. Sofia: Tsent“r za ist. i politologicheski izsledvaniya; 2005. 319 p. (In Bulgarian). ISBN 954-90816-6-4.
2. Lasch C. The revolt of the elites and the betrayal of democracy. Moscow: Logos & Progress; 2002. 224 p. (In Russ.). ISBN 5-8163-0031-8.
3. Ortega y Gasset J. La rebelión de las masas. Moscow: AST; 2001. 509 p. (In Russ.). ISBN 5-17-007796-3.
4. Dogan A. Bulgaria and the new world order. Sofia: Institut za liberalni izsledvaniya; 1996. 94 p. (In Bulgarian).
5. Prodanov V. K. World experience and the Bulgarian model of interethnic relations. National-ethnic relations in the 20-21 century. The Bulgarian model. Sofia: Zakharii Stoyanov; 2012. 760 p. (In Bulgarian). ISBN 978-9540906935.
6. Siedentop L. Democracy in Europe. Moscow: Logos; 2004. 310 p. (In Russ.). ISBN 5-94010-094-5.
7. Todorova B. Y., Mizov M. H. Bulgarian ethnic model - myth or reality. Sofia: Avangard prima; 2010. 379 p. (In Bulgarian). ISBN 978-954-323-668-8.

Received: 23.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the author:

Bogdana Y. Todorova, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department “Social Theories, Strategies and Prognoses”, Deputy Director of Institute of Philosophy and Sociology at BAS, Sofia, Bulgaria. bonytodorova@gmail.com
ORCID [0000-0003-1948-2292](https://orcid.org/0000-0003-1948-2292)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.7)
EDN [EKJZMK](https://edn.ru/ekjzmk)
УДК 316.022.4; 2-63

С. В. Рязанова¹

¹ ИГИ ПФИЦ УрО РАН
Пермь, Россия

О РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВ: ПРОБЛЕМА ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Аннотация. Исследование посвящено проблеме идентификации локальных религиозных сообществ, возникающих в последние десятилетия и имеющих внешне синкретический характер. Основной исследовательский вопрос статьи формируется как проблема установления базовых критериев идентификации, которые могли бы стать основой для составления классификации или типологии. Рассматриваются две стратегии установления идентичности – через набор внешних маркеров и путём осуществления самоидентификации через внутреннее определение носителей религиозного сознания. Первая стратегия выбрана как ключевая в силу её большей объективности, вторая используется в качестве средства дополнительной верификации. В качестве объектов, которые можно определить как принадлежащие к одному ряду, выбраны два локальных сообщества, возникших в конце прошлого века на территории внешнего Прикамья и прошедших путь эволюции от православного сообщества до объединения другого типа. В качестве источников для исследования использованы материалы полевых исследований автора (включённые наблюдения, экспертные интервью, полуструктурированные интервью с бывшими членами сообществ и актуальным руководством общин, материалы личной переписки автора с верующими), данные журналистских расследований, уставные документы и сайты обеих организаций в разные периоды времени. В качестве объектов для анализа были выбраны доктринальная часть учения обеих групп и реализуемая культовая практика. Проведённый анализ показал, что оба анализируемых сообщества не могут быть определены как принадлежащие к христианской традиции в силу специфики вероучения, использования набора магических практик и ряда элементов светской культуры. Специфичность идей и ритуалов каждой из групп показала неприменимость классификации для объединений такого рода и использование широких определений. Более корректным представляется не помещение данных групп в ряд религиозных объединений нового типа (новых религиозных движений), а определение их как новых социальных групп как находящихся на стыке религиозной и нерелигиозной сфер общественной жизни.

Ключевые слова: новые религиозные движения, проблема идентификации, критерии идентификации, религиозные сообщества Прикамья

Для цитирования: Рязанова С. В. О религиозной идентификации новых религиозных сообществ: проблема инструментария // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 75–90. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.7). EDN [EKJZMK](https://edn.ru/ekjzmk)

Бессмыслица – искать решение, если оно и так есть. Речь идёт о том, как поступить с задачей, которая решения не имеет.

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Идентичность и идентификация как методологическая проблема. На первый взгляд невозможно обнаружить черты сходства между Учебно-практическим центром Русского Боевого Искусства имени генерал-майора Ю. И. Дроздова, предлагающим программы патриотического воспитания и обучение верховой езде и расположенном на окраине Перми, и научно-производственным объединением «Промёд», ориентированным на производство и продажу пчеловодческой продукции и сопутствующих товаров и функционирующем в Нытвенском районе Пермского края. Первый выглядит как обычная организация дополнительного образования, делающая акцент на спортивную подготовку с элементами воспитательной работы. Второе функционирует как небольшой бизнес, потребителями товаров которого выступают сторонники здорового образа жизни. Секулярный образ, демонстрируемый обоими сообществами, размывается небольшими деталями, обращающие на себя внимание социолога религии.

Так на страничке учебного центра в контакте ещё в 2020 г. было размещено приглашение к участию в семинаре «Принципы биоритмических процессов в восстановлении телесной и личностной целостности человека»¹, продублированное на исчезнувшем в мае 2022 г. сайте Покровской обители (pokrovperm.ru). На сайте были выложены фотографии с семинара, которые позволяют говорить о том, что это учебное мероприятие не имеет отношения к боевым искусствам ни теоретически, ни практически, поскольку проводилось главой обители О. Будиловой и было посвящено получению трансцендентального знания.

На сайте компании «Промёд» среди рекламы продукции и вкладок, посвящённых производству, неожиданно встречается «Сказ о жемчужном ожерелье»², заканчивающийся словами «Милые дети Мои! И Вам Мы с Отцом Небесным несём с Неба Жемчужины Мира Нашего. Примите же их с Верою в сердца свои как Лучший Дар и храните! Не позволяйте, дабы покрылись Жемчужины Наши грязью земною, дабы были они побиты и испорчены. Не принсите их к тому, чьё сердце не наполняется от Любви. Храните сей Свет в сердцах своих, и Он наполнит вас Силою, благодаря которой и подниметесь вы Белою лебедью на Крылах Веры и Любви в Мир Любви! Аминь». Дополнением служит описание эксперимента с «активатором Давир», обладающим исцеляющей силой³.

В обоих случаях речь не идёт о том, что владельцы сайта ставили своей задачей дезинформировать читателя. Боевыми искусствами в Центре действительно занимаются и бальзамы на меду «Промёд» продаёт. Тем не менее, вероучительная составляющая в деятельности обоих сообществ является очевидной, что в очередной раз ставит перед исследователем вопрос о классификации/типологизации феноменов такого рода. Предварительно можно с уверенностью говорить о том, что объекты исследовательского внимания представляют собой городские (или схожие с ними) группы единомышленников, значимую

¹ УПЦ РБИ. URL: <https://u.to/OZ27Hw> (дата обращения: 13.04.2023).

² Сказ о жемчужном ожерелье. URL: <https://u.to/QZ27Hw> (дата обращения 13.04. 2023)

³ Воздействие активатора Здоровья Давир на воду. URL: <https://u.to/VJ27Hw> (дата обращения 13.04.2023)

часть деятельности которых составляет религиозный/мифологический компонент (О специфике религиозного и мифологического в культуре, в том числе современной, см.: [1–4]).

На мой взгляд, принципиально важным для социологии религии является вопрос о том, какой социологический инструментарий может быть использован для идентификации внутри социокультурного пространства тех групп, которые, обладая признаками религиозности, не могут быть безоговорочно отнесены к известным вероучительным системам и их дериватам. От решения данного вопроса будут зависеть принципы складывания экспертных заключений, применение законодательства в сфере религии, соотносённость сообществ со светской системой образования.

Для начала хотелось бы оговориться, что речь идёт не о новых религиозных движениях (НРД), появлений которых в западных странах заставило специалистов-религиоведов заговорить о смене религиоведческого комментария, а распространение после 1990 г. на территории бывшего СССР вынудило пересмотреть взгляды на религию и религиозность и отечественных учёных. Прилагательное «новый» в данном случае указывает на относительно короткий срок существования в определённом регионе, не отменяя значимость влияния более ранних религиозных традиций и вписанность в культурный контекст.

Выбирая объекты для анализа, я в полной мере допускаю наличие аналогичных явлений на всей территории Российской Федерации, в своём случае используя те, данные о которых оказались одновременно и максимально доступными, и достаточно иллюстративными. Основным исследовательским вопросом становится вопрос о том, применимы ли к религиозным новообразованиям принципы строгой идентификации, либо более корректным был бы отказ от данной процедуры, предполагающий исключение из оборота ряда категорий (Подробнее см.: [5]). Поскольку полный отказ от процесса идентификации религиозных сообществ представляется паллиативным решением, для осуществления этого процесса требуется решение следующих задач: установить базовые маркеры для идентификации; выстроить иерархию маркирующих параметров; определить границы для классификационных возможностей применительно к новым религиозным общинам.

Объекты анализа через призму доступных источников. В качестве кейсов для отработки методологии идентификации были выбраны две религиозные общины, набор параметров которых позволяет говорить о них как о членах единого множества, что допускает применение принципа математической индукции: то, что верно для двух членов ряда, верно для всего ряда. В настоящее время данные группы носят названия «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины» (в момент своего возникновения – «Церковь Семья Божия») и «Учебно-практический центр Русского Боевого Искусства имени генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова» (изначально Покровская обитель при приходе церкви Благовещения Пресвятой Богородицы Пермской епархии) (Подробнее об истории общин см.: [6–10]). Набор формальных и сущностных характеристик позволяет говорить о высокой степени сходства данных объединений.

Рассматриваемые сообщества сформировались в начале 1990 гг. на территории Пермского края и организационно не выходили за его пределы, поэтому стоит говорить о наличии локальной религиозной группы. Изначально они позиционировались как христианские объединения с отчётливым тяготением к православной церкви, что фиксировалось либо организационно (членство

в качестве православного прихода в случае с Покровской обителью), либо идеологически (получение благословения от православного священника основателем «Семьи Божией»). И та, и другая община осуществляют деятельность под руководством харизматических лидеров, полностью определяющих содержание вероучения и принципы социального взаимодействия внутри коллектива. Обе группы выступили в виде своеобразного социального фильтра, поскольку в ходе своего существования не имели устойчивого состава, как в связи с разочарованием ряда последователей обоих учений, так и в результате административной политики руководства, сопровождающейся формированием своеобразных проскрипций и маргинализацией части верующих.

Несомненное сходство есть в вероучительной, а также религиозной и вне-религиозной деятельности рассматриваемых групп. Идейные вдохновители и авторы учений не смогли предложить своим последователям какого-либо аналога догматической системы. Священная литература обеих общин является очень разнородной в идейном отношении, что свидетельствует о постоянной трансформации вероучительных положений. В обоих случаях гибкость интерпретации объясняется через наличие мистической составляющей, реализуемой путём личного контакта руководителя группы с сакральным началом и получения им постоянно нового откровения.

Трансформации и деформации положений христианской веры повлекли за собой формирование собственной культовой практики, не ограничивающейся исключительно религиозными традициями и активно использующей элементы секулярной культуры (верховая езда, литературные праздники, изучение музыкальных произведений и др.). Наряду с этим возникли виды деятельности мистического и оккультного характера, о которых будет сказано ниже, вносящие в деятельность групп элементы эзотеризма и самоизолированности. Несмотря на наличие всех этих элементов религиозной/мифологической/магической обе организации имеют форму секулярной презентации, позиционируясь как спортивно-патриотическое, либо оздоровительное объединение.

Все вышеперечисленное позволяет говорить о несомненном сходстве двух пермских религиозных сообществ, позволяющем искать единые для них маркеры идентификации. На их примере я попытаюсь показать, какие аспекты идентификации как соотносённости со схожими объектами и принадлежности к более крупным объединениям.

В качестве материалов для анализа будет использовано несколько групп источников. Прежде всего, это т.н. священная литература обеих религиозных организаций, сформированные на протяжении всего периода существования сообществ. К ней относятся не только тексты, написанные основателями учений, но и те, что создавались облечёнными доверием последователями. Часть литературы доступна только в онлайн-формате⁴. Письменно зафиксированное учение дополняется информацией в звуковом формате. В случае «Семьи» это выложенные аудио- и видеозаписи семинаров, проводимых В. К. Белодедом как основателем и первым руководителем церкви. Применительно к Покровской обители такими материалами стали личные аудиозаписи семинаров, проводимых главой группы О. Будиловой, переданные автору статьи их владельцем с правом цитирования.

Вторую группу источников составили личные интервью, взятые у бывших членов обеих групп в формате полуструктурированного интервью, а также –

⁴ Группа «Владимир Константинович Белодед» в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/belodedvladimir> (дата обращения 30.04.2023).

для церкви «Семья» – у руководителей общины в настоящее время. Дополнением стали материалы закрытой группы «ВКонтакте», включающей в себя бывших последователей О. Будиловой, делящихся своим опытом в отношении общины. Большинство интервью анонимны, за исключением тех, где респонденты дали согласие на упоминание их имени. Автору было дано разрешение в использовании материалов данной группы с предварительным просмотром модератором группы публикуемой информации. Часть интервью были сделаны журналистами и находятся в открытом доступе, что позволило использовать сведения и оттуда. Я отдаю себе отчёт в том, что отзывы покинувших группу членов могут иметь субъективный характер, поэтому в ходе интерпретации полученной информации производилась верификация на основании других источников. К сожалению, нет возможности в настоящее время интервьюировать актуальных членов обеих религиозных групп из-за позиции актива общин.

Ещё один корпус документов составляют фото- и видеоматериалы, отражающие религиозную и околорелигиозную жизнь общины, как вывешенные на открытых для доступа страницах, так и предоставленные бывшими членами группы и сделанные лично автором. К ним примыкают сведения, полученные в ходе лично проведённых включённых наблюдений: для церкви «Семья Божия» – в ходе лонгитюдного исследования в 1997, 2007 и 2018-2019 гг., для Покровской обители – в качестве зрителя на предлагаемых общиной открытых мероприятиях патриотической направленности.

Работа с использованными материалами заключалась в качественном анализе содержания с выделением смысловых блоков и отдельных предложений, которые потом интерпретировались с элементами герменевтического вживания. Интерпретация каждого кейса осуществлялась через структурирование и оценивание содержащейся информации [11]. Применительно к визуальным источникам был применён метод контент- и сопоставительного анализа.

Формирование инструментария для идентификации и доктринальный анализ. Поскольку идентификация обозначает отождествление как установление тождественности на основании набора признаков, представляется необходимым установить основные элементы этого набора.

Семантически наиболее значимой для процесса идентификации является идентичность, предполагающая осознание и утверждение индивидом принадлежности к определённой социальной группе или страте, признание определённой статусной позиции и выполнение связанных с ней социальных ролей. Исходя из исходного значения, можно говорить о примате самоотождествления как принципа соотнесённости с позицией или группой, однако в реальности, как писал И. Гофман, реализуется два типа идентичности – собственно индивидуальная и приписанная социумом [12, р. 112-123]. И если вторая оформлена через указание на ряд внешних параметров, то первая может быть зафиксирована только в том случае, если она имеет внешнюю социальную репрезентацию. При этом внешний наблюдатель не застрахован от того, что самопредставление не будет фальсифицировано субъектом, инсценировано, либо представлено неотчётливо. Тем самым самоидентичность превращается в кантовскую «вещь-в-себе», слабо пригодную для объективной идентификации сообщества. Ещё одним аспектом, создающим проблему для установления идентичности, является в значительной мере воображаемая природа тех сообществ (Б. Андерсон) [13], к которым индивид или группа готовы себя относить. Это означает, что субъект может полагать достаточными (или, нао-

борот, недостаточными) те признаки, которые позволяют ему причислять себя или группу к более крупному социальному сообществу. Тем самым детально разработанные психологами концепции анализа идентичности как основы для идентификации [14], являются не вполне подходящими для социологического анализа религиозной общины как социокультурного феномена. Поэтому декларации религиозной принадлежности самими верующими будут использованы в тексте статьи как элемент дополнительной верификации.

Основной исследовательской стратегией, таким образом, должно быть определение идентичности сообщества через идентификацию извне, вне прямой зависимости от самовосприятия отдельных верующих и коллективов, через установление чётких параметров для определения. На таком основании возможно построение классификаций, либо типологий, вероучительных сообществ, в зависимости от специфичности рассматриваемых групп. Два аспекта представляются наиболее продуктивными при формулировке задач идентификации применительно к новым религиозным общинам: какой тип религиозного объединения представлен как объект исследования (дериват традиционной религиозной системы или принципиально новое религиозное движение); что представляет собой данное объединение, по сути, как специфичное сочетание положений веры, культовой практики и стратегий социального поведения верующих.

Идентификация любой вероучительной системы обязательно включает в себя оценку специфики декларируемой группой доктрины и реализуемой культовой практики. Как уже упоминалось, в обоих случаях мы не можем говорить об устойчивом наборе догматических положений, но вычленение наиболее значимых идей на разных этапах развития, впоследствии закреплённых в учении, представляется вполне возможным.

Несомненным является наличие у обеих религиозных групп христианского компонента в учении. Прежде всего, это использование в качестве основы для интерпретации библейских сюжетов, что озвучивалось во время публичных проповедей В. К. Белододе на протяжении всего периода его руководства и на семинарах Покровской обители в период 2010–2011 гг., если судить по имеющимся аудиозаписям. Этот компонент учения был обоснован, прежде всего, особенностями биографии лидеров: глава «Семьи Божией» некоторое время был членом общины баптистов-инициативников и классических пятидесятников⁵, а О. Будилова входила в группу активистов, приехавших в начале 1990 гг. возродить православие в Прикамье⁶. Возникшая в результате этой деятельности община в одном из районов Перми до осени 2019 г. функционировала как относящаяся к одному из приходов местной епархии. В записях семинаров неоднократно встречаются упоминания о посещении православной службы.

Однако христианские элементы доктрины со временем были подвергнуты значительному пересмотру и коррекции со стороны лидеров обеих общин. В церкви «Семья Божия» трансформация началась с 1991 г. и включала в себя признание главы общины мессией, снижение образа Иисуса Христа до обычного человека, наделённого святым духом, и важность идеи духовного рождения. В образ святого семейства была добавлена фигура Небесного Отца как супруга девы Марии, вместе породивших расу сыновей Бога, причём фигура

⁵ Материалы личных бесед автора с пасторами общин классических пятидесятников и баптистов-инициативников..

⁶ Личная переписка автора с отцом Георгием Андриевским.

Отца отождествлялась с основателем группы⁷. Большинство положений Никео-Константинопольского символа веры были интерпретированы как символические, связанные с духовным совершенствованием человека. Уже после смерти В. К. Белододе центральным объектом поклонения становится Матерь Божия, выражением духа которой на земле становится преемница ушедшего лидера церкви⁸. Объем внесённых в учение новаций относительно исходного символа веры ставит вопрос о христианской природе учения, какой бы расширительной она ни была, в то время как нынешние руководители общины в новом уставе фиксируют принадлежности именно к христианству: «задача Церкви – совместное исповедание и распространение Христианской Веры», что подразумевает участие в работе Вселенских Соборов⁹. В пояснительной записке экспертному совету (ксерокопия из архива автора) особое внимание уделяется сходству с православием. Лидеры группы отмечают, что они соблюдают «основные традиции христианства» и сохраняют основные объекты почитания, в том числе, символ веры, при этом ссылаясь на апокрифическое Евангелие от Варфоломея.

Реформированные положения христианского вероучения дополняются значительным объёмом как заимствований из других религиозных и мифологических систем, так и собственными конструктами мифологической природы. В текстах группы на равных правах соседствуют аура, медитация, карма и реинкарнация; упоминаются битва при Трое, Аарон, Гаруна, Ванга и Нострадамус¹⁰. Мифологическими по характеру описания [3–4] являются космологические и исторические идеи общины (наличие временных циклов, замкнутое культурное пространство, исключительность предназначения одной группы людей). Таким образом, при определении места данной религиозной группы в системе религиозных представлений можно говорить скорее о синкретической природе учения, чем о деривате по отношению к христианству.

Все изменения, внесённые в христианское миропонимание Ольгой Будиловой, связаны с её личным мистическим опытом и в полной мере отражены в семинарских аудиозаписях уже 2014–2016 гг. Несмотря на использование трудов теософов, Рерихов, Ауробиндо Гхоша и Даниила Андреева на ранних этапах своей деятельности как интерпретатора¹¹, лидер общины отказывается от них, отдавая предпочтение собственным конструктам. Традиционные образы нагружаются дополнительными штрихами (из которых самым популярным является кристалл («Кристалл развития искусства»)). Неканонично трактуется центральный объект поклонения – Троица, то в резко монотеистическом

⁷ Пояснительная записка к Уставу Церкви-Семья Божией. Пермь, 1996. 10 с.; Белодед В. К. Бог есть Слово, полное благодати и истины: Десять лекций-проповедей о внутреннем смысле Библии. Пермь: О-во духовного просвещения, 1994. 220 с.; Слово Божией Матери детям своим. Вып. 3. Пермь: Общество духовного просвещения, 1996. 280 с.; Белодед В. К. Святая книга любви. Пермь: О-во духовного просвещения, 1998. 217 с.; Общество духовного просвещения. Пермь: О-во духовного просвещения, 1996. 78 с.; Белодед В. К. Бог есть слово, полное благодати и истины. Десять лекций-проповедей о внутреннем смысле Библии. Пермь: О-во духовного просвещения, 1994. 222 с.

⁸ Турышев О. Турышева М. Се стоит среди вас некто, которого вы не знаете. Пермь: ИП Турышев, 2012. 490 с.; Турышев О. Турышева М. Не умолкнут Песни. Сборник молитв. Пермь: ИП Турышев, 2017. 324 с.; Турышев О. Турышева М. Беседы Старца Серафима и Алёши. Пермь: ИП Турышев, 2014. 230 с.; Турышев О. Турышева М. Сказки Матери Божией. Пермь, 2017. 258 с.

⁹ Устав религиозной организации «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины», 7.1 и 7.3.8. Фотокопия из личного архива автора.

¹⁰ Цикл лекция-проповедей Владимира Константиновича Белододе, прочитанных духовным детям в 1992-1993 гг. URL: https://u.to/uZ_7Hw (дата обращения 26.04.2023).

¹¹ Личная переписка автора с отцом Георгием Андриевским.

(«Бог – это единица» («Кристалл развития искусства»)), то в диалектическом ключе («Триединство всегда устроено очень просто – две противоположные категории и взаимосвязь между ними» («Кристалл развития искусства»)), причём само значения сакрального образа тоже снижается, поскольку предполагается, что с Богом «можно договориться» («Тала, Светел и Ангелия»), и этот мотив звучит в значительной части записей. Иногда божественное начало почти профанизируется: «Изначально сказанное Богом слово не означает, что так будет стоять всегда» («Брак»).

Как и в предыдущем случае, особая роль отводится мессианскому предназначению основателя учения, в данном случае реализованному через особый вариант женского лидерства: «выполнение на Земле той работы, которая необходима для Бога» («Оля»), что повышает онтологический статус О. Будиловой, призванной, с её слов, связывать «распавшиеся части бытия» («Оля»). Предполагается, что эта миссия будет реализована через рождение (а потом, как выяснилось, и смерть) божественного младенца: «Серафим Саровский мне сказал: “Ты совершишь стояние Марии Богородицы”» («Точка воскресения»).

Несомненно сходство учения обеих групп в той части, которая касается женского лидерства, указывая не столько на актуальность в современной культуре феминистической повестки, сколько на закономерность результатов эмансипации женщин, что приводит к возникновению нетрадиционных трактовок привычных религиозных положений.

Для обеих групп отличительной чертой этих новаций являются ещё два аспекта. К первому относится значительный мистический компонент, реализованный в личной практике лидера Покровской обители, имеющей «ежедневный подвиг восхождения вверх» («Календарь-Январь») для контакта с Богом. Нынешняя глава Церкви апостола Иоанна и Марии-Магдалины также регулярно получает послания свыше, интерпретируемые затем в многочисленных книгах. Второй особенностью становится доктринальное обоснование изолированного существования общины, озвученное О. Будиловой как «Социум – это монстр, закладывающий формы искусственных взаимоотношений между людьми. Это форма самоубийства, которую создаёт человек, чтобы покончить со своими отношениями с Богом... в нем нет живого звучания души, а есть только роль.. человек засыпает в ней как в растворе и умирает для Бога... Из социума надо выйти, поскольку он не даёт соединения с богом» («Алые паруса») и реализованное супругами Турышевыми в виде своеобразного родового поместья в сельской местности Прикамья. Для членов Покровской обители чувство исключительности общины обострено ещё и обещанием скорого самопожертвования («Иногда мне кажется, что меня уже скоро убьют за всё... давно пора» («Оля»)), продекларированного лидером, и принесения в жертву остальных: «мне казалось, что я вообще убиваю всё и всех, всех людей и сразу. Но через кровавый узел... он вводит в эту реальность земную свою благословения, а это мне делается известно только на следующий день после того, как я решила подвергнуть уничтожению всех ребят» («Обетование. Путешествие»).

Проведённый анализ доктрины показывает, что письменные и устные нарративы предоставляют возможность для сопоставления учения в его идеологической части с другими религиозными системами на предмет отождествления и позволяют выделить специфический компонент, который требует отказаться от классификации в пользу типологии. Очевидно, что речь идёт об отдельной группе религиозных феноменов, для которых родство с более ранними вероучительными комплексами является формальным. Они формируются на принципиально иной основе, связанной с религией лишь отчасти.

Культурная практика как маркер религиозной идентичности. Особенности ритуальной практики, по моему мнению, также являются достаточно репрезентативными в части установления природы конфессионального феномена, поскольку эта практика демонстрирует принципы отношения верующего к священному, особенности структурного функционирования общины и способ восприятия социокультурного окружения, в том числе и иноверцев. Религиозная и околорелигиозная деятельность обеих рассматриваемых общин в полной мере соответствует характеру декларируемых ими доктрин. Она практически утратила те элементы, которые могли бы указывать на принадлежность именно к христианской традиции, поскольку сам факт наличия икон и произнесения молитв встречается и в других вероучительных системах.

Традиционные элементы практик поклонения дополняются столь значительным объёмом нововведений, что по совокупности могут быть интерпретированы как нерелигиозные, секулярные. Для церкви «Семья Божия» ядром культурной деятельности стали, наряду с экзегетическими проповедями основателя учения, чтения получаемых им посланий, адресованных как общине в целом, так и отдельным её членам. Стоит отметить, что «транслятором» посланий выступал не только сам В. К. Белодед, но и часть приближенных к нему женщин, что позволило после смерти лидера безболезненно передать эту функцию преемнице. В настоящее время в общине принято считать, что получить послание может любой член церкви, но оно будет плохо структурированным и неверно понятым, поэтому экзегеза полностью делегирована матушке Марии¹². Ещё одним новым элементом внутриобщинной жизни стали т.н. «братские круги», на которых членов группы приглашали персонально, представлявшие собой аналог самостоятельной психотерапии¹³. Взявшиеся за руки люди вслух проговаривали существующие у них страхи и проблемы личной и общественной жизни, и участие в такой практике было обязательным¹⁴.

Помимо этого, широкое распространение получила своеобразная работа с кадрами, сохранившаяся и в настоящее время¹⁵, выраженная во временном выведении за пределы церкви тех, кто, по мнению руководства общины, нарушал её внутреннюю жизнь, либо не соответствовал по поведению предъявляемым требованиям. В лучшем случае это предполагало освобождение от значимых обязанностей, в худшем – бойкот в моральном отношении и состояние неприкасаемости в физическом плане¹⁶. Оставшиеся активно участвовали в литературных праздниках, посвящённых русским писателям-классикам, и других аналогичных мероприятиях.

Часть элементов общинной деятельности церкви отсылает к практикам евангельских общин – признается глоссолалия¹⁷, проводится крещение взрослых членов группы, практикуются собственные обряды венчания. После смерти В. К. Белододеда к собственно ритуальным действиям добавляются целительские, выразившиеся в разработке и применении прибора под названием «Давир», якобы помогающего при большинстве заболеваний¹⁸. Организационно всей

¹² Интервью с Турышевыми.

¹³ Интервью 11.04.2019.

¹⁴ Интервью 26.04.2019.

¹⁵ Устав религиозной организации «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины», 4.3. Фотокопия из личного архива автора.

¹⁶ Интервью 11.04.2019.

¹⁷ Интервью с Турышевыми, Интервью от 18.05.2019.

¹⁸ Интервью с Турышевыми; <https://www.promed.pro/davir5> (дата обращения 26.04.2023).

совокупностью практик руководят «Духовные Родители», регламентирующие не только финансы и обрядность, но и процедуру заверения подписей¹⁹.

Покровская обитель, в отличие от церкви «Семья Божия», сформировала двойственную систему культовой практики. С одной стороны, это светские по своей природе мероприятия, включающие в себя ипшотерапию для инвалидов, детские занятия музыкой, цигун, школу следопытов для школьников и занятия исторической реконструкцией военных событий. С другой – внутренние семинары, на которые приглашается только часть членов общины («суточная работа» («Грань добра и зла»)) и формирование группы «Воины Света» («Грань добра и зла»), призванной на ментальном уровне сражаться со всеми недоброжелателями по отношению к обители²⁰. Для всех членов общины ведётся особый дневник, в котором отражается внутренняя духовная работа верующих. Декларируется наличие специальных мужской и женской магии («Грань добра и зла»), широко используются вещи-обереги, благословлённые матушкой Ольгой, ею же осуществляются практики исцеления («Тала, Светел и Ангелия»). Наиболее приближенным последователям были даны новые имена, часть получила новых супругов, более подходящих с точки зрения руководства группы²¹. Зафиксирован один случай проведения для ребёнка своеобразного огненного крещения как для новорождённого в общине²².

Для тех, кто сопротивляется подобной деятельности, либо не устраивает почему-то лидера общины, применяются разного рода епитимьи (не разговаривать, не помогать деньгами, не разрешать самому накладывать пищу в трапезной) (Личная переписка с О. Б.). В крайних случаях применяется отпевание заживо (Личная переписка с А. Н.), либо окончательное выведение из обители.

Совокупность разнородных ритуальных и околоритуальных практик, в том числе, административного характера, дополнительно верифицирует анализируемые религиозные феномены как синкретические, не оставляя возможности аффилировать их к традиционным вероучительным системам. Акцент на систему репрессивного воздействия по отношению к последователям учения наводит на мысль об архаизации социальной жизни общин такого рода, возвращении к жёстким регламентирующим практикам древности. Данное обстоятельство позволяет добавить к число предикатов данных общин в качестве характеристики ремифологизацию и реархаизацию.

Исследовательские версии и самоидентификация групп. Наличие значительных расхождений с теми религиозными системами, которые воспринимаются исследователями как укорененные в культуре, провоцирует отсылки к феномену новых религиозных движений (НРД), зафиксированных в странах Запада во второй половине XX в. и тщательно изученных специалистами [15–30], и распространившихся на территории бывшего Советского Союза начиная со второй половины 1980 г. и поставивших вопрос о реформе категориального аппарата для отечественного религиоведения [31–40]. Однако предлагаемый

¹⁹ Устав религиозной организации «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины», 2.2 и 6.2. Фотокопия из личного архива автора.

²⁰ Интервью с С. Хватковым; Асауленко О. Под покровом тьмы // Территория Пермь. 11 июля 2016. Асауленко О. Гражданский суд // Территория Пермь. 14 марта 2017.; Асауленко О. «По делам узнаете их...» // Территория Пермь. 22 июля 2019 г.

²¹ Личная переписка автора с отцом Георгием Андриевским.

²² Интервью с С. Хватковым; Асауленко О. Под покровом тьмы // Территория Пермь. 11 июля 2016. Асауленко О. Гражданский суд // Территория Пермь. 14 марта 2017.; Асауленко О. «По делам узнаете их...» // Территория Пермь. 22 июля 2019 г.

исследователями набор характеристик, хотя и имеет место на некоторых этапах существования общин, но не является определяющим сущность.

Наиболее значимым отличием от большинства НРД является замкнутость обеих групп, отсутствие активного прозелитизма и способствующих этому условий функционирования группы, а также активное применение практик репрессивного характера, формирующих сообщество тотального типа (Э. Гофман [41]). Второй чертой, которую нельзя оставить без внимания, стала высокая активность в сферах, не имеющих никакого отношения к религиозным практикам – реконструкторство, бизнес-проекты, деятельность следопытов и др. Эта двупостасность не только ставит вопрос о причинах двойственности, но и заставляет задуматься, почему такой синтез оказался возможным. Особенностью, сближающей обе общины с НРД, является высокий статус харизматического лидера, что характерно не только для современного периода существования религии, но в преобладающем большинстве случаев встречается в деятельности новых групп. Отзвуки традиционного христианства – совместный труд, коллективная жизнь, общая трапеза и отправление культа – выполняют не столько функцию отождествления с той же Русской православной церковью, сколько реализуют эскапистский настрой лидеров групп.

Руководство организаций отчётливо осознает невозможность на таких основаниях осуществить аффилиацию по отношению к любой из уже существующих церквей. Неслучайно Покровская обитель была исключена из сферы окормления Пермской митрополией по инициативе самой митрополии, а В. К. Белодед не смог найти общий язык даже с главой неортодоксального Богородичного Центра Иоанна Береславского²³. Остаётся только декларировать свою уникальность, либо через критику РПЦ – «В церкви Бога можно уже не искать... Церковь идёт в ад первой. Апокалипсис начинается с этого... Церковь является тем местом, где слово Божие убивается» («Церковь»), – либо через неотчётливые пояснения по поводу своего места в конфессиональном пространстве: «мы не относимся к православию, мы не можем себя причислить к православию никак. Потому что там такая очень строгая система... поэтому мы в эту систему никак не можем вписаться»²⁴. Все это заставляет говорить о локальных общинах такого типа как существующих вне классификационных признаков²⁵.

Выводы как приглашение к продолжению дискуссии. Приводимые ниже заключения ни в коей мере нельзя считать окончательными, поскольку, в представлении автора, процесс возникновения новаций в религиозной сфере ещё очень далёк от своего завершения. В условиях открытого религиозного пространства существует множество возможностей как для свободной интерпретации существующих религиозных текстов и концепций, так и для создания групп единомышленников любого формата, в том числе, в пограничных с религией сферах. Вероятно, появляющиеся в ближайшем будущем феномены религиозной жизни заставят скорректировать те выводы, которые напрашиваются на данном этапе изучения конфессиональной жизни современного общества.

Приходится признать, что в лице локализованных религиозных организа-

²³ Интервью от 18.05.2019.

²⁴ Интервью с Турьшевыми.

²⁵ На взгляд автора, похожая ситуация имеет место в отношении т.н. протестантских церквей, которые традиционно объединяются за счёт единственного признака – отсутствия аффилиации к католицизму и православию, что не даёт условий для формирования классификации.

ций и групп исследователь сталкивается с самостоятельными общинами, не включёнными в систему подчинения другим организациям и строящими свою деятельность на основании данных лидерами установок. Их нельзя считать исключительно харизматическими «культами» по той причине, что высокий статус лидера в значительной мере рационализируется в ходе деятельности общины и допускает замены на лидерских позициях. Специфичный характер вероучения и культовой практики требует идентификации каждой из групп через использование предикатов, характеризующих непосредственно эту группу, вне попытки обнаружить общих класс для подобных феноменов. Это делает невозможным применение т.н. терминов «зонтичного типа» (*umbrella terms*) как неспособных учесть частные, но при этом очень значимые характеристики.

Светская деятельность рассматриваемых групп, какими бы причинами она ни была инспирирована, создаёт эффект своеобразной мимикрии, словно вытесняя объект из сферы внимания социологии религии. Общины занимают пограничное положение между религиозной и светской сферами общественной жизни, что заставляет отказаться и от понятия «синкретические религии», и говорить о социальных группах, сочетающих религиозную доктрину как способ мировосприятия с нерелигиозными практиками в жизни и поведении верующих. Таким образом, мы имеем дело не столько с эволюцией религии, сколько с изменением социального пространства в целом, приводящего к возникновению социальных групп нового типа, сочетающих в себе гетерогенные черты.

Библиографический список

1. *Рязанова С. В.* Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2011. № 11. С. 64–79. EDN [NKHHUN](#).
2. *Рязанова С. В.* Структура современного религиозного сознания: общее и особенное // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 197–204. EDN [PMWVXB](#).
3. *Рязанова С. В.* Миф в его соотношении с религиозным и светским типами мировоззрения // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. № 12. С. 123–136. EDN [QAZTFT](#).
4. *Рязанова С. В.* Специфика мифа как культурной формы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 4. С. 37–44. EDN [THTZTZ](#).
5. *Смирнов М. Ю.* Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 2. С. 145–153. EDN [VQFWLT](#).
6. *Рязанова С. В.* «Народное богословие» в церкви «Семья божия»: сюжеты, образы, мифы // Технологос. 2019. № 1. С. 85–100. DOI [10.15593/perm.kipf/2019.1.07](#). EDN [ZAYNNH](#).
7. *Рязанова С. В.* Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2(30). С. 86–100. DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7306](#). EDN [FXZDIZ](#).
8. *Рязанова С. В.* Балансы власти в закрытых религиозных сообществах (локальный кейс) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 24–32. DOI [10.21209/1996-7853-2020-15-4-24-32](#). EDN [BSNWN](#).
9. *Рязанова С. В.* Закрытые сообщества как феномен современной религиозной жизни // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. № 96. С. 119–135. DOI [10.15382/stur1202196.119-135](#). EDN [WUGCPL](#).
10. *Рязанова С. В.* Трансформация православного прихода: от катехизиса до патриотизма (на примере Покровской обители в г. Пермь) // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 41–54. DOI [10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54](#). EDN [GUCKNP](#).
11. *Mayring Ph.* Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken. Weinheim und Basel : Beltz Verlag, 1983. 117 p. ISBN 978-3-407-54649-4.

12. *Goffman E.* Behavior in Public Places. New York : Free Press of Glencoe, 1963. 248 p.
13. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках распространения национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Кучково поле, 2016. 416 с. ISBN 5-93354-017-3.
14. *Шорохова В. А.* Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 4. С. 44–61. EDN [TEOHMX](#).
15. *Swatos W. H. Jr.* Church-Sect and Cult: Bringing Mysticism Back in // Sociological Analysis. 1981. Vol. 42, No. 1. P. 17–26. DOI [10.2307/3709699](#).
16. *Hoge D. R., Smith E. L.* Normative and Non-Normative Religious Experience Among High School Youth // Sociological Analysis. 1982. Vol. 43, No. 1. P. 69–82. DOI [10.2307/3711419](#).
17. *Robbins T., Anthony D., Richardson J.* Theory and Research of Today's "New Religions" // Sociological Analysis. 1978. Vol. 39, No. 2. P. 95–122. DOI [10.2307/3710211](#).
18. *Stone D.* New Religious Consciousness and personal religious Experience // Sociological Analysis. 1978. Vol. 39, No. 2. P. 123–134. DOI [10.2307/3710212](#).
19. *Beckford J. A.* Some Questions about the Relationship between Scholars and the New Religious Movements // Sociological Analysis. 1983. Vol. 44, No. 3. P. 189–195. DOI [10.2307/3711499](#).
20. *Beckford J. A.* Cults, Controversy and Control: A Comparative Analysis of the Problems Posed by New Religious Movements in the Federal Republic of Germany and France // Sociological Analysis. 1981. Vol. 42, No. 3. P. 249–263. DOI [10.2307/3711037](#).
21. *Aidada A. A.* Social Change, Gender Roles, and New Religious Movements // Sociological Analysis. 1985. Vol. 46, No. 3. P. 287–314. DOI [10.2307/3710695](#).
22. *Robertson R.* Religious Movements and Modern Societies: toward a Progressive Problemshift // Sociological Analysis. 1979. Vol. 40, No. 4. P. 297–314. DOI [10.2307/3709959](#).
23. *Wallis R.* Paradoxes of Freedom and Regulation: the Case of New Religious Movements in Britain and America // Sociological Analysis. 1988. Vol. 48, No. 4. P. 355–371.
24. *Berger A. L.* Hasidism and Moonism: Charisma in the Counterculture // Sociological Analysis. 1980. Vol. 41, No. 4. P. 375–390. DOI [10.2307/3709891](#).
25. *Davil G.* Global Civil Religion: a European Perspective // Sociological Analysis. 2001. Vol. 62, No. 4. P. 455–473. DOI [10.2307/3712436](#).
26. *Johnson B.* On Founders and Followers: Some Factors in the Development of New Religious Movements // Sociological Analysis. 1992. Vol. 53, No. S. P. 1–13. DOI [10.2307/3711247](#).
27. *Campbell B.* A Typology of Cults // Sociological Analysis. 1978. Vol. 39, No. 3. P. 228–240. DOI [10.2307/3710443](#).
28. *Gussner R. E., Berkowitz S. D.* Scholars, Sects and Sanghas: Recruitment to Asian-Based Meditation Groups in North America // Sociological Analysis. 1988. Vol. 49, No. 2. P. 136–170. DOI [10.2307/3711010](#).
29. *Невилл Р.* «Бостонское конфуцианство» – корни восточной культуры на западной почве // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 138–149.
30. *Баркер А.* Новые религиозные движения: практическое введение : Пер. с англ. СПб : Русская христианская гуманитарная академия, 1997. 280 с. ISBN 5-88-812-06-x. EDN [MCHFLG](#).
31. *Балагушкин Е. Г.* Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. М. : ИФ РАН, 1999. 244 с. ISBN 5-201-02012-7.
32. *Гризулевич И. Р.* Пророки «новой истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. М. : Политиздат, 1983. 303 с.
33. *Григорьева Л. И.* Религии «Нового века» и современное государство. Красноярск : СибГТУ, 2002. 399 с. ISBN 5-8173-0113-X. EDN [TVYUMD](#).
34. *Гуревич П. С.* Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М. : Знание, 1985. 64 с.
35. *Забияко А.* Спасут ли нас чужие боги // Перспективы. 1992. № 2. С. 112–118.
36. *Кантеров И. Я.* Новые религиозные движения в России. Религиоведческий анализ. М. : б.и., 2006. 467 с. EDN [QUESWT](#).
37. *Клюев Б. И.* Неорелигиозные движения в современной Индии // Народы Азии и Африки. 1984. № 6. С. 25–34.
38. *Матвеев В.* Преданные Кришны - кто они? // Наука и религия. 1990. № 10. С. 25–28.
39. *Митрохин Л. Н.* Религии «нового века». М. : Сов. Россия, 1985. 157 с.
40. *Ткачева А. А.* Новые религии Востока. М.: Наука, 1991. 137 с. ISBN 5-02-016913-7.

41. Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / Пер. с англ. А. С. Салина. М. : Элементарные формы, 2019. 464 с. ISBN 978-5-95002-44-4-3.

Поступила: 10.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторе:

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН. Пермь, Россия.

svet-ryazanova@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 425585; ORCID: 0000-0001-5387-9387

S. V. Riazanova¹

¹ IHS PFRC UB RAS

Perm, Russia

ON THE RELIGIOUS IDENTIFICATION OF NEW RELIGIOUS COMMUNITIES: INSTRUMENTATION PROBLEM

Abstract. The study is dedicated to the issue of identification of local religious communities that have emerged in recent decades and that seem to be syncretistic. The main research question of the article is how to establish basic identification criteria that could become the basis for compiling a classification or typology. Two strategies for identifying communities are explored: one is based on using a number of external markers, another one relies on self-identification of the bearers of religious consciousness and their internal definitions. The first strategy was chosen as the key one due to being less subjective; the second one was utilized as a means of additional verification. As research objects that can be defined as belonging to the same series, two local communities have been selected that arose at the end of the last century on the territory of the outer Kama region and evolved from Orthodox communities to another type of associations. Methodologically the study is based on the materials resulting from the author's field research (participant observation, expert interviews, semi-structured interviews with former community members and its current leaders, excerpts from the author's personal correspondence with believers), data from journalistic investigations, statutory documents and websites of both organizations in different periods of time. The doctrinal part of the teachings of both groups and lived rituals practiced by them were chosen as primary objects for analysis. The research shows that both communities in question cannot be defined as belonging to the Christian tradition due to the specifics of the dogma, the use of some magical practices, and the presence of elements of secular culture. The specificity of the ideas and rituals of each of the groups demonstrates that classifications and broad definitions are not applicable to associations of their kind. It seems more appropriate not to place these groups into a class of religious associations of a new type (new religious movements), but to define them as new social groups positioned at the junction of religious and non-religious spheres of public life.

Keywords: new religious movements, identification problem, identification criteria, religious communities of the Kama region

For citation: Riazanova S. V. On the religious identification of new religious communities: instrumentation problem. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):75–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.7>

References

1. Riazanova S. V. Secular forms of modern religiosity: the evolution of social myth. *Naučnyj ežegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2011;(11):64–79. (In Russ.).
2. Riazanova S. V. The structure of contemporary religious consciousness: the general and the specific. *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*. 2012;10(3):197–204. (In Russ.).

3. Ryazanova S. V. Myth in its correlation with religious and secular types of worldview. *Naučnyj ežegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2012;(12):123–136. (In Russ.).
4. Ryazanova S. V. Continuum and time in myth. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra UrO RAN*. 2014;(4):37–44. (In Russ.).
5. Smirnov M. Yu. Is it possible to abandon the concept of religiosity in the study of religion? *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2015;16(2):145–153. (In Russ.).
6. Ryazanova S. V. “Popular Theology” in the “God’s family” church: subjects, images, myths. *Technologos*. 2019. № 1. С. 85–100. (In Russ.). DOI [10.15593/perm.kipf/2019.1.07](https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.07).
7. Ryazanova S. V. The closed religious community: the strategy of forming and the principles of functioning. *Sociologičeskaja nauka I social'naja praktika=Sociological science and social practice*. 2020;8(2):86–100. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7306](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7306).
8. Ryazanova S. V. Balances of power in closed religious communities (local case). *Gumanitarnyj vektor=Humanitarian vector*. 2020;15(4):24–32. (In Russ.). DOI [10.21209/1996-7853-2020-15-4-24-32](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-24-32).
9. Ryazanova S. V. Isolated communities as a phenomenon of contemporary religious life. *Vestnik PSTGU. Serija I. Bogoslovie, filosofija, religiovedenie*. 2021;(96):119–135. (In Russ.). DOI [10.15382/stur1202196.119-135](https://doi.org/10.15382/stur1202196.119-135).
10. Ryazanova S. V. Transformation an Orthodox parish: from catechism to patriotism (the case of the intercession commune in Perm). *Koncept: filosofija, religija, kultura=Concept: philosophy, religion, culture*. 2022;6(4):41–54. (In Russ.). DOI [10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54).
11. Mayring Ph. *Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken*. Weinheim und Basel: Beltz Verlag; 1983. 117 p. ISBN 978-3-407-54649-4.
12. Goffman E. *Behavior in Public Places*. New York: Free Press of Glencoe; 1963.
13. Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p. (In Russ.). ISBN 5-93354-017-3.
14. Shorokhova V. A. Religious identity in foreign psychological studies: theoretical models and research methods. *Sotsial'naya psikhologija i obščestvo=Social Psychology and Society*. 2014;5(4):44–61. (In Russ.).
15. Swatos W. H. Jr. Church-Sect and Cult: Bringing Mysticism Back. *Sociological Analysis*. 1981;42(1):17–26. DOI [10.2307/3709699](https://doi.org/10.2307/3709699).
16. Hoge D. R., Smith E. L. Normative and Non-Normative Religious Experience Among High School Youth. *Sociological Analysis*. 1982;43(1):69–82. DOI [10.2307/3711419](https://doi.org/10.2307/3711419).
17. Robbins T., Anthony D., Richardson J. Theory and Research of Today’s “New Religions”. *Sociological Analysis*. 1978;39(2):95–122. DOI [10.2307/3710211](https://doi.org/10.2307/3710211).
18. Stone D. New Religious Consciousness and personal religious Experience. *Sociological Analysis*. 1978. Vol. 39, No. 2. P. 123–134. DOI [10.2307/3710212](https://doi.org/10.2307/3710212).
19. Beckford J. A. Some Questions about the Relationship between Scholars and the New Religious Movements. *Sociological Analysis*. 1983;44(3):189–195. DOI [10.2307/3711499](https://doi.org/10.2307/3711499).
20. Beckford J. A. Cults, Controversy and Control: A Comparative Analysis of the Problems Posed by New Religious Movements in the Federal Republic of Germany and France. *Sociological Analysis*. 1981;42(3):249–263. DOI [10.2307/3711037](https://doi.org/10.2307/3711037).
21. Aidada A. A. Social Change, Gender Roles, and New Religious Movements. *Sociological Analysis*. 1985;46(3):287–314. DOI [10.2307/3710695](https://doi.org/10.2307/3710695).
22. Robertson R. Religious Movements and Modern Societies: toward a Progressive Problem-shift. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):297–314. DOI [10.2307/3709959](https://doi.org/10.2307/3709959).
23. Wallis R. Paradoxes of Freedom and Regulation: the Case of New Religious Movements in Britain and America. *Sociological Analysis*. 1988;48(4):355–371.
24. Berger A. L. Hasidism and Moonism: Charisma in the Counterculture. *Sociological Analysis*. 1980;41(4):375–390. DOI [10.2307/3709891](https://doi.org/10.2307/3709891).
25. Davil G. Global Civil Religion: a European Perspective. *Sociological Analysis*. 2001;62(4):455–473. DOI [10.2307/3712436](https://doi.org/10.2307/3712436).
26. Johnson B. On Founders and Followers: Some Factors in the Development of New Religious Movements. *Sociological Analysis*. 1992;53(S):1–13. DOI [10.2307/3711247](https://doi.org/10.2307/3711247).
27. Campbell B. A Typology of Cults. *Sociological Analysis*. 1978;39(3):228–240. DOI [10.2307/3710443](https://doi.org/10.2307/3710443).
28. Gussner R. E., Berkowitz S. D. Scholars, Sects and Sanghas: Recruitment to Asian-Based Meditation Groups in North America. *Sociological Analysis*. 1988;49(2):136–170. DOI [10.2307/3711010](https://doi.org/10.2307/3711010).
29. Neville R. “Boston Confucianism” - the roots of Eastern culture on Western soil. *Problemy Dal'nego Vostoka=Far eastern studies*. 1995;(1):138–149. (In Russ.).

30. Barker A. V. New religious movements: A practical introduction. St. Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya; 1997. 282 p. (In Russ.). ISBN 5-88-812-06-x.
31. Balagushkin E. G. Non-traditional religions in modern Russia. Morphological analysis. Moscow: IF RAN, 1999. 244 p. (In Russ.). ISBN 5-201-02012-7.
32. Grigulevich I. R. Prophets of the “new truth”: essays on cults and superstitions of the modern capitalist world. Moscow: Politizdat; 1983. 303 p. (In Russ.).
33. Grigoryeva L. I. New Age Religions and the Modern State. Krasnoyarsk: SibGTU; 2002. 399 p. (In Russ.). ISBN 5-8173-0113-X.
34. Gurevich P. S. Non-traditional religions in the West and Eastern religious cults. Moscow: Znanie; 1985. 64 p. (In Russ.).
35. Zabayako A. Will alien gods save us. *Perspektivy*. 1992;(2):112–118. (In Russ.).
36. Kanterov I. Ya. New religious movements in Russia. Religious Analysis. Moscow: b.i.; 2006. 467 p. (In Russ.).
37. Klyuev B. I. Neo-religious movements in modern India. *Narody Azii i Afriki=Peoples of Asia and Africa*. 1984;(6):25–34. (In Russ.).
38. Matveev V. Devotees of Krishna - who are they? *Nauka i religiya*. 1990;(10):25–28. (In Russ.).
39. Mitrokhin L. N. Religions of the “new age”. Moscow: Sov. Rossiya; 1985. 157 p. (In Russ.).
40. Tkacheva A. A. New religions of the East. Moscow: Nauka; 1991. 137 p. (In Russ.). ISBN 5-02-016913-7.
41. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates Garden City. Moscow: Elementary forms; 2019. 464 p. (In Russ.). ISBN 978-5-95002-44-4-3.

Received: 10.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the author:

Svetlana V. Riazanova, Doctor of Philosophy, Assistant professor, Leading researcher, Institute of Humanitarian Studies of Perm Federal Research Center of the Ural branch of RAS. Perm, Russia.

svet-ryazanova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5387-9387

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.8)
EDN [GEULXR](https://edn.geulxr.org/)
УДК 316.422; 2-63

О. А. Богатова¹, С. В. Голованов¹
¹ МГУ им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БЛОГЕРОВ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье, основанной на данных онлайн-наблюдений, в концептуальной рамке теорий секуляризации, постсекулярного общества и медиатизации религии, анализируется деятельность православных блогеров в современном российском обществе. Авторы выделяют основные направления деятельности православных блогеров, конкретизируют формы их взаимодействия с официальными конфессиональными средствами массовой информации, оценивают влияние пандемии COVID-19 на информационную политику Русской православной церкви. После пандемии COVID-19 происходит либерализация информационной политики и снятие ограничений с онлайн деятельности инициативного православного духовенства, ищущего новые подходы к внешней и внутренней миссии православия. По итогам наблюдений выделяются два основных направления православного блогинга: катехизационно-просветительское и направленное на формирование общественного мнения в кругах православного духовенства и утверждение ценности социальной солидарности. В первом случае модернизация социальных практик духовенства выражается в приобщении аудитории «новых медиа» к религии и воспитательном воздействии на неё помимо обычных образцов двустороннего взаимодействия, во втором – в повышении авторитета священнослужителей-блогеров в качестве медийных персон и появлении возможности использовать околицерковные сайты для неформального общественного контроля за деятельностью церковного руководства. В результате деятельности активных священников-блогеров, вокруг приходов, – иерархических по своей сути организаций, – возникает сетевая среда из помощников, волонтеров и консультантов (IT-специалистов, психологов, юристов и т.п.).

Ключевые слова: постсекуляризм, медиатизация религии, модернизация, православные медиа-практики, сетевая журналистика, социальные сети, цифровое православие

Для цитирования: Богатова О. А., Голованов С. В. Деятельность православных блогеров как фактор модернизации православных религиозных организаций // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 91–102. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.8). EDN [GEULXR](https://edn.geulxr.org/)

Введение. Статья посвящена проблеме трансформационных функций православного блогинга как фактора модернизации религии в контексте процесса реинституционализации православного христианства в современном российском обществе. Предметом исследования является медиатизация современного российского православия в форме православного блогинга, объектом – российское интернет-пространство. Цель статьи заключается в выявлении основных стратегий деятельности популярных православных блогеров в рамках цифровой трансформации православных сообществ, задачи – в конкретизации основных направлений деятельности православных блогеров, конкретизации

форм их взаимодействия с официальными конфессиональными средствами массовой информации, оценке влияния пандемии COVID-19 на информационную политику Русской православной церкви.

Обзор литературы. Социальные практики современных конфессиональных акторов рассматриваются в социальных науках в методологических рамках теорий секуляризации и постсекулярного общества. Секулярное общество характеризуется приватизацией религии, утратой религией своих доминирующих мировоззренческих позиций и религиозным плюрализмом [1, с. 3].

Ю. Хабермас, концептуализируя понятие постсекулярного общества, относит его к изменению нормативных установок общества, которое признаёт право религиозных сообществ артикулировать свою позицию по социальным проблемам в ситуации продолжающейся секуляризации [2, с. 120]. С его точки зрения, условием успешной реализации постсекулярного проекта является консенсус религиозных и светских партнёров по поводу демократических ценностей. Как полагает Л. А. Андреева, можно говорить о постсекулярном обществе только «в хабермасовском смысле» – как о продолжении секулярного общества, преодолевающим его ограниченность в аспекте «ухода от дискриминации религиозных меньшинств и поиска межрелигиозного диалога, а также диалога на уровне светское – духовное» [3, с. 87–88]. К. Калхун, Дж. Ролз и Ч. Тейлор считают показателем доминирования принципов светскости в современном обществе то, что религиозные организации вынуждены формулировать свои общественно-политические требования в терминах светской идеологии для того, чтобы придать им убедительность и быть услышанными. Такая эпистемическая установка не предусматривает, как указывает Ч. Тейлор, подлинного равенства «секулярного» и «религиозного» разума [4, р. 78].

А. Поссамай характеризует постсекуляризм в качестве нелиберального «постатеистического» концепта, анализируя его в контексте глобальных социальных и культурных изменений, превращающих религию в средство удовлетворения духовных потребностей атомизированного «нелиберального индивида» в максимизации социального капитала через смену конфессиональной принадлежности, психологической поддержке и исцелении психологических травм, а также специфических формах развлечения [5, р. 78]. Цифровая трансформация религии в глобализирующемся обществе, аналогичная трансформации других социальных институтов и общества в целом в направлении рационализации и индивидуализации, с точки зрения исследователя, в наибольшей степени отвечает этим потребностям [5, р. 131]. Д. Эрвье-Леже относит к последствиям индивидуализации религии «номадическую» религиозность, позволяющую индивидам свободно конструировать собственные религиозные убеждения и идентичность, пересекая границы религиозных сообществ, и «расширение ассортимента смыслов и символов, доступных для индивидов вне специальных кодов доступа» [6, с. 263].

Медиатизация религии рассматривается современными религиоведами в качестве составной части процессов секуляризации и адаптации религии к условиям (пост)секулярного общества. Сущность медиатизации религии, характеризуемой Е. А. Островской в качестве «исторически контекстуального процесса социокультурного закрепления её медиакommunikаций» [7, с. 309], заключается в изменении способов публичной репрезентации религии и интерпретации религиозных символов и нарративов в средствах массовой информации, создающем зависимость религиозной коммуникации от масс медиа, включая цифровые.

В исследованиях цифровизации религиозности описывается феномен «киберрелигии», включающий широкий круг социальных практик, в том числе информирование о религиозной жизни сообщества, проведение религиозных ритуалов онлайн, проповедническая и просветительская деятельность религиозных конфессий, наконец, создание виртуальных «киберцерквей» [8, с. 101]. Различают «религии онлайн» как форму самовыражения традиционных религий и религиозные сообщества, и «онлайн-религии», существующие только в цифровом пространстве [9, р. 152]. Как отмечает Х. Кемпбелл, «онлайн-религия» даёт своим последователям дополнительные возможности создания новых ритуалов и «обхода» традиционных систем религиозной власти и признанных «привратников», регулирующих доступ к религиозным сообществам, поскольку Интернет позволяет религиозным пользователям выходить за обычные пространственные, временные и корпоративные границы [10, р. 4].

Исследуя медиатизированную религию, С. Хьярвард констатирует «взаимосвязь двух общих социальных процессов – медиатизации и секуляризации», видя её сущность в том, что «медиатизация религии меняет репрезентации религии в обществе позднего модерна, в то время как секуляризация приводит к упадку и/или трансформации религиозных организаций, практик и верований» [11, с. 44]. Медиатизация и дигитализация религии составляют взаимосвязанные аспекты трансформации религии в условиях позднего модерна. Хьярвард выделяет три основных направления взаимного влияния религии и медиакоммуникаций: медиа как проводники религиозной информации и религиозного опыта, медиа как языки коммуникаций, «форматирующие» религиозные идеи, символы и эмоции применительно к культурным потребностям современного человека, и медиа как коммуникативная среда, которая присвоила «множество социальных функций, которые раньше выполняла церковь, и теперь осуществляет их преимущественно в рамках секулярных дискурсов» [11, с. 51].

Как отмечает А. Штеле, процесс медиатизации, увеличивающий степень «видимости» религии в публичной сфере и одновременно облегчающий альтернативные интерпретации и прямую критику организованных религий, следует анализировать во взаимосвязи с религиозными изменениями. Другим аспектом этого процесса, нуждающимся в изучении, является интеграция религиозных цифровых медиа в социальные, культурные и политические контексты современного общества, влияющие на их деятельность [12, р. 4].

Распространение цифровых технологий в средствах массовой информации бросило модернизационный вызов религиозным сообществам, в первую очередь структурам Русской Православной церкви (РПЦ МП), являющейся самой крупной религиозной организацией в нашей стране. Согласно теории медиатизации: «современные медиа – это продукт капитализма и процесса модернизации, и они, транслируя секулярные ценности, вытесняют религии из публичной сферы» [13, с. 287].

Стремительный рост православного сегмента Интернета привлек внимание отечественных учёных сравнительно недавно. В числе исследований, посвящённых социологическому анализу процессов медиатизации коммуникаций Русской православной церкви, формирования православного сегмента Интернета, динамике структуры и функций православных социальных медиа, следует отметить работы О. А. Богдановой [13], Е. И. Гришаевой [14; 15], К. В. Лученко [16], Е. А. Островской [7; 17; 18], А. Штеле [12; 19]. Обращают на себя внимание исследование цифровизации православного наследия консервативными электронными СМИ [13], обзор применения сетевых технологий в приходской среде [15; 16], изучение медиатизации пастырской

деятельности православных приходских религиозных организаций [18] и выявление особенностей просветительской деятельности православных священников через блоги [17].

По мнению упомянутых исследователей, в России имеются благоприятные условия для «форматирования» религии в цифровых медиа, так как, по характеристике М. Ю. Смирнова, «мировоззренческая культура современного российского общества аккумулирует в себе не только исторически накопленную память о конфессиональном благочестии, но и устойчивые умонастроения религиозного разномыслия, так называемое народное богоискание, а также опыт форсированной секуляризации всех сторон жизни в советское время» [20, с. 126]. А. Штеле констатирует, что в России большинство населения, остающееся невоцерковленным, получает первичную информацию о религии, включая православное христианство, именно из средств массовой информации, а не с церковного амвона. Таким образом, именно массовые коммуникации играют основную роль в формировании публичного образа церкви и производстве знания о религиозном, а процесс цифровизации усиливает их значимость. Как заключает исследовательница, «медиатизированное православие» не только вынужденно конкурирует с нерелигиозными или атеистическими мировоззренческими акторами, но и не характеризуется внутренним идеологическим единством, не полностью контролируется церковным руководством и не может быть сведено к официальной позиции Русской православной церкви [12, р. 203].

Е. А. Островская в рамках концепции постсекулярного общества рассматривает процесс медиатизации православия в качестве «неотъемлемой составляющей процесса реинституционализации православия, стартовавшего в конце 1980-х годов» [7, с. 315] и формы «выхода российского православия на публичные социальные арены» [7, с. 310]. Характеризуя официальную православную инфраструктуру интернет-коммуникаций в целом как инструмент воспроизводства традиционной консервативной организационной идентичности русского православия, она в то же время полагает, что «медиакоммуникации в интернете и прежде всего православный священнический видеоблогинг, не поддающиеся централизации и организации по принципу иерархического соподчинения» [7, с. 316], способствуют повышению его рефлексивности и трансформации конфессиональных взаимодействий и практик.

Таким образом, медиатизация православных коммуникаций в современном российском обществе и, в частности, использование «новых медиа», рассматриваются религиоведами в качестве аспекта реинституционализации религии в постсекулярном обществе, включающего частичную трансформацию её функций и социальных практик. В дальнейшем мы попытаемся охарактеризовать деятельность православных блогеров в контексте этих тенденций.

Материалы и методы. Исследование деятельности православных блогеров относится к предметному полю «цифровой социологии религии» [17, с. 46]. Концептуальной рамкой исследования послужили социологические теории секуляризации, реинституционализации религии в контексте постсекулярного общества и медиатизации религии, основным методом – онлайн-наблюдение (киберполевое наблюдение или цифровая этнография) [7, с. 17] деятельности православных блогеров в различных сетевых сообществах, видеоблогах и телеграм-каналах.

Результаты исследования. В переживаемую нами постсекулярную эпоху существовавшие ранее границы между религиозными и нерелигиозными сре-

дами стираются, религия становится не только деятельным и полноправным участником социальных процессов, но и в значительной степени теряет свою монополию на производство религиозных практик и сакральных смыслов. Характерной чертой объекта исследования является его цифровой формат и энергичное разноплановое развитие.

С развитием информационно-коммуникативных возможностей сети Интернет наряду с журналистами, работающими в религиозных СМИ, распространением православного вероучения занимаются блогеры (как правило, священнослужители), ведущие собственные веб-сайты религиозной тематики. Для своих подписчиков блогеры являются знатоками и экспертами в религиозных вопросах. Православный блогер, в отличие от штатного церковного журналиста, не выполняет редакционного задания на основе ресурсов церковного СМИ, а действует по собственной инициативе, опираясь на приобретённые знания и навыки.

Идейным предшественником православных блогеров был священник Тверской епархии И. С. Беллюстин [21], который, кроме просветительской деятельности через официальные православные издания, прошедшие духовную цензуру, писал сочинения на актуальные темы церковной жизни и распространял их в рукописях. Он предоставил взгляд на церковь как на организацию не с официальной («сверху») стороны, а со стороны включённого наблюдателя («снизу»), отстаивая достоинство личности священнослужителя и свободу выражения общественного мнения. Из его книги «Описание сельского духовенства» можно узнать о множестве архаичных практик в церкви и случаях злоупотреблений церковной властью в середине XIX в.

В 1990-е годы в новой России происходит возрождение религиозной жизни, в котором религиоведы видят характерный кейс (пост)секуляризации. За время правления патриарха Кирилла численность среднего духовенства почти достигла дореволюционного уровня, а число высшего духовенства (епископата) превысило этот уровень в три раза. В настоящее время РПЦ обладает хорошо разработанными подходами к информационной политике и ищет современный язык для коммуникации с обществом, но в целом, как полагает А. Штеле, «взгляд церковного руководства на информационное поле остаётся архаичным и традиционным» [19].

Партнёрские отношения между РПЦ, государственными учреждениями и бизнес-структурами позволило православным сообществам вписаться новую информационную революцию, вызванную развитием цифровых технологий. В 1994 г., после регистрации домена RU и возникновения русского сегмента Интернета официальные православные учреждения открыли свои веб-страницы, а православные радиостанции и телевизионные каналы «Спас», «Союз», «Царьград», «Радонеж» и др. расширили вещание через Интернет. Появились православные сайты «Православие.ру», «Предание.ру», «Азбука.ру», «Правмир.ру» и т.д., поставившие задачу цифровизации всего имеющегося православного наследия. Все это выглядит характерным примером парадигмы «религии онлайн».

Русская Православная церковь в настоящее время структурно восстановилась в дореволюционном формате. Её вероучение заключено в рамку конфессионального подхода, в котором духовный мир воспринимается разделённым на враждебные религиозные течения (конфессии), где каждая конфессия ведёт с другими информационную войну. Возможны временные союзы, но следует находиться в строго очерченных конфессиональных границах и следовать общей информационной повестке. Официальные электронные православные СМИ транслируют догматические нарративы в рамках канонической миссии, используя режим монолога, изредка прибегая к диалогу и обратной связи в виде ответов на вопросы. Структура транслируемых нарративов происходит из доцифровой

эпохи, что, естественно, может привлечь лишь консервативную аудиторию преимущественно практикующих православных мирян. Информационная повестка официальных православных электронных СМИ строится методом проекции структуры религиозного института на медиадискурс, поэтому главными медийными личностями выступают священнослужителями, например, предстоятель РПЦ патриарх Кирилл, имеющий богатый медийный опыт.

Во внешней миссионерской деятельности (привлечение новых прихожан) для трансляции православных нарративов, конфликтующих с современным миром, возникла потребность в создании «дружественного интерфейса». В этом поле большую аудиторию собрали православные блогеры, свободные в творческом поиске новых форм, а не официальные богословы и церковные журналисты, ограниченные жёсткими рамками догматических установок и редакционной политики. В отличие от официальных церковных СМИ, учреждённых в качестве юридических лиц, т.е. де-юре бессмертных, каналы большинства православных блогеров отличаются динамичностью и нестабильностью. Это объясняется ограниченным жизненным циклом цифровой платформы и биографическими обстоятельствами авторов. За последние двадцать лет, следуя общей медийной тенденции упрощения контента, в сегменте православного сегмента Интернета происходил плавный переход от больших текстовых блогов к цифровой графике и видеоконтенту: от Живого Журнала (ЖЖ) через Facebook¹ и ВКонтакте к YouTube, Instagram², TikTok.

За последние 5 лет рейтинги православных блогеров указывали в качестве лидеров мнений как представителей московского и петербургского духовенства (протоиерея Андрея Кураева, протоиерея Дмитрия Смирнова, протоиерея Андрея Ткачева, священника Константина Пархоменко, игумена Петра Мещеринова), так и провинциальных священников (Святослава Шевченко из Благовещенска, Владимира Панарина из Челябинска, Альвиана Тхелидзе из Астраханской области, Александра Митрофанова из Республики Коми). Среди зарубежных православных видеоблогеров заметны протоиереи Александр Проченко и Вячеслав Рубский из Украины, архимандрит Савва (Мажуко) и священник Александра Кухта из Беларуси. Из монахинь наиболее известны в православном Интернете Мария (Литвинова) и Елисавета (Сенчукова).

Характерным случаем является длительная миссионерская деятельность в СМИ Андрея Кураева, начинавшего церковную карьеру в центральном аппарате РПЦ МП. Он применил концептуальный аппарат советских общественных наук к описанию православного вероучения. Сущность его подхода заключается в отстаивании неизменности православной догматики, литургики и архаичных внутрицерковных практик с помощью креативной интерпретации. Кураев был одним из первых промоутеров развития диалоговой формы общения на церковных платформах. В 1998 г. он основал сайт «Кураев.ру», существовавшей до 2016 г. в виде дискуссионной площадки православного интернета. Слабая модерация контента стала причиной критики со стороны православных консерваторов, что привело к конфликту автора сайта с церковным руководством. В своей миссионерской деятельности Кураев последовательно осваивал развивающиеся цифровые платформы и сегменты аудитории. От создания позитивного образа современного православия на платформе Живого Журнала он перешёл к деконструкции православного предания и критике кадровой политики РПЦ, что привело его в сегмент православных диссидентов.

¹ Социальная сеть Facebook в России признана экстремистской и запрещена.

² Социальная сеть Instagram в России признана экстремистской и запрещена.

Развитие технологий и возросшая доступность в создании онлайн-контента способствовало увеличению священников-блогеров, которые записывали и загружали в сеть видеоролики своих проповедей, а затем перешли к сетевому вещанию и ответу на вопросы подписчиков. Механизмы монетизации контента позволяли приобретать современное оборудование, привлекать к сотрудничеству специалистов в области масс-медиа и повышать качество контента. Подавляющее большинство таких роликов банально и строится по трёхчастной схеме: 1) фрагмент Священного Писания; 2) толкование святых отцов; 3) моральный вывод.

На раннем этапе среди духовенства отмечалась боязнь Интернета, где нет никаких ограничений («всё дозволено»). В правление патриарха Кирилла РПЦ МП разработала стратегию в области информационной политики, требовавшую надзора местного епископа за медийной деятельностью подчинённого духовенства на территории епархии. Поэтому личные страницы священнослужителей, даже если они выступали под псевдонимами (nickname), стали объектами епархиальной цензуры. Наиболее известный случай произошёл с протоиереем Владимиром Головиным из Казанской митрополии, занимавшегося активной религиозной деятельностью через сайт «Молитва по соглашению.рф», являющегося характерным примером «онлайн-религии». Вокруг его прихода в городе Болгаре возникла сетевая структура из помощников, консультантов и последователей. Нетривиальные проповеди онлайн и подозрения в высокой монетизации его сайта привлекли внимание православных консерваторов, усмотревших злоупотребление в практике «коллективной молитвы по соглашению с Болгаром» и добившихся запрета деятельности Головина в 2019 г.

Начавшаяся в 2020 году пандемия COVID-19 привела к изменениям в дисциплине таинств, форсированию трансляций богослужений через Интернет, способствовавшей, по оценкам К. В. Лученко, «массовому переносу церковных практик, в том числе богослужебных, в цифровое пространство, возникновению разнообразных гибридных форм, новому уровню вовлеченности, погружения» верующих, повышению интерактивности конфессиональных практик [16, с. 42]. Этот процесс способствовал либерализации церковной информационной политики.

Возник так называемый «канонический офшор» для информационной деятельности православных священников-блогеров, а цензура личных страниц была приостановлена. Сегмент православного блогинга стал привлекателен для священников, выходящих за рамки официального церковного нарратива для ретрансляции собственной версии православия.

Наибольшего успеха на волне либерализации достиг ученик Андрея Кураева протоирей Павел Островский, настоятель храма Св. Георгия в подмосковном Нахабино. В 2021 г. он запустил на своих каналах на YouTube несколько циклов актуальных программ, не имевших аналогов в православном Интернете: «Помолчим», «Есть разговор» и «Несерьёзно». Его деятельность является характерным примером медиатизации религии, когда религиозная организация приобретает черты СМИ.

Как отмечает Е. А. Островская, «одним из прямых следствий медиатизации практик катехизации и миссионерства является продвижение нового образа священника и новой версии взаимодействия священник – мирянин. Не ограниченные консервативными рамками офлайн прихода и храма, священники-блогеры имеют возможность сформировать собственную аудиторию, – обратиться к определённому поколению, выбрать стиль и контент проповеди или свидетельства веры» [18, с. 44].

Взаимодействие православных блогеров с официальными церковными СМИ строится по двум моделям. В одном случае известный священнослужитель и/или богослов раскручивается на официальной платформе, например в цикле передач на канале «Спас», а затем открывает видеоблог в авторском формате (протоиереи Дмитрий Смирнов, Андрей Ткачев, Павел Островский). Во втором случае популярный блогер, создавший собственный канал, приглашается на официальную платформу епархиального или патриархийного уровня (игумен Савва (Мажуко) из Гомеля). При этом случаются эксцессы, как в случае с каналом «Киберпоп ТВ», созданным священником Андреем Федосовым из Самарской области. За многие годы вещания через Интернет ему удалось выработать собственный стиль в проповеди внешней миссии православия. Он обратил на себя внимание спонсора медиаресурса епархиального уровня и получил от него предложение перейти на профессиональную платформу и встроиться в новую информационную повестку. Отказ от предложения спровоцировал конфликт с епископом. Автор блога снял документальный сериал об истории своего ухода из церковной организации. С помощью сообщества помощников и консультантов, сформировавшейся вокруг канала «Киберпоп ТВ», Федосову удалось получить профессиональное психологическое образование, начать практику психолога в Петербурге, рекламируя свой священнический опыт, и переформатировать миссионерский канал «Киберпоп ТВ» в канал практической психологии «Все понятно».

Новый технический скачок в развитии Интернета создал условия для создания открытого высшего православного богословского образования, начало которому положили популярные лекции по богословию проф. А. И. Осипова на канале «Спас», а затем через собственный блог. Его дело продолжил протоиерей Одесско-Измайловской епархии УПЦ МП Вячеслав Рубский, старший преподаватель кафедры практической психологии Одесского морского университета. Его духовный путь начался с поиска методов защиты православия от протестантского прозелитизма. В ходе разработки собственных подходов к миссиологии он последовательно получил высшее богословское, философское и психологическое образование, выражая свою точку зрения в блоге «Живого журнала», что привело к конфликту с руководством епархии в 2020 г. После преодоления разногласий с духовной властью Рубский выработал формат онлайн-деятельности в качестве собственного семинара без церковной авторизации. Он предлагает на платных и бесплатных онлайн-каналах лекции по актуальным проблемам философии, психологии и богословия, ответы на вопросы через мессенджеры и доступ к современным текстам по гуманитарным наукам. В настоящий момент по профессиональному подходу, широте охвата и глубине раскрытия актуальных тем он является одним из интеллектуальных лидеров православного Интернета.

Кроме просветительских проектов, направленных на внутреннюю и внешнюю миссию, в Интернете существует сегмент православных диссидентов, которые в духе Иоанна Беллюстина создают механизмы информационного контроля за деятельностью церковной элиты. Авторы таких страниц, как правило, сами столкнулись с произволом внутри православной организации и занялись сбором информации об аналогичных ситуациях, чтобы вынести на суд общественного мнения злоупотребления в закрытой церковной среде.

Иеромонах Валентин (Соломаха) в середине 1990-х гг. ушёл из Петербургской митрополии РПЦ из-за конфликта с руководством. В 2017 г. петербургский журнал «Город 812» включил его в десятку наиболее влиятельных людей Петербургской епархии на том основании, что «его блог, в котором он собирает все сплетни о церковной жизни, читают все, включая высшее

руководство епархии и патриархии. Таким образом, отец Валентин становится главным властителем местных священнических дум»³.

В настоящее время его личная страница под никнеймом *Kalakazo* существует в виде агрегатора православных новостей, занимает девятнадцатое место в рейтинге Северного региона «Живого журнала» и, по словам автора, имеет высокий уровень монетизации. На странице собран биографический указатель православных священнослужителей, что является большим вкладом в исследовании современной кадровой политики РПЦ. Главным достижением сайта является жанр открытых писем духовенства епархии к руководству Московской Патриархии, после публикации которых пять епископов были сняты со своих кафедр. Бывший клирик Волгоградской епархии Алексей Плужников создал сайт «Ахилла», на котором публикует аналитические материалы о внутренней политике РПЦ. Недавно к сегменту православных диссидентов присоединился Андрей Кураев после лишения его сана за критику внутренней политики РПЦ.

Заключение. Таким образом, можно выделить два основных направления деятельности православных блогеров: 1) катехизационно-просветительское; 2) формирование общественного мнения в кругах православного духовенства и утверждение ценности социальной солидарности. В первом случае модернизация социальных практик духовенства выражается в приобщении аудитории «новых медиа» к религии и воспитательном воздействии на неё помимо обычных образцов двустороннего взаимодействия, во втором – в повышении авторитета священнослужителей-блогеров в качестве медийных персон и появлении возможности использовать околоцерковные сайты для неформального общественного контроля за деятельностью церковного руководства. В результате деятельности активных священников-блогеров, вокруг приходов, иерархических по своей сути организаций, возникает сетевая среда из помощников, волонтеров и консультантов (IT-специалистов, психологов, юристов и т.п.).

Библиографический список

1. *Тейлор Ч.* Секулярный век / Пер. с англ. А. Васильев, Л. Колкер, А. Лукьянов. М. : ББИ, 2017. 967 с. ISBN 978-5-89647-307-7.
2. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. М. : Весь Мир, 2002. 144 с. ISBN 5-7777-0171-X. EDN *SGUYVP*.
3. *Андреева Л. А., Андреева Л. К.* Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. 2015. № 3(371). С. 82–88. EDN *TQASLZ*.
4. *Rethinking Secularism* / Ed. by C. Calhoun, M. Juergensmeyer, J. Van Antwerpen. New York : Oxford University Press, 2011. 311 p. ISBN 978-0-19-979667-0.
5. *Possamai A.* The i-zation of society, religion, and neoliberal post-secularism. Singapore : Palgrave Macmillan, 2018. 244 p. ISBN 978-981-10-5942-1. DOI [10.1007/978-981-10-5942-1](https://doi.org/10.1007/978-981-10-5942-1).
6. *Эрвье-Леже Д.* В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33, № 1. С. 254–268. EDN *UIXFLH*.
7. *Островская Е. А.* Медиатизация православия – это возможно? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 300–319. DOI [10.14515/monitoring.2019.5.14](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.14). EDN *DCPBKY*.
8. *Головиёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С.* Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб : МАЭ РАН, 2021. 280 с. ISBN 978-5-88431-391-0. EDN *NVRTMZ*.

³ Мухин А. Самые влиятельные люди в петербургской епархии –2017 // Город 812. Петербургский журнал. Мысли о городе и мире: [сайт]. 19.12.2017. URL: <https://gorod-812.ru/samyie-vliyatelnyie-lyudi-v-peterburgskoy-eparhii-2017> (дата обращения: 10.05.2023).

9. Religion in the Age of Digitalization. From New Media to Spiritual Machines / Ed. by G. Isetti, E. Innerhofer, H. Pechlaner [et al.]. London : Routledge, 2021. 196 p. ISBN 978-0-367-80922-5. DOI [10.4324/9780367809225](https://doi.org/10.4324/9780367809225).
10. *Campbell H., Bellar W.* Digital Religion. The basics. London : Routledge, 2023. 178 p. ISBN 978-1003058465. DOI [10.4324/9781003058465](https://doi.org/10.4324/9781003058465).
11. *Хьярвард С.* Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 41–75. DOI [10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75). EDN [OZPVHJ](https://www.edn.ru/0ZPVHJ).
12. *Stähle H.* Russian Church in the Digital Era. Mediatization of Orthodoxy. London : Routledge, 2022. 224 p. ISBN 978-0-367-81438-0. DOI [10.4324/9780367814380](https://doi.org/10.4324/9780367814380). EDN [BXCJAF](https://www.edn.ru/BXCJAF).
13. *Богданова О. А.* Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 207–234. DOI [10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234). EDN [TDWVOK](https://www.edn.ru/TDWVOK).
14. *Гришаева Е. И., Шумкова В. А.* Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2(144). С. 291–308. DOI [10.14515/monitoring.2018.2.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.17). EDN [UPSFDS](https://www.edn.ru/UPSFDS).
15. *Гришаева Е. И., Бусыгин А. Г.* Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 3–15. DOI [10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1). EDN [GGGBAH](https://www.edn.ru/GGGBAH).
16. *Лученко К. В.* Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 1. С. 39–57. DOI [10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57). EDN [PMXHUB](https://www.edn.ru/PMXHUB).
17. *Островская Е. А.* Интернет-медиатизация исповеди в среде православных сетевых vk.com сообществ // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 3. С. 45–58. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6). EDN [YTRDRZ](https://www.edn.ru/YTRDRZ).
18. *Островская Е. А.* Миссия выполняема: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 1(17). С. 44–59. DOI [10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59). EDN [NECHAJ](https://www.edn.ru/NECHAJ).
19. *Штеле А.* В поисках нового языка: медийная стратегия патриарха Кирилла // Московский Центр Карнеги: [сайт]. 16.05.2017. URL: <https://carnegiemoscow.org/2017/05/16/ru-pub-69951> (дата обращения: 15.05.2023).
20. *Смирнов М. Ю.* Новые форматы религии в публичном пространстве современного российского общества // Технологос. 2020. № 1. С. 124–132. DOI [10.15593/perm.kipf/2020.1.11](https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.1.11). EDN [ALULDQ](https://www.edn.ru/ALULDQ).
21. *Федоров В. А.* Белюстин // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2002. Т. 4. С. 530–532.

Поступила: 15.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторах:

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет. Саранск, Россия.

bogatovaoa@gmail.com

Author ID РИНЦ: [162949](https://elibrary.ru/162949);

ORCID: [0000-0001-5877-7910](https://orcid.org/0000-0001-5877-7910)

Голованов Сергей Владимирович, научный редактор, редакция научных журналов Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Саранск, Россия.

golovanov.archiv@gmail.com

Author ID РИНЦ: [1007743](https://elibrary.ru/1007743)

O. A. Bogatova¹, S. V. Golovanov¹

¹ MRSU

Saransk, Russia

THE ACTIVITY OF ORTHODOX BLOGGERS AS THE FACTOR OF THE ORTHODOX RELIGIOUS ORGANIZATIONS MODERNIZATION

Abstract. The article, based on online observation data, analyzes the activities of Orthodox bloggers in modern Russian society in the conceptual framework of the theories of secularization, post-secular society and the mediatization of religion. The authors identify the main areas of activity of Orthodox bloggers, specify the forms of their interaction with official confessional mass media, assess the impact of the COVID-19 pandemic on the information policy of the Russian Orthodox Church. After the COVID-19 pandemic, information policy is being liberalized and restrictions are being lifted from the online activities of proactive Orthodox clergy looking for new approaches to the external and internal mission of Orthodoxy. There are two main directions of Orthodox blogging: catechetical and educational; the formation of public opinion in the circles of the Orthodox clergy and the affirmation of the value of social solidarity. In the first case, the modernization of the social practices of the clergy is expressed in introducing the audience of “new media” to religion and educational influence on it, in addition to the usual examples of bilateral interaction, in the second — in increasing the authority of the clergy-bloggers as media personalities and the opportunity to use near-church sites for informal public control over the activities of the church leadership. As a result of the activity of active blogger priests, a network environment of assistants, volunteers and consultants (IT specialists, psychologists, lawyers, etc.) arises around parishes, hierarchical organizations in their essence.

Keywords: post-secularism, mediatization of religions, modernization, Orthodox media practices, network journalism, social networks, digital Orthodoxy

For citation: Bogatova O. A., Golovanov S. V. The activity of Orthodox bloggers as the factor of the Orthodox religious organizations modernization. *Science. Culture. Society.* 2023;29(2):91–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.8>

References

1. Taylor Ch. A secular age. Moscow: BBI; 2017. 967 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89647-307-7.
2. Habermas J. Die Zukunft der menschlichen Natur. Moscow: Ves' Mir; 2002. 144 p. (In Russ.). ISBN 5-7777-0171-X.
3. Andreeva L. A., Andreeva L. K. Secular or post-secular world: verifying conceptions. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies.* 2015;(3):82–88. (In Russ.).
4. Calhoun C., Juergensmeyer M., van Antwerpen J., eds. Rethinking Secularism. New York: Oxford University Press; 2011. 311 p. ISBN 978-0-19-979667-0.
5. Possamai A. The i-zation of society, religion, and neoliberal post-secularism. Singapore: Palgrave Macmillan; 2018. 244 p. ISBN 978-981-10-5942-1. DOI [10.1007/978-981-10-5942-1](https://doi.org/10.1007/978-981-10-5942-1).
6. Hervieu-Leger D. In search of certainties: the paradoxes of religiosity in societies of high modernity. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide.* 2015;33(1):254–268. (In Russ.).
7. Ostrovskaya E. A. Is the mediatization of the Orthodoxy possible?. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social change.* 2019;(5):300–319. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.5.14](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.14).
8. Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. Virtual ethnicity and cyber-ethnography. Moscow: MAE RAN; 2021. 280 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88431-391-0.
9. Isetti G., Innerhofer E., Pechlaner H. [et al.], eds. Religion in the Age of Digitalization. From New Media to Spiritual Machines. London: Routledge; 2021. 196 p. ISBN 978-0-367-80922-5. DOI [10.4324/9780367809225](https://doi.org/10.4324/9780367809225).

10. Campbell H., Bellar W. Digital Religion. The basics. London: Routledge; 2023. 178 p. ISBN 978-1003058465. DOI [10.4324/9781003058465](https://doi.org/10.4324/9781003058465).
11. Hjarvard S. (2020) Three Forms of Mediatized Religion: Changing the Public Face of Religion. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2020;38(2):41–75. (In Russ.). DOI [10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-41-75).
12. Stähle H. Russian Church in the Digital Era. Mediatization of Orthodoxy. London: Routledge; 2022. 224 p. ISBN 978-0-367-81438-0. DOI [10.4324/9780367814380](https://doi.org/10.4324/9780367814380).
13. Bogdanova O. A. Mediatization of Pastoral Care in the Russian Orthodox Church: Reasons Behind 'Ask the Priest' Websites. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2020;38(2):207–234. (In Russ.). DOI [10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234).
14. Grishaeva E. I., Shumkova V. A. Traditionalist Orthodox Christian media: discourse structure and peculiarities of the functioning. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: E'konomi-cheskie i social'ny'e peremeny`=Monitoring of public opinion: economic and social change*. 2018;(2):291–308. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2018.2.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.17).
15. Grishaeva E. I., Busygin A. G. The Internet in the Orthodox parish: peculiarities of interaction between Orthodox users and Internet technologies. *Research Result. Sociology and management*. 2020;6(1):3–15. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1).
16. Luchenko X. V. The Digitalization of Worship Practices during the Coronavirus Pandemic in the Context of the Mediatization of Orthodoxy. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2021;39(1):39–57. (In Russ.). DOI [10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57).
17. Ostrovskaya E. A. Internet mediatization of confession in the Orthodox social networking sight vk.com. *Logos et Praxis*. 2018;17(3):45–58. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvol-su.2018.3.6](https://doi.org/10.15688/lp.jvol-su.2018.3.6).
18. Ostrovskaya E. A. Mission Possible: Russian Orthodox Priest Blogs. *Koncept: filozofia, religia, kul'tura=Concept: philosophy, religion, culture*. 2021;5(1):44–59. (In Russ.). DOI [10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59).
19. Stähle H. In Search of a New Language: Patriarch Kirill's Media Strategy. (In Russ.). Available at: <https://carnegiemoscow.org/2017/05/16/ru-pub-69951> (accessed: 15.05.2023).
20. Smirnov M. Yu. New religion formats in the modern Russian society public space. *Technologos*. 2020;(1):124–132. (In Russ.). DOI [10.15593/perm.kipf/2020.1.11](https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.1.11).
21. Fedorov V. A. Bellyustin. In: *Orthodox Encyclopedia*. Moscow; Pravoslavnaya entsiklopediya; 2002. Vol. 4. P. 530–532. (In Russ.).

Received: 15.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the authors:

Olga A. Bogatova, Doctor of Sociology, Associate professor, Professor of Sociology and Social Work Chair, National Research Mordovia State University. Saransk, Russia.

bogatovaoa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5877-7910

Sergey V. Golovanov, Editor, Editorial Board of Scientific Journals, National Research Mordovia State University. Saransk, Russia. golovanov.archiv@gmail.com

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.9)
EDN [GWXIIS](https://www.edn.ru/GWXIIS)
УДК 316.7

И. В. Лютенко¹
¹ ИДИ ФНИЦ РАН
Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТУВИНСКОЙ МОЛОДЁЖИ С НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ)

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования «Как живёт Тува», проведённого в 2022 г. Отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИЦ РАН среди студенческой молодёжи. В фокусе статьи – религиозная молодёжь, последователи буддизма. Среди них выделены типологические группы «практикующих» и «непрактикующих», которые отбирались по показателям религиозной самоидентификации; самоидентификации по конфессиональному признаку; интереса к восточным, нетрадиционным религиям и учениям; мотивации интереса к данным воззрениям; включение практик этих религий и учений в жизнедеятельность. Отметим, что в группе «практикующие» присутствуют все показатели нетрадиционной религиозности, а в группе «непрактикующие» в их жизнедеятельность не включена практика нетрадиционных воззрений. Проведён сравнительный анализ типологических групп с точки зрения степени воздействия мировоззренческих аспектов нетрадиционной религиозности на национальные, этноконфессиональные и миграционные ориентации и установки.

Результаты социологического поиска зафиксировали в обеих типологических группах высокий уровень толерантного отношения к представителям других этносов и конфессий. В тоже время среди «практикующих» два раза больше положительно относящихся к бракам с представителями другой национальности и в три раза меньше респондентов, негативно относящихся к браку с человеком другого вероисповедания.

В связи с непростой социально-экономической обстановкой в регионе, больше половины молодых людей в рассмотренных группах планируют переезд в другие регионы и мегаполисы. Среди «практикующих» почти треть не планируют возвращаться после переезда, в группе «непрактикующих» таких респондентов практически в два раза меньше. Мотивация переезда в типологической группе «практикующие» связана скорее с социально-бытовыми ориентациями (улучшение жилищных условий, получение более качественного образования и медицинских услуг, возможность путешествовать), а группе «непрактикующие» – с социально-профессиональными трудностями (поиск работы по специальности, повышение уровня заработной платы, карьерный рост).

Ключевые слова: нетрадиционные религии, религия, буддизм, шаманизм, миграция, молодёжь, Тува

Для цитирования: Лютенко И. В. Социокультурные представления тувинской молодёжи с нетрадиционной религиозностью (социологический опыт) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 103–116. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.9). EDN [GWXIIS](https://www.edn.ru/GWXIIS)

Введение. В современном мире буддизм уже давно не является локально-географической религией, распространившись на новые территории. Рост

влияния буддийского мира является неким ответом на всемирную глобализацию [1]. На российской территории буддизм распространён в трех регионах: в Туве, Бурятии и Калмыкии. Население тувинской республики в этноконфессиональном отношении является потомками тюрков, чьи ранние верования представляли собой анимизм, культы природы, а в более позднее время – шаманизм. Впервые знакомство с буддизмом исторических предков тувинцев произошло в период с VI в. по вторую половину VII в. во времена уйгурских каганатов. Вторая волна распространения буддизма в Туве связана с вхождением тувинских родоплеменных групп в Монгольскую империю. В то время буддизм получает статус государственной религии в монгольской династии Юань. Самая крупная волна распространения буддизма в Центральной Азии отмечена во времена Алтын-ханов. Именно в это время были созданы все условия распространения и укоренения его в тувинскую среду.

Цинский период в истории Тувы оказался наиболее благоприятным для становления тувинского варианта буддизма. В этот период возводились монастыри, возросло влияние буддийской общины в обществе. Монастырские школы стали центром образования и культуры, т.к. буддийскую общину составляла наиболее образованная часть населения. Буддийская община (сангха) способствовала созданию и укреплению духовного и религиозного единения в обществе.

Период вхождения тувинской республики в состав СССР оказал положительное влияние в отношении экономического и социального роста региона, но привёл к атеизации населения [2]. Возрождение буддизма в Туве началось лишь в 1990 году, точкой отсчёта стала дата регистрации буддийской общины и начало возведения храма в селе Кызыл-Даг.

В современной России буддизм представлен двумя направлениями. Это школа тибетского буддизма Гелуг и «глобальный буддизм». Учение традиционной буддийской школы Гелуг консервативно, оно предполагает многолетнее обучение и практику в монастырях. Второе направление – «глобальный буддизм» – связывается с европейским освоением духовной культуры Востока. В современной России насчитывается более 200 буддистских общин, групп и организаций этого направления [3]. Последователи «глобального буддизма» проявляют интерес в первую очередь к философии буддизма, к его практикам. В то время как последователи традиционной школы буддизма более ориентированы на его религиозную составляющую, вовлечены в обрядово-культурную деятельность буддийских монастырей [4].

Особая форма тувинского буддизма – ламаизм возникла в результате синтеза двух религиозных систем: буддизма и шаманства. Буддизм был интегрирован, произошло переосмысление культа шаманизма в обществе. Буддизм в Туве представляет собой совокупность догм и канонов ламаизма с модифицированными шаманскими обрядами.

Свобода вероисповедания и активная деятельность религиозных организаций с распадом СССР способствовали проникновению «новых религий», которые нашли отклик среди секулярного общества [5, с. 269–270; 6]. Например, в Туве «новые религиозные учения» внесли разнообразие в конфессиональную картину республики. Жители региона были подвержены увлечению этими новыми учениями. Религиоведы отмечают достаточно успешное распространение среди коренного населения нетрадиционных религиозных сект [7–9]. Нетрадиционными религиозными учениями обозначают противостоящие мировым конфессиям религиозные объединения, отличающиеся нововведениями в вере, а иногда включающие элементы мировых религий [10].

Возникновением, распространением и влиянием новых религий и религиозных организаций занимались зарубежные социологи-религиоведы и учёные У. Бэйнбридж, Д. Бекфорд, Л. Досон, А. Баркер и др. [11; 12]. Среди российских учёных и религиоведов изучению новых религий посвящены труды Е. Г. Балагушкина, Ю. В. Рыжова, Л. Н. Митрохина, Л. И. Григорьевой, Е. А. Кублицкой и др. [13; 14]. Возникающие религиозные организации были классифицированы, учёные сформировали общие принципы изучения феномена нетрадиционных религий. Следует отметить, что в современном дискурсе нет единого мнения как обозначать данные религиозные учения. Мы придерживаемся мнения, что наиболее подходящими терминами будут «нетрадиционные» или «новые» религии и учения. Тут следует подчеркнуть, что термин «нетрадиционные религии» интерпретируется с позиции неукоренённости рассматриваемых воззрений на какой-либо территории и не должен употребляется в контексте возвышения одной религии над другой [15, с. 50].

У современной молодёжи очень популярны восточные религии и учения, возрастает популярность буддизма. Религиоведы отмечают, что буддизм начал распространяться за пределы исконно буддийских территорий России [1; 16]. Для молодых людей философия буддизма привлекательна своей ненавязчивостью, она направлена на достижение гармонии внутреннего мира и вселенной, помогает избавиться от страданий. Постоянно меняющаяся мировая обстановка способствует повышению физической и психоэмоциональной нагрузки, что негативно влияет на неокрепший организм молодёжи. С помощью духовных и физических практик индуизма молодые люди могут найти баланс, обрести внутреннюю гармонию, перестать реагировать на окружающие триггеры [17]. Увеличению заинтересованности этими учениями способствует ориентация на здоровый образ жизни. Так, популяризацию йоги поддерживает научный дискурс [18] и масс-медиа.

В эпоху глобальных перемен, когда будущее становится нестабильным и неясным, хочется найти точку опоры. Кризис, сложная социально-политическая обстановка в России способствует росту интереса к эзотерическим учениям. Прогнозы астрологов и нумерологов дают гражданам в ситуации высокой тревожности и неуверенности в завтрашнем дне [19] небольшую, пусть и иллюзорную, надежду на обретение стабильности. Астрологические и нумерологические учения способствуют снижению уровня ответственности за происходящее, поясняя неподконтрольность многих событий человеку и якобы зависимость происходящего от звёзд и цифр.

В предложенной работе автор проводит сравнительный анализ воздействия мировоззренческих основ нетрадиционной религиозной идентичности на некоторые социокультурные установки студенческой молодёжи Тувы. Актуальность рассмотрения новых/нетрадиционных религий и учений в указанном контексте обусловлена изменением религиозного ландшафта, который требует изучения с использованием новых методолого-методических разработок нетрадиционной религиозности.

Методика. В исследовании, проведённом в республике Тува в 2022 г. для определения уровня нетрадиционной религиозности, использовалась методика, разработанная социологом-религиоведом Е. А. Кублицкой [20]. Отметим, что перед автором в данной статье не стоит задача определения степени религиозности тувинской молодёжи. Религиозная молодёжь, последователи буддизма и шаманизма определялись через показатели религиозной самоидентификации (верующие, колеблющиеся между верой и неверием, неверующие и атеисты) и

конфессиональной самоидентификации (буддисты, шаманисты, православные, мусульмане и пр.). С помощью раскрытой ниже методики, основанной на методологических и методических принципах, среди буддийской и нерелигиозной молодёжи выделены группы респондентов с нетрадиционной религиозностью.

Итак, объектом исследования является студенческая молодёжь республики Тува. Фокус статьи направлен на характеристики интереса тувинской молодёжи в возрасте 14–29 лет к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям, с выявлением показателей включённости этих религий и учений в жизнедеятельность респондентов.

Методологические принципы изучения нетрадиционной религиозности:

Индекс нетрадиционной религиозности рассчитывается по формуле $(Л+М+Н) + (О+Р)$, где

Л – главный показатель нетрадиционной религиозной веры;

М – интерес к нетрадиционным религиям и учениям;

Н – мотивация интереса к нетрадиционным и мистическим учениям;

О – показатель информированности о деятельности нетрадиционных религий и мистических учений (показатель находится в разработке);

Р – включённость в жизнедеятельность практик нетрадиционных религиозных учений;

Л+М+Н – результирующий показатель религиозного сознания;

О+Р – результирующий показатель религиозного поведения.

Типологические группы «практикующие» и «непрактикующие» формируются по показателям:

1. Интерес к нетрадиционным религиям и мистическим учениям, духовным и физическим практикам учений.
2. Мотивация интереса к данным религиозным учениям и практикам.
3. Включённость в жизнедеятельность практик этих учений и религий.

Исследования по данной тематике проводятся Отделом этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН с 2021 года. Рассматриваемый социологический опрос проведён с помощью репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами при помощи онлайн-программы «Анкетолог». Обработка эмпирических данных проводилась с помощью программного комплекса SPSS.

Объём выборочной совокупности среди студенческой молодёжи Тувы: $N = 1102$ ед. В опросе 2022 года приняли участие респонденты до 30 лет, среди которых 32% мужчин и 68% женщин. Большинство (84%) молодых людей обучаются на первой ступени высшего образования (бакалавриат). Считают себя верующими практически половина (48%) респондентов, только 12% отнесли себя к нерелигиозному населению (неверующие – 4%, атеисты – 8%). Среди верующих идентифицируют себя буддистами 69% респондентов, 22% указали, что являются последователями шаманизма. С учётом особенностей тувинского буддизма респонденты, идентифицирующие себя последователями буддизма и шаманизма, были объединены. Первая группа – молодёжь, определяющая себя как верующие последователи буддизма и шаманизма. Вторая группа – нерелигиозная молодёжь (неверующие + атеисты).

Первый срез социологического анализа. Эмпирические данные, полученные по итогам мониторинговых исследований, демонстрируют растущий с каждым годом интерес респондентов к нетрадиционным и мистическим учениям и соответствующим практикам [21].

Среди верующих последователей буддизма и шаманизма интересуются восточными, нетрадиционными религиями и эзотерическими учениями больше половины (62%) респондентов. Нерелигиозные респонденты интересуются нетрадиционными учениями чуть меньше (45%). Переходя к анализу интереса к восточным, нетрадиционным религиям и учениям, отметим, что верующие последователи буддизма и шаманизма проявляют больший интерес к восточным, нетрадиционным религиям и учениям, чем нерелигиозная молодёжь. У верующих последователей буддизма и шаманизма в приоритете индуизм, даосизм, конфуцианство и др. Они занимают лидирующую позицию. На втором месте – астрология, третье место занимают духовные и физические практики индуизма, на четвёртом месте – нумерология. Хиромантия, спиритизм и уфология менее популярны, ими увлекается не более 10% буддийской молодёжи.

Нерелигиозная молодёжь проявляет интерес прежде всего к эзотерическим учениям, предсказывающим судьбу человека (нумерология – 17%, астрология – 14%, хиромантия – 11%) и духовным/физическим практикам индуизма (йога и медитация) (14%). (см. рис. 1). Неудивительно, что тувинская молодёжь активно интересуется различными восточными религиями и учениями, так как буддизм, даосизм и конфуцианство имеют схожую философию. Если в буддизме бог не играет никакой роли, то в конфуцианстве и даосизме деятельности бога и природе уделено очень мало внимания [22]. Возможно, активный интерес к восточным религиям также связан с историей региона и правлением монгольской династии Юань, религией которой был не только буддизм, но также даосизм и конфуцианство.

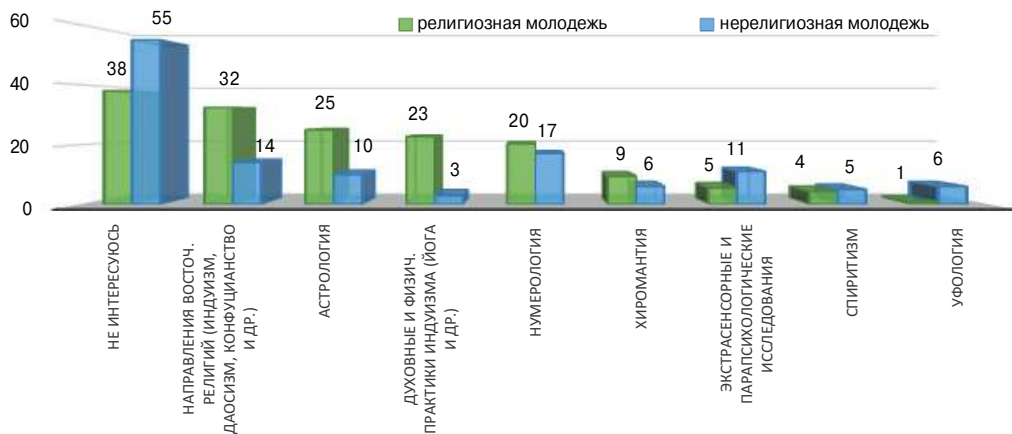

Рисунок 1. Интерес религиозной и нерелигиозной студенческой молодёжи Тувы к восточным, нетрадиционным религиям и эзотерическим учениям (в % от числа опрошенных социальных групп молодёжи (14-29 лет), Тува 2022 г.)

Источник: Здесь и далее, составлено автором по данным исследования «Как живёт Тува», 2022 г. Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Чтобы оценить роль восточных, нетрадиционных религий и учений, духовных и физических практик, их влияние на жизнедеятельность молодёжи, мы предложили респондентам выбрать утверждения, которые наиболее точно отражают привлекательность данных воззрений.

Полученные результаты зафиксировали, что мотивация верующих последователей буддизма и шаманизма выше, чем у нерелигиозной молодёжи. Представители обеих типологических групп выделяют значимость следующих функций верований и учений:

- заслуживают внимания для научного изучения;
- повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия;
- расширяют физиологические возможности человека;
- способствуют нравственному совершенствованию человека;
- открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии (см. табл. 1).

Таблица 1

Мотивация интереса религиозной и нерелигиозной молодёжи к восточным религиям, нетрадиционным религиозным течениям и эзотерическим практикам
(в % от числа опрошенных социальных групп молодёжи (14-29 лет), Тува 2022 г.)

Утверждения:	Молодёжь, 14-29 лет	
	Религиозная молодёжь (буддисты)	Нерелигиозная молодёжь
1. Традиции, нормы и культура мировых религий не помогают мне в повседневной жизни	31	17
2. Заслуживают внимания для научного изучения	40	26
3. Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия	50	30
4. Расширяют физиологические возможности человека	41	17
5. Способствуют нравственному совершенствованию человека	48	26
6. Являются привлекательными своей оригинальностью, экстравагантностью	28	17
7. Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии	44	30
8. Мои знакомые, родственники, друзей изучают или практикуют эти учения	28	26

Бросается в глаза значительная разница в ответах последователей буддизма/шаманизма и нерелигиозных респондентов по ряду утверждений: «повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия» (50% и 30% соответственно), «расширяют физиологические возможности человека» (41% и 17% соответственно), «способствуют нравственному совершенствованию человека» (48% и 26% соответственно). Можно предположить, что выбор именно этих утверждений и разница в ответах типологических групп обусловлены тем, что мировоззрение последователей буддизма связано с философией восточных учений, концепция которых как раз направлена на самосовершенствование личности и достижение гармонии внутреннего мира со вселенной, избавления от страданий.

Среди последователей буддизма и шаманизма (68% от опрошенных) и «нерелигиозных» (12% от опрошенных)¹ были отобраны респонденты, интересующиеся нетрадиционными религиями и учениями. Из них сформированы типологические группы «практикующие» и «непрактикующие». В группу «практикующие» вошли респонденты, интересующиеся нетрадиционными религиями и мистическими учениями, включившие в свою жизнедеятельность практики данных воззрений на постоянной основе. В группу «непрактикующие» вошли респонденты, также интересующиеся указанными религиями и учениями, но не включившие их практики в свой повседневный быт (см. рис. 2).

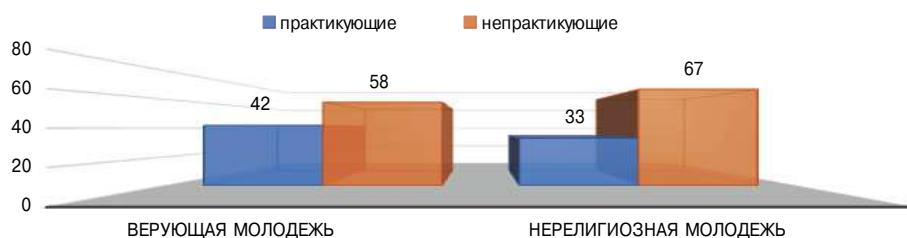

Рисунок 2. Группы «практикующие» и «непрактикующие» религиозной и нерелигиозной молодёжи (в % от числа опрошенных социальных групп молодёжи (14-29 лет), Тува 2022 г.)

Второй срез социологического анализа. Более подробно рассмотрим «практикующих» и «непрактикующих» отдельно в группе религиозных студентов. «Практикующих» среди них 42%, «непрактикующих» – 58%. Воздействие нетрадиционных религиозных воззрений на социокультурные ориентации тувинской студенческой молодёжи будет рассмотрено в группах «практикующих» и «непрактикующих» верующих последователей буддизма и шаманизма.

Данные социологических исследований показывают, что увлечение, изучение и включенность в жизнедеятельность молодёжи практик нетрадиционных религий и учений оказывают определённое воздействие на направленность миграционных, межнациональных и этноконфессиональных ориентаций. Современные реалии способствуют интенсификации миграционных процессов, актуализируя темы межнационального взаимодействия и межнациональной напряжённости. В ходе исследования, представителям религиозной молодёжи предложили ответить на вопросы, касающиеся этноконфессиональных отношений и возможных межнациональных конфликтов.

В группе «практикующих» треть респондентов (27%) согласны, что в регионе «имеется межнациональная напряжённость», «непрактикующие» респонденты считают так гораздо реже (17%). В обеих группах большинство респондентов не испытывает неприязни к другим национальностям. Но в группе «практикующих» таких респондентов немного меньше, чем в группе «непрактикующих» (88% и 98% соответственно). К религиозным организациям в обеих группах большинство респондентов не испытывает неприязни (94% – «практикующие» и 92% – «непрактикующие»). В группе «практикующие» почти в два раза больше респондентов, положительно относящихся к браку с пред-

¹ При дальнейшем социологическом анализе следует учитывать, что «практикующие» нерелигиозной группы составляют лишь 16 человек.

ставителем другой национальности, в сравнении с группой «непрактикующих» (41% и 23% соответственно). Положительно относящихся к браку с человеком другого вероисповедания немного меньше в обеих группах. Так, среди «практикующих» положительно относятся к межрелигиозным бракам треть (35%) респондентов. В группе «непрактикующие» чуть меньше четверти (21%) относятся положительно к таким бракам (см. табл. 2).

Таким образом, по этноконфессиональным вопросам респонденты в группе «практикующие» более толерантны. Стоит отметить, что по сравнению с молодёжью других регионов, где проходило исследование, тувинская молодёжь более толерантна к представителям других этносов и конфессий. Вероятно, это связано с философией буддизма, которая учит толерантности и состраданию к окружающим, а также необходимости поддерживать равновесие между стремлением к материальному и духовному развитию.

Таблица 2

Сравнительный анализ отношения религиозной молодёжи («практикующих» и «непрактикующих») к этноконфессиональным взаимодействиям
(в % от числа опрошенных социальных групп молодёжи (14-29 лет), Тува 2022 г.)

Утверждения:	Религиозная молодёжь (14–29 лет)	
	«Практикующие»	«Непрактикующие»
Положительно отнесусь к браку с человеком другой национальности	41	23
Отрицательно отнесусь к браку с человеком другой национальности	6	11
Положительно отнесусь к браку с человеком другого вероисповедания	35	21
Отрицательно отнесусь к браку с человеком другого вероисповедания	3	9
Не испытываю неприязни к другим национальностям	88	98
Не испытываю неприязни к религиозным организациям	94	92

Миграционные ориентации. Переходя к анализу миграционных ориентаций тувинской студенческой молодёжи, необходимо дать краткую характеристику социального и экономического положения в регионе. В постановлении от 24 декабря 2018 года N 638 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года»² есть данные о социально-экономических характеристиках региона. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, Тува находится на 24 месте в рейтинге субъектов РФ по образованию, а по среднедушевому доходу занимает только 85 место. На экономическом потенциале негативно отражается и транспортная изолированность региона. Пра-

² О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года : Постановление Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 года N 638. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322563> (дата обращения: 25.04.2023).

вительством Тувы отмечается высокая миграционная убыль населения, необеспеченность социальной структуры. По данным Росстата, 2022 году республика Тува занимает второе место в России по доле населения, признанного малоимущим³. Добавим к этому низкий уровень системы здравоохранения, плохую экологическую обстановку, высокий уровень безработицы по сравнению с соседними регионами.

Неблагоприятная социально-экономическая ситуация способствует оттоку молодого трудоспособного населения из региона. Желание переехать выразила половина религиозной молодёжи в группах «практикующие» и «непрактикующие» (53% и 49% соответственно). В группе «практикующих» значительно больше респондентов, готовых навсегда переехать из Тувы («практикующие» – 27%, «непрактикующие» – 17%). Значительная часть опрошенных в обеих группах выразили желание переехать в другой регион/край (44% и 40% соответственно), чуть меньше респондентов в группах выбирают мегаполисы (37% и 31% соответственно) (см. табл. 3).

Таблица 3

**Сравнительный анализ религиозной молодёжи
(«практикующих» и «непрактикующих») к потенциальному выбору
места жительства**

(в % от числа опрошенных социальных групп молодёжи (14-29 лет), Тува 2022 г.)

Если Вы планируете переехать после учёбы, то куда именно?	Религиозная молодёжь (буддисты) (14–29 лет)	
	«Практикующие»	«Непрактикующие»
В другой населённый пункт в своём регионе	7	20
В другой регион / край	44	40
В мегаполис (Москва, Санкт Петербург и др.)	37	31
В другую страну	11	6
Затрудняюсь ответить	0	3

Как отмечено ранее, непростая социально-экономическая обстановка усиливает миграционные потоки из региона. Чтобы выявить причины переезда, респондентам предложили выбрать наиболее актуальные из предложенных вариантов. Исходя из полученных ответов, «практикующие» респонденты стремятся улучшить социальную сферу, отмечая следующие аргументы: возможность путешествовать, получение более квалифицированных медицинских услуг, улучшение жилищных условий, получение более профессионального образования, повышение уровня заработной платы. В группе «непрактикующие» респонденты нацелены больше на улучшение профессиональной деятельности и рост финансового благополучия. Повысить уровень заработной платы хотят на четверть больше респондентов в группе «непрактикующих», по сравнению с «практикующими» (71% и 48% соответственно) (см. табл. 4).

³ Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Республики Тыва // Росстат: [сайт]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/28037> (дата обращения: 25.04.2023).

Таблица 4

Выбор причин, влияющих на мотивацию смены места жительства религиозной молодёжи («практикующих» и «непрактикующих»)
 (% от числа опрошенных в типологических группах, 14-29 лет, Тува, 2022)

Если Вы планируете переехать, то по каким причинам?	Религиозная молодёжь (14-29 лет)	
	«Практикующие»	«Непрактикующие»
Найти работу по специальности	30	49
Повысить уровень заработной платы	48	71
Улучшить жилищные условия	63	57
Отсутствие социокультурного развития и досуга в моем регионе	11	20
Карьерный рост	52	66
Возможность путешествовать	70	43
Получать более качественные медицинские услуги	48	20
Получить более профессиональное образование	44	20
По семейным обстоятельствам	4	14
По политическим причинам	0	3
По религиозным причинам	0	0
По национальным причинам	0	3
Плохая экологическая обстановка в регионе	7	6

Заключение. Социологическое исследование среди студенческой молодёжи Тувы подтвердило, что интерес у религиозной молодёжи к нетрадиционным религиозным учениям и их практикам значительно выше, чем у нерелигиозных молодых людей. Отмечается, что у буддистов, по всем основным показателям, более глубокая мотивация интереса к нетрадиционным религиозным учениям и включенность их практик в жизнедеятельность. Результаты эмпирического анализа показали, что существует некоторое воздействие нетрадиционной религиозности респондента на национальные, этноконфессиональные, миграционные ориентации. Сравнительный анализ воздействия нетрадиционной религиозности на некоторые социокультурные ориентации был проведён только среди религиозных студентов в группах «практикующие» и «непрактикующие». Отметим, что группа «практикующих» более толерантно относится к бракам с представителями других конфессий и национальностей по сравнению с «непрактикующими». В обеих группах большинство респондентов относятся положительно к религиозным организациям традиционных конфессий и представителям других национальностей. Вполне закономерно предположить, что столь высокие показатели толерантности и религиозного индифферентизма обусловлены философией концепции как буддизма, так и некоторых нетрадиционных религиозных учений.

Социологические исследования также показывают, что сложная экономическая и социальная ситуация в регионе способствует интенсивному миграционному оттоку студенческой молодёжи: в обеих типологических группах половина респондентов изъявила желание переехать в другие регионы России. В тоже время в группе «практикующих» в два раза больше молодёжи по сравнению с «непрактикующими» планируют уехать из республики навсегда. Причины миграции в группе «практикующих» обусловлены в большей степени стремлением улучшить социальную и бытовую сферу: получение более квалифицированных медицинских услуг, улучшение жилищных условий, возможность путешествий, повышение уровня заработной платы. В группе «непрактикующие» причины миграции в основном профессионального характера: карьерный рост и повышение качества профессиональной деятельности.

Социологические исследования последних лет, проводимые ИДИ ФНИСЦ РАН продолжают фиксировать рост интереса к восточным, нетрадиционным религиям и мистическим учениям [23, с. 217–247; 24]. Возрастание интереса молодёжи к данным течениям обусловлено мировоззренческим поиском в отношении религии и атеизма. Обращаясь к нетрадиционным религиям и учениям молодые люди получают опыт, позволяющий сформировать те или иные мировоззренческие ориентации в этом направлении. Результаты социологического опроса показывают, что молодёжь с нетрадиционными религиозными представлениями – это, прежде всего, респонденты толерантные в этноконфессиональном взаимодействии. Они находятся в поиске решения многих мировоззренческих проблем, обладая стремлением к получению обширных знаний, которые «открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии» (см. табл. 1, п. 7).

Библиографический список

1. *Базаров Б. В.* Буддизм и вызовы XXI века // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 12–16. EDN [SZCRAN](#).
2. *Хомушку О. М.* Религия в истории культуры тувинцев. М. ИЭА РАН, 1998. 177 с. ISBN 5-201-00947-6.
3. *Житенев Т. Е.* Буддизм в России: веки истории // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 7. С. 192–203. EDN [OKGIIN](#).
4. *Монгуш М. В.* Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016. № 1. С. 1. EDN [VMDBBL](#).
5. *Колосов Г. Н., Чингина Е. Н.* Восприятие духовной и физической практики в йоге в мире и в России // E-Scio. 2019. № 10(37). С. 422–429. EDN [GCLHQR](#).
6. *Балагушкин Е. Г.* Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М. : ИФ РАН, 1999. 221 с. ISBN 5-201-02012-7. EDN [SUPUMJ](#).
7. *Хомушку О. М.* Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : Изд-во РАГС, 2005. 228 с. EDN [QPBCRD](#).
8. *Монгуш А. А.* «Шамбалыг» и духовная культура народов Тувы // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 122–140. EDN [NUMYVB](#).
9. *Ламажаа Ч. К. о.* Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 3. DOI [10.25178/nit.2019.3.3](#). EDN [XTRIMX](#).
10. Новая философская энциклопедия : в 4 томах. Том 3. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательский дом «Мысль», 2010. 692 с. ISBN 978-5-244-01118-0. EDN [QWVQJF](#).
11. *Баркер А.* Новые религиозные движения: практическое введение : Пер. с англ. СПб. : РХГА, 1997. 280 с. EDN [MCHFLG](#).
12. *Beckfor J. A.* Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements. London-New York : Tavistock publ., 1985. 327 p. ISBN 978-0422796408.
13. *Балагушкин Е. Г.* Критика современных нетрадиционных религий. М. : Изд-во МГУ, 1984. 288 с.

14. *Рыжов Ю. В.* Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М. : Изд-во «Смысл», 2006. 328 с. ISBN 5-89357-207-6. EDN [YKXYNB](#).
15. *Мчедлов М. П.* Религиоведческие очерки : Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М. : Научная книга, 2005. 445 с. ISBN 5-94935-074-X.
16. *Уланов М. С.* Буддизм в контексте глобализации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25, № 1-2. С. 252–261. EDN [MQJCLT](#).
17. *Панцова Л. В.* Нетрадиционные физические упражнения в системе физического воспитания в высшей школе // Физическая культура и личность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Оренбург, 28-29 октября 2004). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. С. 114–117.
18. *Юнг К. Г.* Йога и запад. М. : Изд-во «Инициатива», 1994. 232 с.
19. *Шушпанова И. С.* Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 97–108. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.8](#). EDN [KARUNB](#).
20. *Кублицкая Е. А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#).
21. *Кублицкая Е. А.* Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](#). EDN [BWYSYK](#).
22. *Швечиков А. Н.* Восточная мудрость как религиозный феномен // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Философия. 2008. № 1(10). С. 153–166.
23. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород : Эпи-центр, 2021. 500 с. ISBN 978-5-6045221-7-2. EDN [SUHSWJ](#).
24. *Лютенко И. В.* Интерес к нетрадиционным религиям московской молодежи и мигрантов (сравнительный анализ 2021 г.) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 122–134. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.10](#). EDN [GPRAZX](#).

Поступила: 28.04.2023. Принята к печати: 05.06.2023.

Сведения об авторе:

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник, Отдел этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

blodrein@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1013697](#);

ORCID: [0000-0002-6815-8977](#)

I. V. Lyutenko¹

¹ IDR FCTAS RAS

Moscow, Russia

SOCIOCULTURAL REPRESENTATIONS OF TUVAN YOUTH WITH UNCONVENTIONAL RELIGIOSITY (SOCIOLOGICAL EXPERIENCE)

Abstract. The article analyzes the results of the sociological study “How Tuva Lives” conducted in 2022 by the Department of Ethnodemographic, Religious, and Integration Processes of the Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences. The article focuses on religious youth, followers of Buddhism. Among them, we identified typological groups of “practitioners” and “non-practitioners”, which were selected according to indicators of religious self-identification; self-identifica-

tion by confessional affiliation; interest in eastern, non-traditional religions and teachings; motivation of interest in these beliefs; and incorporation of the practices of these religions and teachings into life activities. Note that the “practitioners” group has all the indicators of non-traditional religiosity, while the “non-practitioners” group does not include the practice of non-traditional beliefs in their life activities. A comparative analysis of the typological groups in terms of the degree of impact of the worldview aspects of non-traditional religiosity on national, ethno-confessional and migration orientations and attitudes was conducted.

The results of the sociological search recorded in both typological groups a high level of tolerance toward representatives of other ethnicities and religions. At the same time among the “practitioners” there are two times more positive attitude to marriages with representatives of other ethnicity and three times fewer respondents who have a negative attitude to marriages with a person of another religion.

Due to the difficult socio-economic situation in the region, more than half of the young people in the groups studied plan to move to other regions and megacities. Among the “practitioners” almost a third do not plan to return after moving, in the group of “non-practitioners” such respondents are almost half as many. The motivation to move in the typological group “practitioners” is more related to social and domestic orientations (improving housing conditions, getting better education and medical services, the opportunity to travel), and the group “non-practitioners” - to socio-professional difficulties (finding work in the specialty, increasing wages, career growth).

Keywords: non-traditional religions, religion, buddhism, shamanism, migration, youth, Tuva

For citation: Lyutenko I. V. Sociocultural representations of Tuvan youth with unconventional religiosity (sociological experience). *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):103–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.9>

References

1. Bazarov B. V. Buddhism and the challenges of the third millenium. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN=Bulletin of the BSC SB RAS*. 2014;(3):12–16. (In Russ.).
2. Khomushku O. M. Religion in the history of Tuvan culture. Moscow: IEA RAN; 1998. 177 p. (In Russ.). ISBN 5-201-00947-6.
3. Zhitenev T. E. Buddhism in Russia: the staff and staple of history. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. 2011;(7):192–203. (In Russ.).
4. Mongush M. V. Traditional and Western Buddhism in Russia : a comparative study. *Novye issledovaniia Tuvy*. 2016;(1):1. (In Russ.).
5. Kolosov G. N., Chingina E. N. Perception of Spiritual and Physical Practice in Yoga in the World and in Russia. *E-Scio*. 2019;(10):422–429. (In Russ.).
6. Balagushkin E. G. Non-traditional religions in modern Russia : Morphological analysis. Moscow: IF RAN; 1999. 221 p. (In Russ.). ISBN 5-201-02012-7.
7. Khomushku O. M. Religion in the Culture of the Sayano-Altai Peoples. Moscow: Izd-vo RAGS; 2005. 228 p. (In Russ.).
8. Mongush A. A. “Shambalyg” and spiritual culture of people of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*. 2012;(1):122–140. (In Russ.).
9. Lamazhaa C. K. o. Geocultural images of the Tuvan Buddhist world: historical context and modernity. *Novye issledovaniia Tuvy*. 2019;(3):3. (In Russ.). DOI [10.25178/nit.2019.3.3](https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3).
10. New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skii dom «Mysl'»; 2010. 692 p. (In Russ.).
11. Barker A. New Religious Movements: A Practical Introduction. St. Petersburg: RHGA; 1997. 280 p. (In Russ.).
12. Beckfor J. A. Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements. London-New York: Tavistock publ.; 1985. 327 p. ISBN 978-0422796408.
13. Balagushkin E. G. Critique of modern nontraditional religions. Moscow : Izd-vo MGU; 1984. 288 p. (In Russ.).
14. Ryzhov Y. V. Ignoto Deo: New religiosity in Culture and Art. Moscow: Izd-vo «Smysl»; 2006. 328 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-207-6.
15. Mchedlov M. P. Theological Essays. Religion in Spiritual, Social and Political Life of Modern Russia. Moscow: Nauchnaya kniga; 2005. 445 p. (In Russ.). ISBN 5-94935-074-X.
16. Ulanov M. S. Buddhism in the context of globalization. *Gosudarstvo, Religia, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2007;25(1-2):252–261. (In Russ.).

17. Pantsova L. V. Non-traditional physical exercises in the system of physical education in high school. In: PE and personality : Proc. of All-Russia research conf. (Orenburg, October 28-29, 2004). Orenburg: Izd-vo OGPU; 2004. P. 114–117. (In Russ.).
18. Jung K. G. *Yōga und West*. Moscow: Izd-vo "Initsiativa"; 1994. 232 p. (In Russ.).
19. Shushpanova I. S. Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2022;28(4):97–108. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8).
20. Kublitskaya E. A. Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 1990;(5):95–103. (In Russ.).
21. Kublitskaya E. A., Lyutenko I. V. Traditional religious and non-traditional religious teachings in the life of the Russian youth: socio-pedagogical aspects. *CITISE*. 2019;(5):478–493. (In Russ.). DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44).
22. Shvechikov A. N. Oriental wisdom as a religious phenomenon. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Filosofiya*. 2008;(1):153–166. (In Russ.).
23. Zubok Yu. A., Bezrukova O. N., Vishnevsky Yu. R. [et al.]. Self-regulation of youth life: methodology and social practices. Belgorod: Epi-center; 2021. 500 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045221-7-2.
24. Lyutenko I. V. Interest in non-traditional religions among Moscow youth and migrants (regional sociological experience 2021). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2022;28(4):122–134. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.10).

Received: 28.04.2023. Accepted: 05.06.2023.

Information about the author:

Irina V. Lyutenko, junior researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

blodrein@mail.ru

ORCID: [0000-0002-6815-8977](https://orcid.org/0000-0002-6815-8977)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.10)
EDN IFLZTW
УДК 316.4; 371

Н. С. Баранова^{1,2}
¹ ГАУ ДПО ИРО
² ИГУ
Иркутск, Россия

ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ШКОЛЫ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Создание условий для повышения качества общего образования рассматривается как один из целевых ориентиров государственной образовательной повестки, актуализируя исследования причин снижения академической успешности школьников в условиях стратегии обеспечения равных образовательных возможностей. Значимость приобретает поиск механизмов минимизации негативных факторов влияния на учебную успешность школьников, особенно в тех образовательных организациях, ученики которых демонстрируют на протяжении нескольких лет низкие образовательные результаты по итогам независимых оценочных процедур. В статье представлен краткий обзор теоретических подходов к проблеме социального неравенства, обобщение содержательных линий современных исследований отечественных и зарубежных учёных по вопросам неравенства образовательных возможностей, факторов возникновения низких академических результатов школьников. В рамках исследования условий получения качественного образования предпринята попытка установления связи факторов «территориальное расположение школы», «инфраструктура и оснащённость образовательного процесса» с академической результативностью учеников общеобразовательных организаций, отнесённых на основе независимых оценочных процедур к школам с низкими образовательными результатами. На основе анализа данных федеральных и региональных статистических наблюдений проводится исследование равности условий получения общего образования в «базово», «умеренно» и «сильно» неуспевающих школах, размещённых в городе Иркутске. Гипотеза о значимости степени влияния фактора размещения школы по отношению к центру города на образовательные результаты обучающихся не подтвердилась. Зафиксирована нелинейность взаимосвязи степени неуспеваемости школьников и уровня материально-технической обеспеченности образовательного процесса как современным оборудованием, так и специализированными пространствами для организации практических занятий по учебным предметам, которые могут стать триггерами дальнейшего снижения результативности реализации образовательных программ.

Ключевые слова: социальное неравенство, неравенство образовательных возможностей, низкие результаты обучения, качество образования, факторы возникновения низких образовательных результатов

Для цитирования: Баранова Н. С. Инфраструктурный контекст школы как фактор снижения академических результатов обучающихся: муниципальный аспект // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 117–128. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.10). EDN IFLZTW

Введение. Образование как социальный институт обеспечивает стартовые условия повышения суверенитета страны, создаёт условия для поиска ответов на технологические, информационные, экономические вызовы современности. Предоставление равного доступа к общему образованию высокого качества

© Баранова Н. С., 2023

вне зависимости от этнокультурной, религиозной, территориальной принадлежности, экономического, социокультурного потенциала родительской семьи и иных детерминант является легитимным правом гражданина, одним из национальных приоритетов российской стратегии развития.

С одной стороны, обусловленные трансформацией современного российского общества преобразования общеобразовательной системы предоставляют её акторам широкий спектр выбора траекторий достижения желаемого социального статуса. С другой стороны, социально-экономическая нестабильность усиливает социальное расслоение на основе разности доступа к образовательным, социокультурным ресурсам, полярности возможностей образовательной организации и, конечно, муниципалитета. Описание географических, социальных, экономических, культурных и пр. факторов образовательного неравенства является предметом научных работ в области социологических, философских, психолого-педагогических и экономических наук. Анализ категории образовательного неравенства не только с позиций глобального, федерального, регионального, но и муниципального контуров позволяет выявить «степень влияния» контекста на предоставление доступа к качественному общему образованию в территориях, которые характеризуются нестабильностью академической успешности обучающихся по итогам независимых оценочных процедур. Контекст понимается как экзогенные условия влияния на механику и результаты реализации образовательных программ при существенно ограниченной возможности субъектов образовательного процесса в трансформации данных условий.

В фокусе внимания автора статьи поиск ответов на вопросы: обеспечены ли равными условиями получения общего образования школьники г. Иркутска, демонстрирующие низкие результаты по итогам оценочных процедур, оказывают ли влияние внешние, объективные факторы на уровень академических результатов? Раскрытие положений считаем целесообразным начать с обзора направлений отечественных и зарубежных исследований образовательного неравенства в условиях современных социальных трансформаций, далее провести анализ ряда компонентов контекста деятельности иркутских школ, в которых на протяжении нескольких лет отмечается снижение академической результативности.

Образовательное неравенство в исследовательской повестке. Вопросы социального неравенства рассматриваются как неотъемлемая характеристика общества, исследуются на протяжении столетий. К классическим подходам исследования природы и динамики социального неравенства относят классовый и стратификационный анализы. Первый подход имеет фундаментальные преимущества, связанные с рассмотрением вопросов как социальной дифференциации, так и проблематики отношений между классами, что предоставляет возможность исследования динамики социальной структуры, линий трансформации общества в рамках теорий социального конфликта и дифференциации. Вклад в становление теоретических подходов к исследованию социального неравенства внесли отечественные учёные З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, В. И. Ильин, М. Н. Руткевич, Н. Е. Тихонова, О. И. Шкаратан, В. А. Ядов и другие [1–6].

В современном научном дискурсе проблематика равенства образовательных возможностей представлена значительным количеством исследований зарубежных авторов, в частности, фундаментальными трудами Дж. Коулмена [7], концепцией «культурного капитала» П. Бурдьё [8], теорией «культурной мобильности» П. ДиМаджио [9], положениями «непреходящего неравенства» Й. Шавита, Х.-П. Блоссфельда [10], «моделью образовательных возможностей» Э. Соренсона [11]. Факторы «усиления» образовательного неравенства анали-

зируются на основе различных аспектов, например, исходя из убеждений о зависимости успешности школы и академических результатов от этнической, гендерной, социально-экономической принадлежности обучающихся (С. Стрэнд) [12], о «разрыве» показателей успеваемости обучающихся и стратегиях его преодоления (Э. Гарсия, Э. Вайс) [13], о сегрегации образовательных систем и росте образовательного школьного неравенства (Ж. Данье) [14].

В отечественной науке вопросы социальной дифференциации в образовании (на основе разницы распределения ресурсов, особенностей территорий, их социокультурного потенциала, специфики контекста образовательных организаций всех уровней системы образования, форм освоения образовательных программ и пр.) являются предметом исследований как научных коллективов, так и отдельных авторов. Институтом социологии ФНИСЦ РАН проводятся многолетние исследования образовательного неравенства, в фокусе которых: изменение социальной структуры выпускников общеобразовательных организаций как проявления трансформации российского общества; влияние социокультурных, территориальных, экономических барьеров на воспроизводство неравного доступа к качественному общему образованию и определению будущей стратегии профессионального развития; описание специфичных проявлений неравенства в образовательной сфере. Результаты исследований представлены в трудах Д. Л. Константиновского [15, 16], Е. С. Поповой [17], Г. А. Чередниченко [18] и др.

Проблематика образовательного неравенства в трудах учёных НИУ ВШЭ представлена следующими векторами исследований: влияние социального контекста на расслоение общеобразовательных школ по результативности рассмотрено Д. А. Александровым, С. С. Савельевой; закрепление в начальной школе неравенства на примере разных по престижности школ изучается И. В. Антипкиной, А. Е. Ивановой, Ю. В. Кузьминой; воздействие на академические результаты ресурсности, структуры контингента, специфики модели руководства образовательной организацией представлено работами Н. В. Бысик, Н. С. Дербишир, С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской, И. Д. Фрумина; образовательное неравенство школьников, вызванное принадлежностью к этнической группе и её социальным статусом, изучается Д. А. Александровым, К. А. Тенишевым; возникновение неравенства доступа к получению высшего образования в условиях независимой оценки результатов освоения ФГОС среднего общего образования анализируется И. А. Праховым; социальные, культурные, имущественные, территориальные, этнические барьеры обеспечения доступа детей к ресурсам неформального и информального образования исследуются Д. А. Александровым, В. М. Воскресенским, В. А. Ивановиной, С. Г. Косарецким, Б. В. Куприяновым, К. Н. Поливановым, С. С. Савельевой, Е. В. Сивак, Д. Л. Симановской, Д. С. Филипповой [19].

В работе Ю. С. Керша представлен анализ эффекта социально-экономической композиции в российской школе (показатель индивидуального социального статуса обучающегося, агрегированный на уровень школы) на основе нескольких распространённых переменных (индекс экономического, социального и культурного статуса, индекс образовательных ресурсов дома, социально-экономического статуса семьи) [20].

Различие в доступе к образованию высокого качества, по мнению И. Г. Груничевой, С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской, Г. А. Ястребова, наиболее ярко проявляется в разрезе территориальной отнесенности школ к городской или сельской местностям. Учёные описывают зависимость социально-экономического и культурного статуса семьи, депривации территории и возможностей реализации доступа к дополнительному образованию, социокультурным ресурсам в реализации возможностей получения ребёнком дополнительного образования [21].

В разрезе территориальной принадлежности образовательной организации и уровня академической успешности её школьников исследуют тему А. В. Высоцкая, А. Г. Филиппова [22], З. Ф. Ибрагимова, М. В. Франц [23].

Очевидно, что в условиях возросшей социальной напряжённости институт образования и равенство его ресурсов во всех российских регионах должны стать первостепенной задачей социальной политики.

Алгоритм фиксации низких результатов обучения школьников. Условия осуществления образовательной деятельности общеобразовательной организации на современном этапе рассматриваются как один из факторов учебной успешности школьников и проектирования механизмов повышения качества их образовательных результатов как на институциональном, так и муниципальном уровнях [24].

Анализ специфики экзогенных условий организации образовательного процесса в школах региона с применением федерального инструментария, утверждённого Рособрнадзором¹, детализированного ФГБУ ФИОКО², является важнейшим этапом определения механик поддержки субъектов образовательного процесса по итогам независимых процедур оценки качества результативности освоения программ обучения, проектирования решений по нивелированию факторов влияния на образовательные достижения обучающихся.

На основе результатов участников всероссийских проверочных работ по математике и русскому языку в 5 и 6 классах (ВПР), результатах школьников по итогам государственных экзаменов по математике и русскому языку (ОГЭ, ЕГЭ) выделяется пул школ, обучающиеся которых демонстрируют низкие результаты обучения (не менее 30% школьников-участников процедур не преодолели минимальное «пороговое» значение ОГЭ, ЕГЭ, получили отметку «2» по ВПР по двум и более процедурам в предыдущем учебном году или по одной из них в два предыдущих года). В зависимости от уровня результатов школьников (высокий, средний, низкий) по каждой оценочной процедуре, определяются «базово», «умеренно» и «сильно» неуспевающие школы. Далее на региональном уровне проводится анализ контекстных данных (территориальная отнесенность школы к городской/сельской местности, размер населённого пункта, доступность транспортной инфраструктуры, анализ инфраструктурного базиса, анализ кадрового потенциала педагогического коллектива). По итогам данных этапов областным министерством образования определяется и утверждается реестр школ с низкими образовательными результатами (далее ШНОР).

Контекст школы как маркер образовательного неравенства. Логика работы со ШНОР, описанная выше, предполагает анализ контекста на уровне региона, что акцентирует внимание на необходимости «включения» муниципального уровня в изучение условий снижения результативности обучающихся для обеспечения равных условий реализации образовательных программ в отдельном муниципалитете, реализации принципа каскадности методик поддержки ШНОР. Проектирование механизмов поддержки ШНОР на основе привлече-

¹ Об утверждении методики выявления общеобразовательных организаций, имеющих низкие образовательные результаты обучающихся на основе комплексного анализа данных об образовательных организациях, в том числе данных о качестве образования : Приказ Рособрнадзора от 19.08.2020 г. № 847 // Кодекс: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566068306> (дата обращения: 13.05.2023).

² Методика выявления общеобразовательных организаций, имеющих низкие образовательные результаты обучающихся, на основе комплексного анализа данных об образовательных организациях, в том числе данных о качестве образования. ФИОКО, 2022. 10 с. URL: <https://quick.apkpro.ru/q/CGojRcj7> (дата обращения: 13.05.2023).

ния муниципальных ресурсов в преодолении барьеров повышения академических результатов определило цель авторского исследования условий демонстрации низких академических результатов в школах, размещённых в региональной системе. В данной статье представлены материалы вторичного анализа федеральных и региональных баз данных, содержащих сведения об условиях осуществления образовательной деятельности ШНОР г. Иркутска, по критериям: территориальная расположенность школ и специфика оснащённости образовательного процесса как факторов влияния на результативность обучения.

Территориальная расположенность ШНОР. На региональном уровне все ШНОР (участники исследования) по критерию «Территориальная принадлежность» имеют одинаковый статус – «городская общеобразовательная организация». В 2022 году в региональный реестр ШНОР³ были включены 27% общеобразовательных организаций г. Иркутска (20 из 74 школ), что превышает показатель 2021 года в десять раз (2 школы – 2,7%). Распределение ШНОР г. Иркутска по кластерам представлено следующим образом: «базово» неуспевающие школы – 6 школ, «умеренно» неуспевающие школы – 9 учреждений и «сильно» неуспевающие школы – 5 организаций.

Рисунок 1. Распределение ШНОР по административным округам г. Иркутска и степени неуспеваемости обучающихся
Figure 1. Distribution of the SNOR by administrative districts of Irkutsk and the degree of failure of students

Источник: Составлено автором на основе Распоряжения Министерства образования Иркутской области от 21.01.2022 г. № 55-46-мр. URL: <https://docs.iro38.ru/document/get/6964> (дата обращения: 13.05.2023).

Анализ распределения ШНОР по четырём административным округам г. Иркутска не выявил прямой зависимости между удалённостью школы от центральной части города и степенью неуспеваемости школы. Наибольшее и равное количество ШНОР (по 6 школ) размещены как в наиболее отдалённом районе (Ленинский округ), так и в сравнительной близости от центра г. Иркут-

³ Об утверждении перечня общеобразовательных организаций Иркутской области с низкими образовательными результатами и участников проекта «500+» в 2022 году: Распоряжение Министерства образования Иркутской области от 21.01.2022 г. № 55-46-мр. URL: <https://docs.iro38.ru/document/get/6964> (дата обращения: 13.05.2023).

ска (Октябрьский округ) (см. рис. 1). Заметим, что наибольший «рисковый» показатель в Октябрьском округе, в котором 50% ШНОР отнесены к группе «сильно» неуспевающих школ, в то время как в Ленинском округе 50% ШНОР отнесены к «умеренно» неуспевающим школам. При равном количественном распределении ШНОР в Свердловском и Правобережном округах, обращает внимание разное количество «умеренно» неуспевающих школ, а также наличие «сильно» неуспевающей школы в одном из округов.

Проведение анализа размещения ШНОР (особенно в крупном городе) на основе принятого административного деления считаем значимым для повышения эффективности управленческих решений в рамках муниципальных программ повышения качества образовательных результатов, обеспечения адресности сопровождения ШНОР. Обсуждение результатов данного анализа с управленческим аппаратом каждого из округов, мониторинг эффективности оказанных мер поддержки управленческим командам ШНОР, динамики результатов обучающихся, позволит обеспечить целенаправленность, своевременность решений и вовлеченность субъектов в вопросы повышения качества образования в конкретной школе, в отдельном округе и городе в целом.

Материально-техническая оснащённость ШНОР. Следующим фактором снижения образовательных результатов выступает обеспеченность образовательного процесса инфраструктурными решениями для проведения практических, лабораторных занятий по предметам учебной программы, развития способностей и талантов школьников, поддержки их инициатив, проектов, оборудованными современной техникой.

Анализ специфики материально-технического оснащения иркутских школ (по сгруппированным нами показателям) проведён на основе данных статистических отчётов, предоставляемых ШНОР в рамках федеральных наблюдений (форма ФСН № ОО-1; форма ФСН № ОО-2), регионального мониторинга (отчёт «Оснащённость и благоустройство общеобразовательных организаций»), осуществляемого с использованием региональной автоматизированной информационной системы⁴, изучения документации общеобразовательных организаций. Отмечаем, что во всех ШНОР города созданы базовые социальные условия: соблюдение температурного режима, наличие всех необходимых видов благоустройства в соответствии с действующими санитарными правилами и нормами (системы горячего и холодного водоснабжения, центральное отопление, системы канализации, помещения для личной гигиены), работает медицинский кабинет. Обобщённые результаты анализа статистических форм в разрезе ШНОР по ряду показателей представлены в табл. 1.

Содержание показателя «Инфраструктура здоровьесбережения, спорта» предполагает оценку наличия в школах специализированных помещений для организации питания, медицинского обслуживания и занятий физической культурой: в 96% ШНОР имеется столовая (буфет) или зал для приёма пищи; 92% школ имеют спортивный зал, 79% – открытый стадион, 25% ШНОР оборудованы закрытым плавательным бассейном. Анализ данных в разрезе кластеров ШНОР показал наименьшую степень оснащённости «умеренно» неуспевающих школ: только в 55% имеется открытый стадион, в 77% – спортивный зал, а в 11% школ отсутствует помещение для приёма пищи.

⁴ Региональная автоматизированная информационная система сбора статистической отчётности «Мониторинг общего и дополнительного образования». URL: <https://quality.coko38.ru/> (дата обращения: 13.05.2023).

Таблица 1

Инфраструктурная обеспеченность образовательного процесса в ШНОР г. Иркутска
Infrastructural provision of the educational process at the SNOR of Irkutsk

№ п/п	Наименование показателя	Наличие объектов инфраструктуры, в % от количества ШНОР данной категории		
		«базово» неуспеваю- щие ШНОР	«умеренно» неуспеваю- щие ШНОР	«сильно» неуспеваю- щие ШНОР
1.	Инфраструктура здоровьесбережения, спорта			
	Спортивный зал	100	77	100
	Открытый стадион	83	55	100
	Спортивная площадка	100	67	100
	Закрытый плавательный бассейн	50	22	0
	Столовая (буфет, зал для приёма пищи)	100	89	100
2.	Информационная инфраструктура			
	Библиотека	100	100	100
	Читальный зал (не менее 25 мест)	17	22	0
	Электронная система учёта успеваемости	100	89	100
3.	Предметная развивающая среда			
	Кабинет информатики и ИКТ	100	100	100
	Кабинет физики	100	89	100
	Кабинет химии	100	89	50
	Кабинет биологии	83	78	100
	Кабинет географии	100	100	100
	Кабинет иностранного языка	100	89	50
	Кабинет основ безопасности жизнедеятельности	83	56	50
	Мастерские для трудового обучения	100	78	100
	Кабинет домоводства	100	78	100
	Кабинет для внеурочной деятельности	67	44	50
	Музей	33	22	50
	Опытно-экспериментальный участок	17	0	0
	Кабинет учителя-логопеда	83	67	100
	Кабинет учителя-дефектолога	17	11	0
Кабинет педагога-психолога	100	89	100	
	Среднее значение по критерию «Инфраструктурная обеспеченность», %	80	66	72

Источник: Составлено автором на основе данных АИС «МОиДО». URL: <https://quality.coko38.ru/> (дата обращения: 13.05.2023).

Наличие в общеобразовательной организации современной цифровой среды, способствующей повышению доступности получения качественного образования вне зависимости от территориальной расположенности школы, является одной из составляющих реализации государственной политики современной России. Техническая и цифровая оснащённость обеспечивает доступ к ресурсам библиотеки в «базово», «умеренно» и «сильно» неуспевающих школах. Это особенно важно в связи с тем, что в 100% «сильно» неуспевающих школ отсутствуют читальные залы. Система учёта успеваемости обучающихся функционирует во всех общеобразовательных организациях, отнесённых к «базово» и «сильно» не-

успевающим школам, не используется в 11% «умеренно» неуспевающих школ, фиксируются результаты обучения в бумажном варианте журнала.

Проведение анализа данных о насыщенности предметной развивающей инфраструктуры образовательного процесса в ШНОР специализированными помещениями для преподавания учебных предметов, организации лабораторных, практических, внеурочных занятий в разрезе кластеров ШНОР позволяет зафиксировать следующее:

- наличие в 100% школ всех кластеров кабинетов для преподавания географии и знакомства с информационными технологиями;
- обеспеченность специализированными кабинетами для уроков физики характерна для 100% «сильно» и «базово» неуспевающих школ, в 11% «умеренно» неуспевающих школ данные кабинеты отсутствуют;
- занятия по химии, иностранному языку проводятся в специальных кабинетах 100% «базово» неуспевающих школ, в 89% «умеренно» неуспевающих и только в 50% «сильно» неуспевающих школ;
- кабинеты по домоводству и мастерские для трудового обучения в рамках учебного предмета «Технология» оборудованы во всех «базово» и «сильно» неуспевающих школах, отсутствуют в 22% «умеренно» неуспевающих школ;
- возможность изучения биологии в специализированном помещении реализуется в 100% «сильно» неуспевающих школ, в 83% «базово» неуспевающих и 78% «умеренно» неуспевающих школ;
- недостаточность помещений для занятий выявлена как в отношении кабинетов по основам безопасности жизнедеятельности (в 50% «сильно» неуспевающих, 44% «умеренно» и 17% «базово» неуспевающих школ); так и аудиторий для организации занятий в рамках внеурочной деятельности (в 54% «умеренно» неуспевающих, 50% «сильно» неуспевающих и 33% «базово» неуспевающих школ);
- школьные музеи организованы в 50% «сильно» неуспевающих школ; опытно-экспериментальный участок действует только в 17% «базово» неуспевающих школ;
- получение психолого-педагогической поддержки в оборудованном кабинете специалиста не реализуется в 11% «умеренно» неуспевающих школ, но в 100% «базово» и «сильно» неуспевающих школ данные кабинеты оборудованы;
- оказание профессиональной помощи учителя-логопеда в отдельном кабинете возможно в 100% «сильно» неуспевающих, в 83% «базово» неуспевающих и 67% «умеренно» неуспевающих школ;
- консультации, занятия учителя-дефектолога в специально оборудованном кабинете возможны только в 11% «умеренно» неуспевающих и 17% «базово» неуспевающих школ, в «сильно» неуспевающих школах данная возможность отсутствует.

Изучение статистических данных демонстрирует более высокие показатели инфраструктурной обеспеченности «базово» неуспевающих школ по каждому из критериев, обеспечивая фундамент для повышения и стабилизации образовательных результатов школьников. В школах, отнесённых по итогам оценочных процедур к кластеру «сильно» неуспевающих, отмечается большая инфраструктурная обеспеченность в сравнении с «умеренно» неуспевающими школами, что может свидетельствовать о значительном влиянии на снижение академических результатов иных факторов, актуализируя их дальнейшее изучение.

Выводы. Равные образовательные возможности рассматриваются как общественный запрос на получение качественного школьного образования – стартового этапа освоения знаний, фундамента формирования будущих професси-

ональных компетенций, призванных обеспечить и социальную сплочённость, и экономический рост. Государственные ориентиры по развитию систем образования в направлении предоставления доступа к качественному образованию делают акцент на равенстве условий, создаваемых в общеобразовательных учреждениях, вне зависимости от территориального расположения и экономического статуса региона. Необходимы механизмы минимизации воздействия социокультурных, этнических и прочих факторов на результаты обучения. Реализация комплекса мер важна как на федеральном, так и региональном, муниципальном уровнях по созданию равных условий для повышения качества образования.

Проведённый анализ федеральных статистических наблюдений, регионального мониторинга демонстрирует неравенство внешних условий организации образовательного процесса в рассматриваемых школах. Данные условия, по сути, являются барьерами для повышения качества образования в рассматриваемых школах, а также снижают стартовые возможности выпускников ШНОР для профессионального самоопределения. Коррекция данных позиций носит обязательный характер в качестве будущих социальных инвестиций в развитие города и региона.

Важность повышения адресности различных форм поддержки ШНОР в опросах совершенствования материально-технического оснащения образовательного процесса на основе анализа контекстных данных обуславливает необходимость продолжения исследования степени их влияния на результативность учебных результатов обучающихся. Значительными ресурсами в повышении результатов обучения могут стать повышение компьютерной грамотности, оснащение мультимедийной техникой как рабочих мест педагогов, так и помещений для учебной, внеурочной деятельности учеников ШНОР, в том числе привлечение ресурсности социокультурного потенциала муниципалитета. Актуальным считаем проведение сопоставительного анализа контекстных данных ШНОР и содержания «рисковых» профилей школ, сформированных ФГБУ ФИОКО на основе опроса обучающихся, педагогической и родительской общественности в рамках реализации федерального проекта повышения качества общего образования. Кроме того, следует отметить, что многие проблемы расслоения городских школ по оснащённости предметно-развивающих, здоровьесберегающих, информационно-технологических условий образовательного процесса во многом, по нашему мнению, могут корректироваться за счёт кадровых решений и профессиональных компетенций педагогов. Данный аспект будет представлен в следующих публикациях автора.

Библиографический список

1. Социальная стратификация российского общества / З. Т. Голенкова, А. Ш. Жвйтиашвили, В. В. Витюк [и др.]. М. : Летний сад, 2003. 365 с. ISBN 5-94381-119-2. EDN [QOCEYT](#).
2. *Заславская Т. И., Ядов В. А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социология и общество: пути взаимодействия : материалы пленарного заседания (Москва, 21-24 октября 2008 года) / Под ред. Г. В. Осипова, М. К. Горшкова. М. : Вече, 2010. С. 91–107. EDN [TTPQPZ](#).
3. *Ильин В. И.* Социальное неравенство. М. : Институт социологии РАН, 2000. 280 с. ISBN 5-89-697-050-1.
4. *Руткевич М. Н.* Социальная структура. М. : Альфа-М, 2004. 272 с. ISBN 5-98281-020-7. EDN [SDQOXP](#).
5. *Тихонова Н. Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М. : РОССПЭН, 1999. 320 с. ISBN 5-8243-0037-2. EDN [TIFRSR](#).
6. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / С. А. Инясевский, А. Н. Красилова, Ю. М. Крельберг [и др.]. М. : Олма Медиа Групп, 2009. 321 с. ISBN 978-5-373-02292-7. EDN [QTEQWH](#).
7. *Coleman J. S.* What is meant by “an equal educational opportunity”? // Oxford Review of Education. 1975. Vol. 1, No 1. P. 27–29. DOI [10.1080/0305498750010104](#).
8. *Бурдье П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Просвещение, 2007. 267 с. ISBN 5-09-014104-5. EDN [TZRPON](#).

9. DiMaggio P. Cultural capital and school success: The impact of status culture participation on the grade of U.S. high school students // American Sociological Review. 1982. Vol. 47, No. 2. P. 189–201. DOI [10.2307/2094962](https://doi.org/10.2307/2094962).
10. Shavit Y., Blossfeld H. P. Persistent inequality: Changing educational attainment in thirteen countries. Boulder : Westview Press, 1993. 395 p. ISBN 0813311217.
11. Sorensen A. B., Hallinan M. T. A reconceptualization of school effects // Sociology of Education. 1977. Vol. 50, No. 4. P. 273–289. DOI [10.2307/2112500](https://doi.org/10.2307/2112500).
12. Strand S. Do some schools narrow the gap? Differential school effectiveness by ethnicity, gender, poverty, and prior achievement // School Effectiveness and School Improvement. 2010. Vol. 21, No. 3. P. 289–314. DOI [10.1080/09243451003732651](https://doi.org/10.1080/09243451003732651).
13. Garcia E., Weiss E. Education inequalities at the school starting gate. Gaps, trends, and strategies to address them. Washington, DC : Economic Policy Institute, 2017. 102 p. Available at: <https://files.epi.org/pdf/132500.pdf> (accessed: 13.05.2023).
14. Danhier J. How big is the handicap for disadvantaged pupils in segregated schooling systems? // British Journal of Educational Studies. 2018. Vol. 66, No. 3. P. 341–364. DOI [10.1080/00071005.2017.1322682](https://doi.org/10.1080/00071005.2017.1322682).
15. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3(31). С. 125–133. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7491](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491). EDN FGRZUS.
16. Константиновский Д. Л. Исследования барьеров в образовании: традиции и развитие // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2020. № 5. С. 213–218. DOI [10.19181/obrnaukr.2020.10](https://doi.org/10.19181/obrnaukr.2020.10). EDN ZWXXMM.
17. Попова Е. С. Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1(48). С. 55–67. DOI [10.52944/PORT.2022.48.1.004](https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004). EDN NHJPNZ.
18. Чередниченко Г. А. От средней к высшей школе: институциональные преобразования и социальные последствия // Ректор ВУЗа. 2022. № 11. С. 20–31. DOI [10.33920/nik-3-2211-01](https://doi.org/10.33920/nik-3-2211-01). EDN GULSPG.
19. Образование и социальная дифференциация / Д. А. Александров, И. В. Антипкина, А. Р. Бессуднов [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 456 с. ISBN 978-5-7598-1734-5. EDN XMQHP.
20. Керша Ю. Д. Социально-экономическая композиция школы как фактор неравенства в образовании: Обзор подходов к измерению и механизмов взаимосвязи с академическими результатами // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 1. С. 92–123. DOI [10.17323/1726-3247-2021-1-92-123](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-92-123). EDN EGGXJD.
21. Пинская М. А., Косарецкий С. Г., Фрумин И. Д. Школы, эффективно работающие в сложных социальных контекстах // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 148–177. EDN OKLQVR.
22. Филипова А. Г., Высоцкая А. В. Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 150–163. DOI [10.19181/vis.2019.31.4.610](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.610). EDN VFEAWA.
23. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в школьном образовании: роль территориальных факторов // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 4. С. 72–98. DOI [10.19181/socjour.2021.27.4.8646](https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8646). EDN LFQZKK.
24. Баранова Н. С. О проектировании системы работы со школами с низкими образовательными результатами // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Иркутск, 23 апреля 2021). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2021. С. 92–97. EDN JXODRQ.

Поступила: 28.04.2023. Принята к печати: 05.06.2023.

Сведения об авторе:

Баранова Наталья Сергеевна, заведующий сектором сопровождения муниципальных методических служб, ГАУ ДПО Институт развития образования Иркутской области;

соискатель, Иркутский государственный университет. Иркутск, Россия.

natalia.baranova.irkutsk@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [1162056](https://elibrary.ru/author_id.php?ID=1162056);

ORCID: [0000-0002-2627-4574](https://orcid.org/0000-0002-2627-4574)

N. S. Baranova¹

¹ Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

THE INFRASTRUCTURAL CONTEXT OF THE SCHOOL AS A FACTOR IN LOWERING STUDENTS' ACADEMIC RESULTS: MUNICIPAL ASPECT

Abstract. Creating conditions for improving the quality of general education is seen as one of the targets of the state educational agenda, actualizing research into the causes of declining academic success of schoolchildren under the strategy of providing equal educational opportunities. The search for mechanisms of leveling the negative factors influencing the academic success of schoolchildren, especially in those educational organizations, the students of which have been demonstrating low results in independent evaluation procedures for several years, is of great importance. The article includes a summary of theoretical concepts and lines of research on inequality of educational potential and factors of low academic pupils' results of Russian and foreign scientists. The study of the qualitative education conditions tries to connect the factors "Territorial location of the school", "Infrastructural equipment of the educational process" and the academic results of students of secondary school, categorized as schools with low educational results through independent evaluation procedures. Based on the analysis of federal and regional statistical observation data, the study of equal conditions for general education in "basic", "moderately" and "highly" underachieving schools located in Irkutsk. The hypothesis about the relevance of the degree of impact of the factor of school location in relation to the city center on the educational results of students has not been confirmed. The nonlinearity of the relationship between the degree of failure of students and the level of material and technical provision of the educational process with both modern equipment and specialized spaces for practical classes in academic subjects, which can become triggers for further decline in the performance of educational programs, was recorded.

Keywords: social inequality, inequality of educational opportunities, low learning outcomes, quality of education, factors of low learning outcomes

For citation: Baranova N. S. The infrastructural context of the school as a factor in lowering students' academic results: municipal aspect. *Science. Culture. Society.* 2023;29(2):117–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.10>

References

1. Golenkova Z. T., Zhvitiashvili A. Sh., Vitiuk V. V. [et al.]. The social stratification of Russian society. Moscow: Letnii sad; 2003. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-94381-119-2.
2. Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. Social transformations in Russia in the era of global changes. In: Osipov G. V., Gorshkov M. K., eds. *Sociology and society: ways of interaction: plenary proceedings.* Moscow: Veche; 2010. P. 91–107. (In Russ.).
3. Ilyin V. I. Social inequality. Moscow: Institut sotsiologii RAN; 2000. 280 p. (In Russ.). ISBN 5-89-697-050-1.
4. Rutkevich M. N. Social structure. Moscow: Alfa-M; 2004. 272 p. (In Russ.). ISBN 5-98281-020-7.
5. Tikhonova N. E. Factors of social stratification in the conditions of transition to a market economy. Moscow: ROSSPEN; 1999. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0037-2.
6. Inyasevskii S. A., Krasilova A. N., Krel'berg Yu. M. [et al.]. Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia. Moscow: Olma Media Grupp; 2009. 560 p. (In Russ.). ISBN 978-5-373-02292-7.
7. Coleman J. S. What is meant by "an equal educational opportunity"? *Oxford Review of Education.* 1975;1(1):27–29. DOI [10.1080/0305498750010104](https://doi.org/10.1080/0305498750010104).
8. Bourdieu P., Passron J.-C. *La reproduction éléments pour une théorie du système d'enseignement.* Moscow: Prosveshchenie; 2007. 267 p. (In Russ.). ISBN 5-09-014104-5.
9. DiMaggio P. Cultural capital and school success: The impact of status culture participation on the grade of U.S. high school students. *American Sociological Review.* 1982;47(2):189–201. DOI [10.2307/2094962](https://doi.org/10.2307/2094962).

10. Shavit Y., Blossfeld H. P. Persistent inequality: Changing educational attainment in thirteen countries. Boulder: Westview Press; 1993. 395 p. ISBN 0813311217.
11. Sorensen A. B., Hallinan M. T. A reconceptualization of school effects. *Sociology of Education*. 1977;50(4):273–289. DOI [10.2307/2112500](https://doi.org/10.2307/2112500).
12. Strand S. Do some schools narrow the gap? Differential school effectiveness by ethnicity, gender, poverty, and prior achievement *School Effectiveness and School Improvement*. 2010;21(3):289–314. DOI [10.1080/09243451003732651](https://doi.org/10.1080/09243451003732651).
13. García E., Weiss E. Education inequalities at the school starting gate. Gaps, trends, and strategies to address them. Washington, DC : Economic Policy Institute; 2017. 102 p. Available at: <https://files.epi.org/pdf/132500.pdf> (accessed: 13.05.2023).
14. Danhier J. How big is the handicap for disadvantaged pupils in segregated schooling systems? *British Journal of Educational Studies*. 2018;66(3):341–364. DOI [10.1080/00071005.2017.1322682](https://doi.org/10.1080/00071005.2017.1322682).
15. Konstantinovskiy D. L. Overcoming barriers in education: research and social practice. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika=Sociological science and social practice*. 2020;8(3):125–133. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7491](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491).
16. Konstantinovskiy D. L. Research on barriers to education: tradition and development. *Education and science in Russia: state and development potential*. 2020;(5):213–218. (In Russ.). DOI [10.19181/obrnaukr.2020.10](https://doi.org/10.19181/obrnaukr.2020.10)
17. Popova E. S. Inequality in educational opportunities in the digital dimension. *Vocational Education and Labor Market*. 2022;(1):55–67. (In Russ.). DOI [10.52944/PORT.2022.48.1.004](https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004).
18. Cherednichenko G. A. From secondary to higher school: institutional transformations and social consequences. *Rektor vuza*. 2022;(11):20–31. (In Russ.). DOI [10.33920/nik-3-2211-01](https://doi.org/10.33920/nik-3-2211-01).
19. Alexandrov D. A., Antipkina I. V., Bessudnov A. R. [et al.]. Education and Social Differentiation. Moscow: HSE: 2018. 454 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1734-5.
20. Kersha Yu. D. School socioeconomic composition as a factor of educational inequality. Review of measurement approaches and relation with academic outcomes. *Ekonomicheskaya sociologiya=Economic Sociology*. 2021;22(1):92–123. (In Russ.). DOI [10.17323/1726-3247-2021-1-92-123](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-1-92-123).
21. Pinskaya M. A., Kosaretsky S. G., Frumin I. D. Schools that work effectively in complex social contexts. *Educational Studies Moscow*. 2011;(4):148–177. (In Russ.).
22. Filipova A. G., Vysotskaya A. V. Educational inequality in Russian schools: the influence of territorial factor. *Vestnik instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019;10(4):150–163. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.31.4.610](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.610).
23. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Inequality of opportunity in school education: the role of territorial factors. *Sotsiologicheskij Zhurnal=Sociological Journal*. 2021;27(4):72–98. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2021.27.4.8646](https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8646).
24. Baranova N. S. On the system of working with low learning results schools. In: Social Processes in Modern Russian Society: Problems and Prospects. Materials of the V Scientific Conference with the International Participation. Irkutsk: Irkutsk State University; 2021. P. 92–97. (In Russ.).

Received: 28.04.2023. Accepted: 05.06.2023.

Information about the author:

Natalia S. Baranova, Head of the Support Sector of Municipal Methodological Services, Institute of Education Development of Irkutsk Region; Applicant, Irkutsk State University. Irkutsk, Russia. natalia.baranova.irkutsk@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2627-4574

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.11](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.11)
EDN [ZNDSAY](https://edn.zndsai.ru)
УДК 316.7

Е. М. Мчедлова¹
¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО, СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ЦЕННОСТНОГО КОНТИНУУМОВ

Аннотация. В статье подвергаются анализу трансформационные процессы в рамках социокультурной, политической и идеологической ситуации в стране и массовом сознании российских народов, на основании новой государственной концепции об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г.). Показывается, что динамика взаимосвязанных соответствующих процессов направлена на укрепление национальной безопасности и усиление опоры в соответствующих областях на ценности различного порядка – традиционно-культурные, духовно-нравственные, политико-демократические. Большое внимание в статье уделяется такой гуманитарной ценности, как права человека (их обеспечение / нарушение).

Эмпирической основой статьи стали результаты исследования, проведённого Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН в начале пост-пандемического периода, в 2022 году, на территориях Москвы, Мурманской, Архангельской областей, Ненецкого автономного округа. Инструментарий исследования включал вопросы, касающиеся, в частности, оценки политического, социокультурного положения в стране, обеспечения социал-демократических ценностей – прав и свобод человека, безопасности, социальной защищённости и пр.

На наш взгляд, взаимоотношения субъектов политики с религией и религиозными организациями являются одним из параметров взаимосвязи и взаимопроникновения нынешних общественно-культурных и политических процессов, которые выступают одновременно в роли фактора социальной стабильности, а также достаточно значимого источника ценностей. Приверженность же к традиционным конфессиям повышает ориентированность на позитивный образ Родины. Образы желаемого будущего демонстрируют достаточно устойчивые исторические и ценностные связи и не ведут к противоречиям, а поликонфессиональность России, характеризующаяся существованием общего ценностного пространства, единства ценностных ориентаций выступает культурной основой национальной безопасности.

Ключевые слова: социальные трансформации, социокультурные процессы, массовое сознание, ценности, религиозные акторы, права человека

Для цитирования: Мчедлова Е. М. Взаимосвязь политического, социокультурного и ценностного континуумов // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 129–137. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.11](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.11). EDN [ZNDSAY](https://edn.zndsai.ru)

Введение. Трансформационные процессы в рамках социокультурной, политической и идеологической ситуации в стране и массовом сознании российских народов характерным образом представлены в новой государственной концепции об Основах государственной политики по сохранению и укреплению

нию традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. Динамика соответствующих процессов, находящихся в довольно тесной наглядной взаимосвязи, направлена на укрепление национальной безопасности и усиление опоры в соответствующих областях на ценности различного порядка – традиционно-культурные, духовно-нравственные, политико-демократические.

Акторами современных взаимосвязанных между собой политических и социокультурных процессов, где взаимосвязующим и взаимодополняющим звеном способна выступать также идеология, являются как этнополитические группы, зачастую проявляющие в публичном пространстве свою гражданскую, национальную и даже религиозную идентичность, так и достаточно активные представители политических элит, каким-либо образом проявляющие своё отношение, например, к религии. Также трансформационные процессы происходят в границах институционального, электорального поля, идейно-идеологической борьбы [1–4]. И в основе всех политико- и культуротворческих процессов лежат исторические, традиционные, порой православные, ценности, остающиеся незыблемыми на всем видимом протяжении истории. Зачастую они-то и определяют возможную ситуацию в стране.

Методы. Можно говорить о взаимопроникновении: ценности воздействуют на социокультурное и политическое пространство, массовое сознание. И, наоборот, эти пространства, в свою очередь, влияют на ценности, их реализацию, их пропаганду. А нынешнее состояние общественно-религиозных и религиозно-политических, – являющихся одновременно и социокультурными, – процессов наводит на мысли о необходимости определённого пересмотра традиционной политической теории. Сюда вписывается и риторика, и идеология, в том числе религиозная (которая не всегда алармистская, воинственная, но бывает и позитивной), и популизм, способные вызвать правовые и ценностные конфликты и, естественно, дестабилизацию обстановки. [5; 6; 7, с. 34–35; 8, с. 7–8; 9; 10, с. 229–237; 11, с. 15; 12, с. 130–141; 13].

Важным остаётся вопрос самоидентификации. Так, причисление себя к той или иной конфессии означает не только приверженность её канонам, но и следование культурным традициям, обрамлённым духовно-нравственными ценностями, определяя национальную, конфессиональную, а также гражданскую идентичность. Независимость от религиозно-мировоззренческих предпочтений зачастую свидетельствует о духовном единстве, особенно в том, что касается будущего – своего и страны. От этих идентичностей ни в коей мере не зависит восприятие россиянами цели и сущности трансформационных преобразований. Образы желаемого будущего демонстрируют достаточно устойчивые исторические и ценностные связи и не ведут к противоречиям. [14, с. 59; 15, с. 595; 16; 17].

В основе эмпирической составляющей статьи лежит исследование на тему «Россияне о перспективах», проведённое Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН при участии автора. Полевой этап пришёлся на начало пост-пандемического периода (май-июнь 2022 г.). Опросы в Центральном (Москва и Московская область, среди местных жителей и среди приезжих из регионов) и Северо-Западном (Мурманская, Архангельская области, Ненецкий автономный округ) федеральных округах включа-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 19.04.2023).

ли обширный круг вопросов по социально-политическому и социокультурному положению в стране. Репрезентативная выборка составила 2054 респондента, из них 667 – в Центральном федеральном округе и 1387 – в Северо-Западном федеральном округе. Особое внимание при подготовке инструментария и при последующем анализе результатов уделялось социал-демократическим ценностям – правам и свободам человека, безопасности, социальной защищённости и т.д., их сохранению и динамике развития. [18, с. 56–74; 19, с. 51–59; 20, с. 131–149; 21, с. 78–81].

Результаты. Если ценности реализуются, это свидетельствует о достаточно благополучном положении, не нуждающемся в дополнительной корректировке. Так считают более половины жителей северных регионов России. С другой стороны, означает ли это, что все ценности реализуются?

Воспользуемся примером Франции. Спрос на религиозное образование уже достаточно снизился, чтобы более не приниматься в качестве фактора идентичности и социальной интеграции. Сильно сокращены государственные учреждения, которые занимались бы преподаванием теологии и других религиозных наук, чтобы религиозные смыслы не обрамлялись в исторический, философский, социологический или политический контекст. Вместе с тем, сохранить и даже укрепить местную территориальную и ценностную самобытность, т.е. обусловить тесную преемственную связь между историческим прошлым и будущим локальных территорий, могли бы, допустим, университеты. Религиозные практики также становятся всё менее популярными; серьёзно уменьшается число священников, способных вести религиозную службу. И дело не в отсутствии специальной богословской подготовки, а в трансформации территориальных и идентификационных параметров, которая привела к тому, что местные акторы все чаще инициируют различные коллективные проекты, чтобы найти, например, альтернативное применение церковным зданиям, ставшим объектами внутреннего туризма, центрами современного искусства, бизнес-центрами, кинотеатрами и т.п. Между тем, функция церкви как центра солидарности, социализации и защиты остаётся неизменной. Если говорить о ценностном составе, то в данном случае он сводится к благотворительности, развитию культуры, искусства (в духовном и материальном плане), формируя и оберегая объекты культурного наследия. Говоря о российском культурном пространстве, стоит напомнить, что изначально его оригинальной чертой стало христианство, точнее, православие. Нынешнее православие, как известно, выходит за вероисповедные рамки и начинает проявляться на уровне философской, идеологической и социально-политической мысли, в народном творчестве.

Полагаем, что внимания достойны взаимоотношения субъектов политики с религией и религиозными организациями. Следует заметить, что они представляют своего рода общественный ресурс (главным образом сохраняющий ценности, детерминирующий духовный мир, зачастую объединяющий и т.д.), от которого отталкиваются политологи в своих идеях. Религиозные организации в России (прежде всего, Российская православная церковь) действуют как социально-политический, равно как и институт становящегося гражданского общества, в частности, по обеспечению свободы слова и свободы вероисповедания, свободы совести, прав человека верующих, обуславливающий сохранность демократических ценностей. Такая деятельность обществом полностью одобряется, в то время как явное вмешательство в политику для общества оказалось неприемлемым. Судя по мнению опрошенных жителей «арктических» регионов, у таких религиозных структур достаточно приличный кредит доверия (43–49%).

Таблица 1

Отношение к религиозным организациям (% от числа опрошенных, 2022 г.)
Attitudes toward religious organizations (% of respondents, 2022)

Варианты ответа	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Доверяют	43	43	49
Не доверяют	43	43	37
Затруднились ответить	14	14	19

Источник: здесь и далее, использованы результаты исследования «Россияне о перспективах»; Центр социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Религиозные акторы также озабочены достижением духовного единства на основе ценностей. Однако, на нынешнем этапе оно не представляется возможным. Исповедуемые ценности (и взгляды на будущее) в чем-то похожи, и в то же время разнятся. Происходящие процессы могут способствовать воплощению экуменических идей, а могут и препятствовать им. Наличие же в конфессиях радикальных ответвлений представляется разъединяющим, порой конфликтогенным фактором.

Обсуждение. Перейдём к вопросу о правах человека как важнейшей гуманитарной ценности. В нынешнее время часто происходят нарушения естественных прав, сопутствующих им биоэтических, психологических, коммуникационных норм и ценностей. Причины тому – кризисы, война, локальные конфликты, наличие мигрантов, бедность и т.д. Такие нарушения имеют место, например, во время СВО на стороне ВСУ и их союзников; массовые нарушения допускают США, ряд стран Европы. Между тем, такая обстановка обуславливает поведение, корректирующее общественные трансформации. Здесь уместно отметить, прежде всего, владение основами соответствующего поведения, культуры, национального достояния, их приумножения и дальнейшей реализации, недопущения диссонанса, особенно с целью обеспечения культурной и духовно-ментальной преемственности поколений.

Рассмотрим, как жители северных регионов России оценивают степень обеспечения государством прав человека как одной из высших гуманитарных и демократических ценностей (табл. 2, 3).

Распределение рейтинговых значений демонстрирует, как жители опрошенных регионов воспринимают ситуацию с обеспечением государством гуманитарных и демократических ценностей:

- права человека – 61–66%;
- свобода слова, мнений – от 33% до 61%;
- толерантность – от 35% до 61%;
- свобода совести и вероисповедания – 83–88%.

Таким образом, права человека в нашей стране, по мнению опрошенных, обеспечиваются, т.е. соблюдаются. Особенно это касается религиозных прав и свобод, которые обеспечиваются максимально. А значит, и ценности реализуются!

При всей оптимистичности взглядов, нередки и нарушения прав человека. Рассмотрим на примерах. Введённые против России санкции существенно ограничили доступ к спортивным состязаниям, произведениям мировой культуры и искусства, что затрудняет для граждан реализацию культурных потребностей и нарушает их культурные права. Таким образом, ряд ценностей,

Таблица 2

Обеспечиваются ли государством права человека (% от числа опрошенных, 2022 г.)
Whether the state ensures human rights (% of respondents, 2022)

Варианты ответа	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Да	63	61	66
Нет	31	33	28
Затруднились ответить	6	6	6

Таблица 3

Обеспечиваются ли государством... (% от числа опрошенных, 2022 г.)
Does the state provide... (% of respondents, 2022)

Ценности:	Москва	Архангельск	Мурманск	Ненецкий АО
Толерантность	35	56	56	64
Свобода слова, мнений	33	58	57	61
Свобода совести и вероисповедания	83	88	88	87

сопутствующих человеку и его правам, не реализуются. Это является одним из факторов снижения общей оценки социокультурной ситуации в стране.

Военные действия или другого рода насилие – также прямое нарушение прав человека (они же – ценности), особенно естественных, главенствующих – на жизнь, достойное существование, безопасность и т.п. Под угрозой в период специальной военной операции оказались и права человека в отношении верующих. Непрерывающиеся боевые действия лишили верующих возможности принять участие в Крестном ходе, осуществить религиозные потребности, традиции и предписания. Помимо этого, подверглись гонению священнослужители и монахи Украинской канонической православной церкви; вызывает озабоченность неопределённое состояние с церковными зданиями – объектами национальной культуры. Здесь уместно отметить, что терроризм, экстремизм (религиозный, этнический, национальный), радикализм (главным образом, исламский), ксенофобия, другие негативные социально-политические явления – тоже своего рода насилие, навязывание обществу определённых взглядов, отнюдь не всегда мирной направленности. Это ведёт к недовольству населения, что, в свою очередь, может обусловить конфликты, нарушение целостности, безопасности и др. ценностей. Религиозные каноны не допускают насилия в принципе, однако, исходя из нынешних социально-политических реалий, оно так или иначе присутствует. Права человека верующих (как и всех остальных) в обыденной жизни зачастую подвергаются нарушению.

Выводы. Трансформационные процессы в России потребовали от правительства выработки регуляционной политики в различных сферах. Это, в частности, стимулировало создание Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Реализация этой политики, как отмечалось, должна происходить в таких областях, как культура, наука, образование, межнациональные и межконфессиональные отношения, массовая коммуникация, социальное партнёрство, международное сотрудничество. Государственно-конфессиональные отно-

шения на современном этапе предполагают, в частности, решение проблемы реализации интересов общества, даже вероятности использования религиозности отдельных групп населения в качестве определённого ресурса.

На наш взгляд, современное понимание, так скажем, социокультурности, во многом отражает культурно-нормативную и символическую специфику общества (в силу востребованности культурных норм, заложенных в «искусствах и ремёслах»). Предполагается, что культурно-нравственные нормы представляют тот самый ценностный каркас любого общества, а религиозные традиции являются одним из его компонентов. В то же время, она выступает в роли фактора социальной стабильности, а также достаточно значимого источника ценностей как элементов, в том числе, политической культуры. В таком случае, возможно формирование позитивного отношения к другим религиям, культурам, стилям жизни, способствуя созданию гармоничных отношений между всеми ними. По данным социологических исследований, приверженность к традиционным конфессиям повышает ориентированность на позитивный образ Родины. Поликонфессиональность России, характеризующаяся существованием общего ценностного пространства, единства ценностных ориентаций выступают культурной основой национальной безопасности.

Культура – литература, искусство, спорт, церковное зодчество и религия и т.д. – как известно, вне политики. Однако, именно они стали сегодня её инструментом, а культурно-исторические, духовно нравственные ценности перестали играть главенствующую роль. Между тем, политические элементы культуры, точнее, их значительная часть, в принципе не видятся в качестве приоритетных, однако, её историко-культурные, духовные, морально-нравственные составляющие – милосердие, благотворительность, поддержка семьи, детей, бедных, защита и приумножение влияния традиционных систем ценностей и т.п. – снискали к себе сугубо положительное отношение.

Также важно отметить, что исходя из сложившейся в обществе политической, социокультурной ситуации и тенденций на будущее, религиозные структуры стали обосновывать идеи по поводу деятельности в гражданской и культурной сферах, сотрудничества с обществом и государством в своих новых социальных доктринах. При этом, традиционные российские конфессии в лице централизованных структур федерального уровня и их лидеров выражают всецелую готовность к социальному партнёрству для решения многочисленных социокультурных проблем.

Библиографический список

1. Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах / Э. М. Андреев, В. Н. Архангельский, В. А. Афанасьев [и др.]. М. : Перспектива, 2018. 716 с. ISBN 978-5-905790-36-2. EDN [XYSMXZ](#).
2. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. М. : Перспектива, 2020. 532 с. DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](#). EDN [KINMZW](#).
3. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М. : ФНИСЦ, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](#). EDN [ORTSAQ](#).
4. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин [и др.]. М. : Весь Мир, 2018. 312 с. ISBN 978-5-7777-0713-0. EDN [YKZSDX](#).
5. Как живешь, Россия?: Экспресс-информация. 52 этап социологического мони-

- торинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022). EDN [BNJMLL](https://www.edn.ru/BNJMLL).
6. *Иванов В. Н.* Идеология: pro et contra. М. : У Никитских ворот, 2021. 72 с. ISBN 978-5-00170-436-2. EDN [AUFYNT](https://www.edn.ru/AUFYNT).
 7. *Эйзенштадт, Ш.* Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 1. С. 57–89. EDN [PCJTQN](https://www.edn.ru/PCJTQN).
 8. Религия в современной России: контексты и дискуссии / Г. А. Аккерманн, В. А. Бутенко, Ю. А. Гаврилов [и др.]. М. : РУДН, 2019. 393 с. ISBN 978-5-209-09726-6. EDN [VFZUZZ](https://www.edn.ru/VFZUZZ).
 9. *Лушкин Р. Н.* Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М. : Нестор-История, 2020. 504 с. ISBN 978-5-4469-1764-8. EDN [RXMKHE](https://www.edn.ru/RXMKHE).
 10. *Степашина Т. Н., Лушкин Р. Н.* Русское православие: первые шаги волонтерского служения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 229–237. DOI [10.15211/vestnikieran2201834](https://doi.org/10.15211/vestnikieran2201834). EDN [UPEGVI](https://www.edn.ru/UPEGVI).
 11. *Узланер Д. А.* Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17, № 1. С. 10–23. EDN [YZZXWX](https://www.edn.ru/YZZXWX).
 12. *Комлева В. В.* Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6(108). С. 130–141. EDN [ZELRGV](https://www.edn.ru/ZELRGV).
 13. *Haynes J., Henning A.* Religious actors in the public sphere. Means, objectives and effects. London : Routledge, 2011. 248 p. ISBN 978-0415610353. DOI [10.4324/9780203807354](https://doi.org/10.4324/9780203807354).
 14. *Андреев А. Л.* Россияне и европейцы: культурно-психологические особенности людей и обществ // Россия и Европа. История, традиции и современность. Том I. М. : Вече, 2014. С. 50–99. EDN [TZANHB](https://www.edn.ru/TZANHB).
 15. *Казаринова Д. Б.* Ценностно-политические проекты формирования идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика / Отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир, 2017. С. 593–597.
 16. *Johnson J., Stepaniants M., Forest B.* Religion and identity in modern Russia. The revival of orthodoxy and islam. London : Routledge, 2017. 176 p. DOI [10.4324/9781315244808](https://doi.org/10.4324/9781315244808). EDN [JOEZAQ](https://www.edn.ru/JOEZAQ).
 17. Religions, Identities, Policies (Points of Convergence and Divergence) : book of abstracts (Serbia, May 22–23, 2020). Serbia : Institute of Social sciences, 2020. 75 p. ISBN 978-86-7093-231-9. EDN [XAIOOQ](https://www.edn.ru/XAIOOQ).
 18. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5). EDN [QATYVU](https://www.edn.ru/QATYVU).
 19. *Мчедлова Е. М.* Динамика социокультурных процессов в условиях становящегося нового мира // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 51–59. DOI [10.19181/nko.2023.29.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.4). EDN [STFFVG](https://www.edn.ru/STFFVG).
 20. *Кублицкая Е. А.* Этноконфессиональные и социально-политические представления коренных и некоренных москвичей (социологический опыт) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 135–149. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.11](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.11). EDN [CNZZZW](https://www.edn.ru/CNZZZW).
 21. *Новоженкина О. П.* Особенности социально-политических оценок религиозного и нерелигиозного населения РФ (по материалам социологического мониторинга «Как живешь, Россия?») // Россия: Центр и регионы : Сб. В 2-х томах. Том II. Выпуск 27. М. : МГТУ СТАНКИН, 2019. С. 71–82. EDN [IMOZWX](https://www.edn.ru/IMOZWX).

Поступила: 12.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторе:

Мчедлова Елена Мирановна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

HMtchedlova@mail.ru

Author ID РИНЦ: [391115](https://elibrary.ru/391115);

ORCID: [0000-0001-7041-4741](https://orcid.org/0000-0001-7041-4741)

E. M. Mchedlova¹

¹ ISPR FCTAS RAS
Moscow, Russia

THE RELATIONSHIP OF POLITICAL, SOCIO-CULTURAL AND VALUE CONTINUUMS

Abstract. The article analyzes the transformation processes in the socio-cultural, political and ideological situation in the country and the mass consciousness of the Russian peoples, based on the new state concept on the Fundamentals of State Policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values (Presidential Decree № 809 of November 9, 2022). It is shown that the dynamics of the interrelated relevant processes are aimed at strengthening national security and strengthening the reliance in the relevant areas on the values of different order - traditional-cultural, spiritual-moral, political-democratic. Much attention in the article is paid to such humanitarian value as human rights (their provision / violation).

The empirical basis of the article was the results of the study conducted by the Center for Sociology of Ideological and Socio-Cultural Processes of ISPR FCTAS RAS in the early post-pandemic period, in 2022, in the territories of Moscow, Murmansk, Arkhangelsk oblasts, Nenets Autonomous Okrug. The research toolkit included questions concerning, in particular, the assessment of the political, socio-cultural situation in the country, the provision of social democratic values - human rights and freedoms, security, social protection, etc.

In our view, the relationship of policy actors with religion and religious organizations is one of the parameters of interconnection and interpenetration of current socio-cultural and political processes, which act simultaneously as a factor of social stability, as well as a fairly significant source of values. Adherence to traditional confessions increases the orientation towards a positive image of the homeland. The images of the desired future demonstrate sufficiently stable historical and value relationships and do not lead to contradictions, and the multi-confessional Russia, characterized by the existence of a common space of value, the unity of value orientations acts as a cultural basis for national security.

Keywords: social transformations, sociocultural processes, mass consciousness, values, religious actors, human rights

For citation: Mchedlova E. M. The relationship of political, socio-cultural and value continuums. *Science. Culture. Society.* 2023;29(2):129–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.11>

References

1. Andreev E. M., Arkhangelsky V. N., Afanasyev V. A. [et al.]. Challenges of the Digital Future and Sustainable Development of Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2017-2018. Moscow: Perspektiva; 2018. 716 p. (In Russ.). ISBN 978-5-905790-36-2.
2. Osipov G. V., Levashov V. K., Ryazantsev S. V. [et al.]. Russian society and state in the context of a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020. Moscow: Perspektiva; 2020. 532 p. (In Russ.). DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](https://doi.org/10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532).
3. Berezina N. V., Bogdanov I. Y., Velikaya N. M. [et al.]. Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2023. 549 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).
4. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Anikin V. A. [et al.]. The capitals and regions of modern Russia: myths and facts fifteen years later. Moscow: Ves' Mir; 2018. 312 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0713-0.
5. Levashov B. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 91 p. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-400-0.2022).

6. Ivanov V. N. Ideology: pro et contra. Moscow: U Nikitskikh vorot; 2021. 72 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00170-436-2.
7. Eisenstadt Sh. The new religious constellations in the frameworks of contemporary globalization and civilizational transformation. *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom=State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2012;30(1):57–89. (In Russ.).
8. Ackermann G. A., Butenko V. A., Gavrilov Y. A. [et al.]. Religion in Contemporary Russia: Contexts and Debates. Moscow: RUDN; 2019. 393 p. (In Russ.). ISBN 978-5-209-09726-6.
9. Lunkin R. N. The churches in politics and the politics in the churches. How the Christianity changes the European society. Moscow: Nestor-Istoriya; 2020. 504 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1764-8.
10. Stepashina T. N., Lunkin R. N. Russian Orthodoxy: First Steps in Volunteer Service. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018;(2):229–237. (In Russ.). DOI [10.15211/vestnikieran2201834](https://doi.org/10.15211/vestnikieran2201834).
11. Uzlener D. A. Religion and Politics: An Unbreakable Symbiosis?. *Rossiya v global'noi politike*. 2019;17(1):10–23. (In Russ.).
12. Komleva V. V. Religious institutions in international humanitarian cooperation. *Ètnosocium i mežnacional'naâ kul'tura*. 2017;6:130–141. (In Russ.).
13. Haynes J., Henning A. Religious actors in the public sphere. Means, objectives and effects. London: Routledge; 2011. 248 p. ISBN 978-0415610353. DOI [10.4324/9780203807354](https://doi.org/10.4324/9780203807354).
14. Andreev A. L. Russians and Europeans: cultural and psychological characteristics of people and societies. In: *Russia and Europe. History, traditions and modernity*. Vol. 1. Moscow: Veche; 2014. P. 50–99. (In Russ.).
15. Kazarinova D. B. Value-political projects of identity formation. In: Semenenko I. S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics*. Moscow: Ves' Mir; 2017. P. 593–597. (In Russ.).
16. Johnson J., Stepaniants M., Forest B. Religion and identity in modern Russia. The revival of orthodoxy and islam. London: Routledge; 2017. 176 p. DOI [10.4324/9781315244808](https://doi.org/10.4324/9781315244808).
17. Religions, Identities, Policies (Points of Convergence and Divergence): book of abstracts (Serbia, May 22–23, 2020). Serbia: Institute of Social sciences; 2020. 75 p. ISBN 978-86-7093-231-9.
18. Zubok Y. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
19. Mchedlova E. M. The dynamics of sociocultural processes in conditions of the emerging new world. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2023;29(1):51–59. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.4).
20. Kublitskaya E. A. Ethno-confessional and socio-political views of indigenous and non-indigenous Muscovites (sociological experience). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2022;28(4):135–149. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.11](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.11).
21. Novozhenina O. P. Features of socio-political assessments of the religious and non-religious population according to the materials of sociological monitoring “How are you, Russia?”. In: *Russia: Center and regions: Coll. in 2 volumes*. Vol. 2. Issue 27, Moscow: MG TU STANKIN; 2019. P. 71–82. (In Russ.).

Received: 12.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the author:

Elena M. Mchedlova, Doctor of Sociology, Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. HMtchedlova@mail.ru
ORCID: [0000-0001-7041-4741](https://orcid.org/0000-0001-7041-4741)

Рецензия
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.12](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.12)
EDN [VZGKTW](https://www.edn.org/VZGKTW)
УДК 316.4

В. И. Савинков¹, О. С. Приведенцева²
¹ РГСУ
² ИС ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА

(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГОРШКОВ М. К., ШЕРЕГИ Ф. Э., ТЮРИНА И. О.
ВОСПРОИЗВОДСТВО СПЕЦИАЛИСТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 384 с.)

Аннотация. Рецензируемая книга заслуживает внимания тем, что в ней анализ кадровой политики государства в сфере интеллектуального труда осуществлён с теоретических позиций воспроизводства социально-профессиональной структуры общества. Основанные на теоретических постулатах выводы авторов книги верифицированы в опоре на богатый статистический и социологический материал. Раскрыта структура неравенства шансов в получении высшего образования, причины формирования «профессионального балласта», дисбаланса на рынке интеллектуального труда. Обоснована необходимость укрепления координирующей роли государства в воспроизводстве специалистов интеллектуального труда в интересах кадровой поддержки инновационного производства.

Ключевые слова: кадровая политика, интеллектуальный труд, высшее профессиональное образование, государственное регулирование, трудоустройство

Для цитирования: Савинков В. И., Приведенцева О. С. Кадровая политика в сфере интеллектуального труда (рецензия на книгу: Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 384 с.) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 138–143. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.12](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.12). EDN [VZGKTW](https://www.edn.org/VZGKTW)

Задача совершенствования российской системы высшего профессионального образования приобрела актуальность в связи с критикой, прозвучавшей весной 2023 года в структурах российской власти. Рецензируемая книга, включающая пять глав, детально рассматривает причины проблем, акцентированных органами государственного управления. Хотя авторы основное внимание уделяют вопросам высшего профессионального образования, как механизма воспроизводства специалистов интеллектуального труда, однако исходный посыл рассматриваемых в книге проблем значительно шире и базируется на органичной функции системы образования как социального института. Эта функция – воспроизводство социально-профессиональной структуры общества, содействие регулированию квалификационной и возрастной ротации специалистов и, как перманентный предмет государственной политики, «сглаживание» противоречия между старшим и молодым поколениями в целях исключения социальных конфликтов. Данная функция органична для всех уровней профессионального образования, но авторы сфокусировали своё внимание на социологическом анализе роли высшего профессионального образования, играющего ключевую роль в подготовке специалистов для инновационного производства в условиях приоритетного развития высокотехнологичной экономики.

© Савинков В. И., Приведенцева О. С., 2023

Глава первая начинается с анализа социальных функций системы образования, выделения социально-интегрирующей и социально-дифференцирующей функций. Этот критерий органично отображает соотношение общего и профессионального образования, то есть интеграции нового поколения в идеологическую и ценностную структуру общества и его дифференциацию в общественном разделении труда [1, с. 16]. Здесь авторам было бы уместно подчеркнуть упущения государства в регулировании системы общего образования, играющего ключевую роль в формировании мировоззрения молодого поколения, указать на тот факт, что последние три десятилетия значительно ослабла воспитательная роль школы, стали «зыбкими» стандарты учебников, а в ряде случаев, например, в преподавании истории и обществоведения, зародились разночтения, порой противоречащие государственной политике консолидации гражданского общества.

Опираясь на данные Росстата, авторы показали негативные последствия чрезмерного использования государством системы профессионального образования для сдерживания части молодого поколения от вхождения в общественное разделение труда. Во-первых, снижается конкуренция на рынке труда, что ведёт к снижению качества труда. Во-вторых, стремление «пристроить» всех выпускников школы вынуждает государство стимулировать неоправданный рост числа вузов, даже там, где нет традиций высшего образования, нет преподавателей соответствующей квалификации, в итоге профессиональная подготовка осуществляется на низком качественном уровне. И следовало добавить – ведёт к девальвации дипломов о высшем образовании, хотя в итоге авторы делают обоснованный вывод: «Это снизило остроту проблемы безработицы, но девальвировало функцию образования по воспроизводству прогрессивной социально-профессиональной структуры» [1, с. 20].

Своевременен вывод авторов об искаженности функции высшего профессионального образования с позиции законов рынка труда [1, с. 22]: рынок труда предполагает спрос на специалистов со стороны предприятий, ориентацию вузов на характер этого спроса и выдвижение основных на нем требований в адрес абитуриентов. Вместо этого есть весьма слабый учёт вузами спроса на специалистов со стороны предприятий, предложение специализаций со стороны вузов абитуриентам и отсутствие в адрес последних требований, диктуемых предприятиями. То есть, вузы сами по себе, а предприятия сами по себе, в результате чего официальный рынок специалистов интеллектуального труда функционирует во многом бессистемно.

Повышенное внимание авторы уделяют анализу неравенства шансов выпускников школ при поступлении в вуз, как нарушения конкурентности и формирования качественного состава студентов вузов, подчёркивая, что гарантия равенства шансов – это прежде всего предмет социальной политики государства. В опоре на результаты общероссийского исследования авторы книги делают вывод о том, что социальная гомогенизация воспроизводства специалистов с высшим образованием реализуется слабо: «доля студентов, у которых отец относится к страте специалистов с высшим образованием – не менее 60% и втрое превышает долю студентов, у которых отец относится к страте рабочих или крестьян (19,3%)» [1, с. 34]. Приведённый показатель было бы неправомерно считать однозначно отрицательным, качество будущих специалистов зависит не столько от социального статуса родителей, сколько от индивидуальных способностей студента. Но авторы правы в том, что в условиях кризиса социальная дифференциация резко усиливает неравенство шансов молодёжи на поступление в вуз и решать эту проблему приходится государству, применяя директивные методы. Например, в 1990-е годы в высокой степени ущемлёнными оказались интересы выпускников сельских школ:

в 1990 г. их доля среди студентов вузов составляла 9,6%, в 1991 г. – 2,3% (при доле сельского населения – 27%). Эту проблему государство решало путём введения единого государственного экзамена (ЕГЭ) и в 2005 г. доля выпускников сельских школ среди студентов вузов составила 13,5%.

Анализируя изменения демографической ситуации по причинам войны и экономических кризисов, авторы пришли к важному выводу о том, что в зависимости от характера демографических циклов государство вынуждено использовать систему профессионального образования для предотвращения обострения противоречия между поколениями, но в ущерб профессиональной, в итоге – жизненной траектории молодых специалистов. Авторы это показали на примере перепроизводства инженеров в 1960-1970-х годах и специалистов гуманитарного профиля в 2000-х годах, большая часть которых в итоге не смогла трудоустроиться по полученной специальности [1, с. 50]. Решение этой проблемы затруднительно, государство подменяет её другой проблемой, искусственно завышая сроки обучения в вузе за счёт введения дополнительного уровня, например, директивно утверждая статус аспирантуры как третьего уровня образования. Какая от этого квалификационная польза, если по данным Росстата в 2021 году среди выпускников закончили аспирантуру с защитой диплома всего 9%?

В книге большое внимание уделено ретроспективному статистическому анализу воспроизводства специалистов с высшим образованием, начиная с 1928 года. Труд серьёзный, так как до 1955 г. большинство данных официальной статистики были засекречены и в последующем систематизированной открытой публикации не осуществлялось.

Принято считать, что государство включается в регулирование воспроизводства социально-профессиональной структуры общества на стадии профессиональной ориентации молодёжи в школе. Во второй главе книги авторы справедливо отмечают, что в последние 30 лет государственная политика в области профессиональной ориентации молодёжи является противоречивой и непоследовательной [1, с. 68], в результате чего и поныне школа эту функцию выполняет слабо: получают в школе совет, по какой специальности продолжить обучение в вузе, менее 5% учащихся старших классов [1, с. 74]. В итоге имеет место перекося в воспроизводстве социально-профессиональной структуры общества: среди выпускников школ на технические специальности ориентируются 27%, на гуманитарные – 40%.

Результат отсутствия синхронизированного соотношения потребности предприятий в специалистах и профильной специализации в вузах, а также слабой координации государством профессиональной ориентации учащихся, как показывают авторы книги – значительный «профессиональный балласт», среди студентов вузов достигающий 25% [1, с. 77]. В последующем – это серьёзный ущерб и для экономики, и для профессиональной траектории молодого специалиста. Данный показатель среди тех выпускников школ, семьи которых не могут оплатить обучение ребёнка в вузе, достигает 45%, в связи с чем оправдано предложение авторов о целесообразности создания фондов по поддержке абитуриентов вузов путём беспроцентного кредита, а также о необходимости расширить страхование на образование.

Обеспечение доступности качественного образования – важный принцип жизни социально-ориентированного государства. На основании данных экспертного опроса педагогической общественности авторы книги приходят к выводу, что для российской молодёжи общедоступность образования сегодня гарантирована не в полной мере: нет гарантированного доступа для молодёжи к качественному образованию вне зависимости от места жительства и уровня доходов семьи; не в полной мере гарантирована информированность учащихся

о реальных потребностях рынка труда [1, с. 91]. Это объективные последствия несовершенной региональной и во многом ущербной имущественной дифференциации населения, отставания развития экономики и индустриализации аграрного производства, в том числе урбанизации провинции.

Ещё один важный вывод авторов, касающийся социального неравенства получения высшего образования, – региональное замыкание вузов: среди окончивших университет в мегаполисах, 99,2% школу также окончили в мегаполисах, т.е. в Москве и Санкт-Петербурге [1, с. 102]. Это свидетельствует о низкой территориальной мобильности работников интеллектуального труда, что ведёт к деформации рынка труда и создаёт в одних регионах избыток, в других – недостаток специалистов.

Глава третья посвящена анализу условий профессионального самоопределения выпускников вузов. В ней авторы, опираясь на результаты общероссийского исследования, детально анализируют состояние рынка интеллектуального труда, спрос предприятий на молодых специалистов. Показывают наличие изъяна в качественной подготовке специалистов: доля профессионально подготовленных некачественно составляет среди выпускников лица – 34,2%, колледжа – 23,6%, вуза – 19,5% [1, с. 116]. Видимо, это следствие того, что с введением платного образования резко сократилось отчисление неуспевающих студентов.

Согласно приводимым авторами результатам экспертного опроса, в 2021 г. дефицит специалистов с высшим образованием в целом по Российской Федерации испытывали 36,8% ведущих производственных компаний. Однако несогласованность профиля подготовки молодых специалистов в вузах и спроса предприятий на конкретные квалификации приводит к противоречию на рынке труда: спрос со стороны предприятий на специалистов с высшим образованием в 3,5 раза ниже, чем число кандидатов на вакансии. Речь идёт не о том, что специалисты не нужны, более того, спрос большой даже на специалистов гуманитарного профиля, однако дестабилизирован сам рынок труда из-за несоответствия фактической квалификации специалиста указанной в дипломе об окончании вуза: предприятия ищут экономиста-аналитика, умеющего выстроить логистику продвижения продукции предприятия на рынке товаров и услуг, а им предлагают специалиста со знаниями не выше бухгалтера; ищут качественного юриста по правовому решению в арбитраже экономических споров, а им предлагают «решалу» по конфликту. Это и есть проблема качества подготовки специалистов в вузах. Авторы приводят результаты экспертного опроса: на 44% ведущих предприятий руководители служб управления персоналом ответили, что они не рассматривают диплом и специализацию, полученную в вузе молодым специалистом, решающими факторами при трудоустройстве [1, с. 126].

Основная причина недостаточной профессиональной подготовленности молодых специалистов – некачественная организация производственной практики. В отличие от директивной формы управления в советских условиях, после перехода предприятий в частную собственность государство не может их обязать принимать студентов для прохождения производственной практики, более того, не может в директивном порядке территориально распределить выпускников между предприятиями.

Потеря государством директивных функций при содействии трудоустройству выпускников вузов есть основная причина ранее указанного регионального замыкания вузов. Заместить эту прошлую функцию государства призваны сами вузы, учредившие у себя центры содействия по трудоустройству выпускников. Однако реальную помощь они оказывают не более 15% обратившимся к ним выпускников, а муниципальные службы занятости населения – не более 5%. В итоге, как показали авторы книги, во всех федеральных округах и в мегаполисах до

80% выпускников вузов трудоустраиваются без помощи университетского центра содействия по трудоустройству или городской службы занятости населения [1, с. 174]. Одна из причин слабого содействия вузов трудоустройству выпускников – отсутствие достоверной перспективной информационной базы возрастной и квалификационной ротации кадров на предприятиях. Каждое второе предприятие не имеет постоянной программы квалификационно-карьерной ротации кадров [1, с. 337]. Видимо, этим объясняется тот факт, что на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге 16 июня 2023 г. В. В. Путин высказал мнение о целесообразности составления предприятиями 5-тилетних планов-ориентиров по ротации кадров и предоставления этих ориентиров вузам для учёта при планировании ими профиля подготовки специалистов.

Завершающую (шестую) главу авторы посвятили детальному анализу, с использованием данных статистики и результатов социологических исследований, воспроизводства отдельных категорий специалистов интеллектуального труда: исследователей в области науки, преподавателей вузов, специалистов социально-гуманитарного профиля, инженерно-технических специалистов.

Также прилагается богатый статистический материал по профессиональной структуре занятого населения и выпускников вузов за период 1928–2021 годы, методические модели, содержащие систему индикаторов для структурирования объекта социологического анализа при изучении проблем воспроизводства социально-профессиональной структуры общества.

Книга отличается насыщенностью статистическим и социологическим материалом, позволяющим авторам аргументировать выводы, актуальные для Российской Федерации в целом. В ней раскрываются те противоречия, которые порождены несоответствием между сохранившейся доминантной ролью государства в подготовке специалистов и определённой отстранённостью от этих функций предприятий, трансформированных в сферу частной собственности. Показана утрата советских традиций корпоративного образования (кстати, широко распространённого в экономически развитых государствах), их относительно медленное восстановление.

Весь материал книги убедительно доказывает, что независимо от глубины и масштабов рыночных преобразований, роль государства в регулировании системы профессионального образования остаётся большой, так как в системе образования на всех уровнях происходит не только подготовка специалистов для предприятий, но и консолидация гражданского самосознания подрастающего поколения, формирование социальной структуры общества. Это важно потому, что представители производственных компаний отмечают преобладание низкой трудовой мотивации выпускников вузов, их недостаточную нацеленность на профессиональное развитие, дефицит у них навыков общения, неумение преподнести себя и результаты своего труда в профессиональной среде, узкий кругозор в профессии.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023). EDN [DMQCRN](https://www.edn.ru/DMQCRN).

Сведения об авторах:

Савинков Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор кафедры человеческого капитала и управления персоналом, Российский государственный социальный университет. Москва, Россия.

visavinkov@senat.gov.ru

Author ID РИНЦ: [497755](https://elibrary.ru/497755);

ORCID: [0000-0002-1544-1605](https://orcid.org/0000-0002-1544-1605)

Приведенцева Ольга Сергеевна, старший научный сотрудник, руководитель лаборатории социологического мониторинга, Институт Социологии ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.
oprivedenceva@mail.ru

V. I. Savinkov¹, O. S. Privedentseva²

¹ RSSU

² IS FCTAS RAS

Moscow, Russia.

PERSONNEL POLICY IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL LABOR

(REVIEW OF THE BOOK: GORSHKOV M. K., SHEREGI F. E., TYURINA I. O.
REPRODUCTION OF SPECIALISTS OF INTELLECTUAL LABOR:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS. MOSCOW: FNISC RAN, 2023. 384 p.)

Abstract. The book under review is noteworthy because the analysis of the state personnel policy in the sphere of intellectual labor is carried out from the theoretical positions of reproduction of the socio-professional structure of society. The conclusions based on theoretical postulates of the authors of the book are verified on the basis of rich statistical and sociological material. The author reveals the structure of inequality of chances to receive higher education, the reasons for the formation of “professional ballast” and imbalance in the market of intellectual labor. The necessity of strengthening the coordinating role of the state in the reproduction of specialists of intellectual labor in the interests of personnel support of innovative production was substantiated.

Keywords: personnel policy, intellectual labor, higher professional education, state regulation, employment

For citation: Savinkov V. I., Privedentseva O. S. Personnel policy in the sphere of intellectual labor (review of the book: Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of specialists of intellectual labor: a sociological analysis. Moscow: FNISC RAN, 2023. 384 p.). *Science. Culture. Society.* 2023;29(2):138–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.12>

References

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of specialists of intellectual labor: a sociological analysis. Moscow: FNISC RAN; 2023. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-413-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023).

Information about the author:

Vladimir I. Savinkov, Doctor of sociology, professor of Faculty of human capital and personnel management, Russian State Social University. Moscow, Russia.

visavinkov@senat.gov.ru

ORCID: [0000-0002-1544-1605](https://orcid.org/0000-0002-1544-1605)

Olga S. Privedentseva, Senior Researcher, head of the sociological monitoring laboratory, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia. oprivedenceva@mail.ru

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

2023. Том 29. № 2. Дата выхода в свет: 30.06.2023.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru